В. М. Истринъ

ЗАМѢЧАНІЯ

О НАЧАЛѢ

РУССКАГО ЛѢТОПИСАНІЯ

По поводу изслѣдованій А. А. Шахматова

Изъ «Извѣстій Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Р. А. Н.», т. XXVII.

ЛЕНИНГРАДЪ
1924

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Апрель 1924.
Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ.*

Россійская Государственная Академическая Типографія

Замѣчанія о началѣ русскаго лѣтописанія.

По поводу изслѣдованій А. А. Шахматова въ области древне-русской лѣтописи[1].

I.

А. А. Шахматовъ не успѣлъ докончить своихъ замѣчательныхъ изслѣдованій о древнерусской Лѣтописи. Послѣ обширной работы, вышедшей въ 1908 году—«Разысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ»—онъ въ 1916 году далъ опытъ возстановленія «Повѣсти временныхъ лѣтъ», предпославъ изданію текста небольшое введеніе, разсматривающее вопросъ о редакціяхъ «Повѣсти». Первое изслѣдованіе доводило исторію лѣтописанія до 1074 года, когда, по мнѣнію автора, извѣстный «великій» Никонъ, сподвижникъ Феодосія Печерскаго и впослѣдствіи игуменъ Кіево-Печерскаго монастыря, закончилъ первое свое «продолженіе» къ «Древнѣйшему своду» (1039 года). Во второй работѣ дана исторія «Повѣсти временныхъ лѣтъ», сложившейся, по мнѣнію автора, въ началѣ второго десятилѣтія XII вѣка. Такимъ образомъ, остались незаполненной средина между двумя работами и не обслѣдованнымъ промежуточный періодъ лѣтописанія отъ 80-хъ годовъ XI вѣка до 2-го десятилѣтія XII в., тотъ періодъ, въ который явился, по мнѣнію автора, второй Кіево-печерскій сводъ (первый сводъ — Никона), называемый имъ «Начальнымъ

---

[1] Настоящая статья предназначалась для журнала «Начала», во второй книжкѣ котораго и были напечатаны 1-я и 2-я главы. Но на второй книжкѣ «Начала» прекратили свое существованіе, и потому печатаніе статьи было перенесено въ настоящее изданіе Въ виду же необходимости сохранить связность и цѣлость статьи, здѣсь перепечатываются и первыя двѣ главы съ нѣкоторыми отмѣнами.

сводомъ» — около 1095 года. Хотя объ этомъ «Начальномъ сводѣ» можно было получить достаточное представленіе и изъ «Разысканій», однако, какъ не подвергнутый спеціальному обслѣдованію, онъ все-таки во многихъ отношеніяхъ оставался неяснымъ, особенно по отношенію къ послѣдующему лѣтописанію т. е. къ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Этотъ пробѣлъ долженъ былъ быть восполненнымъ во второмъ томѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», который, кромѣ того, долженъ былъ содержать и обозрѣніе источниковъ «Повѣсти» и характеристику редакціонной работы ея составителей (Предисловіе, V и Введеніе, XXI). Но это не было выполнено. Далѣе, въ послѣднее время своей жизни А. А. Шахматовъ высказывалъ намѣреніе дать очеркъ исторіи лѣтописанія въ XII — XIII вв. и устно сообщалъ кое-что изъ своихъ соображеній. Но и это осталось не исполненнымъ. Это преждевременное прекращеніе изслѣдованія древнерусской Лѣтописи тѣмъ болѣе огорчительно, что А. А. въ своихъ работахъ далеко еще не сказалъ своего послѣдняго слова даже и по тѣмъ вопросамъ, которымъ посвящены его послѣднія изслѣдованія. Слѣдившіе за его работами хорошо знаютъ, что А. А. никогда не останавливался на высказанномъ однажды научномъ положеніи, но всегда подвергалъ своей собственной критикѣ свои прежніе выводы и неоднократно мѣнялъ свои мысли по тому или другому вопросу. Поэтому, можно быть увѣреннымъ, что А. А. вернулся бы когда-нибудь къ пересмотру уже изслѣдованныхъ имъ сторонъ исторіи лѣтописнаго дѣла — можетъ быть, даже и не одинъ разъ — и высказалъ бы иные взгляды по нѣкоторымъ пунктамъ. Но это остается уже въ области предположеній, которымъ теперь уже не суждено сбыться, и изслѣдователямъ древне-русскаго лѣтописанія приходится довольствоваться тѣмъ, что осталось отъ преждевременно прекратившейся неутомимой научной дѣятельности Шахматова.

Изслѣдованія А. А. Шахматова по исторіи древне-русскаго лѣтописанія многими уже использованы и въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ общихъ обозрѣніяхъ. Такъ М. Д. Приселковъ въ своей монографіи «Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси XI — XII вв.» (1913 г.) заявлялъ, что его работа находится въ связи съ наличностью «тѣхъ новыхъ и важныхъ результатовъ, къ какимъ пришелъ въ изслѣдованіяхъ... А. А. Шахматовъ, особенно въ своихъ «Разысканіяхъ о

древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ» (XIV). Здѣсь разумѣется главнымъ образомъ установленіе Шахматовымъ «Древнѣйшаго свода» 1039 года. Изъ общихъ обозрѣній можно указать на двѣ статьи А. Е. Преснякова въ «Исторіи русской литературы» въ изд. Т-ва «Міръ» — 1) «Древнерусское лѣтописаніе» и 2) «Лѣтописное дѣло въ XIV — XVI вв.». Особенно первая статья представляетъ собой подробное изложеніе выводовъ Шахматова, съ оговоркой, впрочемъ, что, хотя въ результатахъ такой работы, которая произведена надъ лѣтописями Шахматовымъ, «всегда будетъ значителенъ элементъ выводовъ гипотетическихъ, но она неизбѣжна для правильнаго пониманія изучаемаго литературнаго явленія» (стр. 150). Полностью, но въ болѣе краткомъ видѣ выводы Шахматова изложены М. Н. Сперанскимъ въ его «Исторіи древне-русской литературы». Ихъ излагаетъ и В. С. Иконниковъ въ своемъ «Опытѣ русской исторіографіи», т. II. Многочисленныя ссылки на работы Шахматова можно найти во многихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ какъ спеціально о Лѣтописяхъ, такъ и о другихъ древне-русскихъ памятникахъ, съ Лѣтописью связанныхъ.

Между тѣмъ, критическому разбору изслѣдованія А. А. Шахматова по исторіи древне-русскаго лѣтописанія до сихъ поръ не подвергались. Всѣхъ поражала новизна постановки самаго способа изслѣдованія русскаго лѣтописанія, всѣ удивлялись остроумнымъ комбинаціямъ и заключеніямъ автора по ряду интереснѣйшихъ вопросовъ въ области лѣтописанія, но всѣ взгляды автора или принимались на вѣру или, въ крайнемъ случаѣ, сопровождались замѣчаніемъ въ родѣ того, какое сдѣлалъ А. Е. Пресняковъ въ только что упомянутой статьѣ. Кромѣ причинъ чисто случайныхъ, такое отношеніе къ работамъ Шахматова, которыя, по словамъ того же А. Е. Преснякова, «открываютъ новую эпоху историко-литературнаго изслѣдованія памятниковъ древне-русскаго и позднѣйшаго сѣвернаго лѣтописанія» (ibid.), — такое отношеніе объясняется, несомнѣнно, и тѣмъ, что появлявшіяся одна за другой статьи автора по вопросамъ лѣтописанія пріучили изслѣдователей къ мысли, что взгляды автора еще не установились окончательно, что процессъ его творчества еще продолжается, и что каждая слѣдующая статья будетъ вносить новыя данныя въ прежнія положенія. А обнаруживаемое Шахматовымъ

изумительное знаніе лѣтописнаго матеріала и необыкновенное его умѣнье владѣть имъ невольно удерживали многихъ отъ попытокъ подвергнуть подробному разбору его изслѣдованія. Лишь одну статью можно указать, гдѣ взгляды Шахматова подверглись оспариванію, — это статья С. А. Богуславскаго «Къ вопросу о характерѣ и объемѣ литературной дѣятельности преп. Нестора» (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Акад. Наукъ, 1914, кн. I и III), съ нѣкоторыми возраженіями котораго Шахматовъ согласился.

Въ настоящее время, когда, къ великому сожалѣнію всѣхъ работающихъ въ области древне-русской письменности, ученая дѣятельность Шахматова прекратилась, отпадаетъ одна причина, удерживавшая интересующихся исторіей Лѣтописи въ выжидательномъ положеніи. Мы должны довольствоваться тѣмъ, что дано талантливымъ ученымъ, и должны опредѣлить настоящую цѣнность его работъ. А. А. Шахматовъ уже сказалъ свое послѣднее слово о Лѣтописи, но именно только «свое»; вообще же о Лѣтописи «послѣдняго слова» еще не сказано, да и трудно гадать, когда оно будетъ сказано, и еще вопросъ, будетъ ли вообще когда-нибудь такое слово сказано. Изслѣдователи Лѣтописи принуждены вращаться въ одномъ и томъ же кругу матеріала; можно говорить съ увѣренностью, что новаго существеннаго матеріала уже не отыщется, и вся дальнѣйшая разработка лѣтописнаго развитія въ древней Руси будетъ въ сильной степени зависѣть отъ удачнаго новаго комбинированія стараго матеріала и отъ удачнаго выдвиганія новыхъ гипотезъ по многимъ, едва ли вполнѣ разрѣшимымъ вопросамъ. Работы А. А. Шахматова, дѣйствительно, произвели эпоху въ исторіи древне-русскаго лѣтописанія, и теперь предстоитъ рѣшить, идти ли въ этой области по его слѣдамъ, разрабатывая русскую Лѣтопись по его методу, или его методъ требуетъ поправокъ и дополненій. Какія изъ его положеній, въ большомъ количествѣ гипотетическихъ, могутъ быть приняты какъ вполнѣ доказанныя, могущія служить исходными пунктами для дальнѣйшихъ «Разысканій», какія должны остаться подъ сомнѣніемъ и, наконецъ, какія должны быть отвергнуты? Чѣмъ талантливѣе изслѣдователь, тѣмъ большею субъективностью проникнуты его работы, и тѣмъ труднѣе они могутъ находить себѣ прямыхъ продолжателей. Но существо метода останется,

и имъ воспользуются слѣдующія поколѣнія, видоизмѣняя его и внося свои поправки. Точно также многія мысли, высказанныя впервые такимъ изслѣдователемъ, если и не будутъ приняты въ наукѣ цѣликомъ, то во всякомъ случаѣ дадутъ толчокъ къ пересмотру того или иного вопроса, въ результатѣ чего могутъ явиться новые взгляды и положенія. Все это особенно приложимо къ Шахматову, который въ исторіи разработки древнерусскаго лѣтописанія займетъ одно изъ крупнѣйшихъ мѣстъ. Тѣмъ болѣе настоятельно подвергнуть его выдающіяся изслѣдованія надлежащей оцѣнкѣ, на что, несомнѣнно, потребуется много усилій, вслѣдствіе трудности усвоенія самаго метода автора. Послѣдняя задача всегда является наиболѣе трудною. Методъ и матеріалъ находятся между собой въ тѣсной связи и вліяютъ другъ на друга. Изслѣдователь иногда и самъ можетъ не замѣчать, въ какой кругъ онъ попадаетъ, и критику часто предстоитъ рѣшать, съ одной стороны, какъ принятый методъ вліялъ на оцѣнку изслѣдователемъ отдѣльныхъ фактовъ, и съ другой — насколько матеріалъ, расчлененный на отдѣльныя части, подтверждаетъ общее направленіе способа изслѣдованія.

Мои «Замѣчанія» въ настоящей статьѣ касаются: 1) такъ называемаго «Древнѣйшаго свода», возстановленнаго Шахматовымъ и относимаго имъ къ 1037—39 годамъ, и 2) редакціи «Повѣсти временныхъ лѣтъ». По тому и другому вопросу я довольно сильно разошелся съ Шахматовымъ. Такъ какъ я не могу согласиться съ нимъ во взглядахъ на составъ и способъ сложенія «Древнѣйшаго свода», то тѣмъ самымъ я не могу раздѣлять его взглядовъ и на такъ называемый «Начальный сводъ», относимый имъ къ 1095 году. Но такъ какъ, какъ сказано выше, спеціальное изслѣдованіе о «Начальномъ сводѣ» не успѣло быть написаннымъ, то я и не касаюсь его въ деталяхъ, ограничиваясь тѣмъ, что даютъ о немъ «Разысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ». Оставлена пока въ сторонѣ и Новгородская I лѣтопись, которая при моихъ возраженіяхъ автору не имѣетъ уже того значенія, какое она имѣла для него.

II.

А. А. Шахматовъ въ «Разысканіяхъ» устанавливаетъ то положеніе, что «Повѣсти временныхъ лѣтъ» предшествовалъ сводъ, составленный около 1095 г. и окончившійся 1093 годомъ. Сначала Шахматовъ указываетъ, что нѣкоторыя статьи «Повѣсти», на основаніи анализа текста, должны быть признаны вставками. Затѣмъ привлекается I Новгородская лѣтопись младшаго извода, и изъ сравненія съ нею вытекаютъ два положенія: 1) части, признанныя вставками на основаніи анализа текста, оказываются отсутствующими въ I Новгородской лѣтописи — это, какъ-будто, подтверждаетъ вѣрность взгляда на нихъ, какъ на позднѣйшія вставки: I Новгородская лѣтопись въ извѣстныхъ годахъ восходитъ какъ-будто къ древнѣйшему своду, сокращенному, въ которомъ всѣхъ указываемыхъ мѣстъ не было; съ этимъ положеніемъ *пока* согласиться можно; 2) есть рядъ мѣстъ, признанныхъ на основаніи того же анализа текста вставками, но читающихся и въ I Новгородской лѣтописи. Какъ же они попали въ послѣднюю? Авторъ и говоритъ, что такой фактъ указываетъ на то, что «Повѣсти временныхъ лѣтъ» предшествовалъ не одинъ сводъ 1095 г., но два: своду 1095 г. предшествовалъ другой, болѣе древній сводъ, возстанавливаемый *путемъ анализа* какъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», такъ и соотвѣтствующихъ статей I Новгородской лѣтописи. Это — сводъ 1039 г. (т. е. «Древнѣйшій сводъ». «Разыск.», гл. I).

Отсюда логически вытекаютъ слѣдующія задачи: 1) доказать, что извѣстія, отсутствующія въ I Новгородской лѣтописи, дѣйствительно, являются позднѣйшими вставками, а не обратно — опущенными редакторомъ I Новгородской лѣтописи, и 2) доказать, что извѣстныя части, читаемыя и въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и въ I Новгородской лѣтописи, по внутреннему своему смыслу должны быть разсматриваемы, какъ вставки, а не какъ исконная принадлежность лѣтописнаго разсказа. Если это не будетъ доказано, особенно второе, то рушится необходимость (по крайней мѣрѣ, по приводимымъ авторомъ основаніямъ) признавать существованіе предшествующихъ сводовъ.

Подлежащія исключенію изъ «Древнѣйшаго свода» мѣста и читаемыя, однако, въ I Новгородской лѣтописи, объясняются авторомъ тѣмъ, что впослѣдствіи, черезъ различные промежуточные своды, они могли попасть изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и въ I Новгородскую лѣтопись.

Итакъ, слѣдуетъ разсмотрѣть тѣ мѣста, которыя въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» представляются позднѣйшими вставками. Сюда относится IV глава «Разысканій», стр. 97—133.

1) **Кончина Ольги** («Разысканія», стр. 114—115).

А. А. Шахматовъ утверждаетъ, что Начальный сводъ содержалъ «вопіющее противорѣчіе»: сначала говорилось о всенародномъ погребеніи («и плакася по ней сынъ ея и внуци ея и людье вси плачемъ великомъ, несоша и погребоша ю на мѣстѣ»), а потомъ сообщается, что ее похоронилъ прозвитеръ Ольгинъ. Отсюда слѣдуетъ де заключить, что въ статьѣ слиты два источника: 1) народный, говорившій о всенародномъ погребеніи Ольги, и 2) церковный, говорившій о погребеніи ея священникомъ.

Но это не такъ. Здѣсь говорится не о двухъ погребеніяхъ, но объ одномъ. Хоронилъ Ольгу *весь народъ* въ томъ смыслѣ, что провожалъ ее на мѣсто погребенія, а обрядъ погребенія (отпѣваніе) совершалъ ея христіанскій священникъ. Совершенно понятны, поэтому, слова лѣтописца, что Ольга не велѣла «творити трызны надъ собою», и въ противорѣчіи съ сказаніемъ о проводахъ ея на кладбище всѣмъ народомъ нисколько не находятся. Поэтому, нѣтъ никакой необходимости раздѣлять это сказаніе на два источника. Разсказъ — цѣльный, не заключающій въ себѣ никакихъ противорѣчій. Основанія по содержанію для признанія двухъ источниковъ — народнаго и церковнаго — слишкомъ шатки. Заключать изъ извѣстія, что провожали тѣло Ольги «людье вси», о заимствованіи его изъ какого-то источника народнаго, а изъ сообщенія о погребеніи ея христіанскимъ священникомъ — о существованіи особаго церковнаго источника — слишкомъ мало для этого данныхъ. Само по себѣ вполнѣ возможно, что могли существовать одновременно и устные народные разсказы о погребеніи Ольги и церковное изложеніе, но тамъ и тутъ одинаково могло говориться, что провожалъ Ольгу весь народъ, а отпѣвалъ — ея священникъ. Особенно изъ словъ I Новгородской лѣто-

писи (и Соф. I) «бѣ бо имущи презвутера втайнѣ» нельзя заключать, что здѣсь говорится о *тайномъ* погребеніи, совершенномъ священникомъ: если бы даже и можно было доказать, что слово «втайнѣ» стояло въ первооригиналѣ, то это обозначало бы только то, что Ольга имѣла при себѣ священника, не выставляя на показъ своего христіанства, а никакъ не то, что священникъ «*похоронилъ ее втайнѣ*»; да это противорѣчитъ и самой конструкціи обоихъ предложеній: «бѣ бо имущи презв. втайнѣ, и тои похорони ю». Но вѣроятно, что слово «втайнѣ» есть личный домыселъ одного изъ писцовъ лѣтописнаго текста, оригинала Новгородской I и Софійской I, вполнѣ вообще объяснимый.

2) Въ разсказѣ подъ 968 (6476 г.) объ осадѣ (Разысканія, стр. 125—127) Кіева печенѣгами во время отсутствія Святослава Шахматовъ видитъ рядъ противорѣчій и несообразностей, заставляющихъ его принимать здѣсь работу двухъ редакторовъ—Древнѣйшаго свода (1039 г.) и Начальнаго (1093): послѣднему онъ приписываетъ весь разсказъ о смѣломъ юношѣ и о Претичѣ [1].

Но рѣшительно и здѣсь нѣтъ никакихъ противорѣчій, и весь разсказъ вполнѣ ясенъ. Онъ таковъ. Печенѣги обступили весь Кіевъ кругомъ и заняли берегъ Днѣпра, такъ что нельзя было изъ города т. е. изъ городскихъ стѣнъ пробраться къ берегу и переплыть на другой берегъ Днѣпра, гдѣ собрались люди, которые и съ своей стороны не могли проникнуть въ городъ. Окруженіе было полное: «не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти посълати». Поэтому то, Святославъ не зналъ ничего объ осадѣ. Но одинъ смѣлый юноша пробрался черезъ Днѣпръ къ своимъ, и когда на другой день Претичъ въ лодкахъ съ трубнымъ звукомъ подъѣхалъ къ городу т. е. къ тому берегу, гдѣ стояли печенѣги, то послѣдніе испугались и бѣжали и остановились на рѣчкѣ Лыбеди, запрудивъ ее такъ, что даже коней нельзя было въ ней напоить. Но городъ,

[1] Во время печатанія настоящей статьи я ознакомился съ рецензіей проф. В. Завитневича на книгу М. Д. Приселкова (см. выше), въ которой рецензентъ разбираетъ взгляды Шахматова на лѣтописныя сказанія объ осадѣ печенѣгами Кіева и о взятіи города Переяславца. Оказалось, что проф. Завитневичъ такъ же отрицательно относится ко взглядамъ Шахматова, какъ и я, только онъ развилъ это подробнѣе («Труды Кіевской Духовной Академіи», 1914 г.).

вслѣдствіе отступленія печенѣговъ, отъ тѣсной блокады освободился, Ольга съ внуками и людьми вошла въ лодки, а кіевляне только тогда могли послать Святославу извѣстіе. Святославъ быстро пришелъ и прогналъ печенѣговъ «въ поле».

Итакъ, нѣтъ никакого противорѣчія и нѣтъ никакой нужды видѣть здѣсь позднѣйшую вставку. Новгородская I лѣтопись имѣетъ тотъ же разсказъ, и потому и она не заставляетъ сама по себѣ принимать здѣсь добавленіе Начальнаго свода. Присутствіе разсказа въ Новгородской I лѣтописи, вмѣстѣ съ такими же другими, и должно было заставлять автора возстановлять различные способы позднѣйшаго вліянія однихъ сводовъ на другіе. Въ данномъ случаѣ, однако, надо безусловно принимать для «Древнѣйшаго свода» весь разсказъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ читается во всѣхъ теперешнихъ спискахъ. Наоборотъ, при возстановленіи чтенія для Древнѣйшаго свода, какъ это дѣлаетъ авторъ (стр. 547), получается противорѣчіе: городъ былъ окруженъ («оступиша градъ»), а кіевляне все-таки посылаютъ вѣсть Святославу. Кромѣ того, возникаютъ нѣкоторыя возраженія частнаго характера:

а) Разысканія, 127: Если еще и можно признавать, что въ разсказъ объ осадѣ печенѣгами Кіева народное преданіе было использовано авторомъ «Древнѣйшаго свода» 1039 г., такъ какъ промежутокъ былъ неособенно длинный (60 лѣтъ), но предполагать, что этимъ же народнымъ преданіемъ воспользовался авторъ «Начальнаго свода» 1095 г. мало основаній, такъ какъ прошло еще 60 лѣтъ, и преданіе едва ли могло такъ долго сохраняться. Но и все объясненіе не можетъ не казаться искусственнымъ. Цѣльное народное преданіе разрывается на двѣ части, и одна отдается автору «Древнѣйшаго свода» 1039 г., а другая — автору «Начальнаго свода» 1095 г. Да и само по себѣ невѣроятно, чтобы авторъ «Древнѣйшаго свода» изъ такого цѣльнаго преданія вдругъ, безъ всякой причины, выпустилъ самый интересный эпизодъ — подвигъ юноши и роль Претича.

b) Исторію походовъ Святослава въ Болгарію Шахматовъ возводитъ къ болгарской лѣтописи и перестраиваетъ все лѣтописное сказаніе. Однако, документальныхъ данныхъ для такого перестраиванія и для возстановленія болгарской лѣтописи нѣтъ никакихъ, и все должно осно-

ваться на соображеніяхъ, да на кажущихся несообразностяхъ. Положительнаго здѣсь ничего дать нельзя, а догадки автора вызываютъ возраженія. Догадки автора слѣдующія: Рѣчь Святослава къ матери о нежеланіи остаться въ Кіевѣ и о желаніи жить въ Переяславцѣ не могла де быть придумана кіевлянином, но взята непремѣнно изъ болгарской хроники, гдѣ, однако, эта рѣчь была вложена Святославу въ другой обстановкѣ, а именно: Святославъ, взявъ Переяславецъ, говоритъ только: «се градъ мой». Не можетъ быть, чтобы вся рѣчь ограничивалась тремя словами — говоритъ Шахматовъ. За этими словами слѣдовало де объявленіе Святославомъ Переяславца постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ и обоснованіе этого: «яко то есть среда земли» и т. д. Авторъ «Древнѣйшаго свода» извлекъ эту рѣчь, сказанную при взятіи Переяславца, и обратилъ ее въ рѣчь, сказанную въ Кіевѣ Ольгѣ и боярамъ.

Все это, несомнѣнно, очень остроумно, но — бездоказательно и не вызывается ничѣмъ. Если ко всему разсказу подойти просто, то не найдемъ никакого противорѣчія. Мы не знаемъ, какъ и что говорилось въ болгарской хроникѣ, ибо отъ нея нѣтъ никакихъ слѣдовъ и нѣтъ нигдѣ о ней никакого упоминанія. Но, несомнѣнно, лѣтописецъ передавалъ такъ, какъ въ его время разсказывали его русскіе источники, можетъ быть — письменные, можетъ быть — устные. Можетъ быть, въ этихъ разсказахъ и записяхъ не все соотвѣтствовало хронологической послѣдовательности, но такъ передавала народная память. И все, что говорилъ Святославъ, все это передавалось и въ его дружинѣ, конечно не буквально, ибо его словъ никто не записывалъ; устная передача могла быть съ теченіемъ времени записана, и трудно сказать, откуда разсказъ появился въ лѣтописи — непосредственно ли изъ устнаго преданія или изъ предшествовавшей записи. Но во всѣхъ рѣчахъ ничего неправдоподобнаго нѣтъ. Слова Святослава «се градъ мой» могли означать только: «наконецъ-то городъ мой», или просто: «это будетъ моимъ городомъ», и едва ли можно согласиться съ требованіемъ, чтобы Святославъ, если что-либо говорилъ, что непремѣнно говорилъ бы длинную рѣчь.

3) Подъ 970 г. читается о посольствѣ новгородцевъ къ Святославу за княземъ. Шахматовъ (Разысканія, 129—130 и 173) выбрасываетъ это сказаніе изъ «Древнѣйшаго свода», хотя оно буквально чи-

тается и въ Новгородской I лѣтописи, и вставляетъ его въ возстановляемый имъ Новгородскій сводъ (стр. 613), откуда его и взялъ де авторъ «Начальнаго свода». Основывается это, однако, лишь на однихъ соображеніяхъ, на приписываніи автору «Древнѣйшаго свода» какого-то особаго плана, по которому онъ долженъ былъ поступить такъ, а не иначе. Почему составителю «Древнѣйшаго свода» было «необходимо тотчасъ же послѣ смерти Ольги сообщить о второмъ походѣ въ Болгарію» (129)—остается неизвѣстнымъ. Что сдѣлалъ (по мнѣнію автора) составитель «Начальнаго свода», то могъ сдѣлать и составитель «Древнѣйшаго свода». Еще можно было бы согласиться съ предложеннымъ возстановленіемъ, если бы всего этого эпизода не читалось въ Новгородской I лѣтописи: но онъ въ ней есть, и потому все дѣло идетъ не отъ документальныхъ данныхъ, а отъ спорныхъ соображеній.

Разсказъ о приглашеніи новгородцами Владимира Шахматовъ выбрасываетъ изъ «Древнѣйшаго свода» и вставляетъ въ возстановляемый Новгородскій сводъ (съ большими варіантами), откуда де онъ и вошелъ въ «Начальный сводъ», на томъ основаніи, что будто бы «не можетъ быть сомнѣнія, что передъ нами народное новгородское преданіе» (стр. 173). Но, во первыхъ, нѣтъ основаній для такого категорическаго утвержденія. Это преданіе на столько же новгородское, на сколько и кіевское: новгородцы приходили въ Кіевъ, въ Кіевѣ вели переговоры, и прежде всего кіевляне знали объ этихъ переговорахъ; во-вторыхъ, въ немъ нѣтъ никакого «юмора сознающаго свой перевѣсъ новгородца» и «гордости по поводу выбора, ибо Владимиръ оказался побѣдителемъ Ярополка и могущественнѣйшимъ княземъ»: такая гордость одинаково могла быть и у кіевлянина[1].

4) Разысканія, 131. Шахматовъ признаетъ вставкой въ «Начальный сводъ» разсказъ объ испытаніи Святослава дарами со стороны грековъ. Такъ какъ весь разсказъ, по мнѣнію Шахматова, взятъ изъ той же

[1] Въ противоположность объясненію даннаго извѣстія, авторъ на стр. 456 подобнаго же характера извѣстіе находитъ, однако, возможнымъ объяснить обратно: извѣстіе подъ 1071 г. о появленіи волхва въ Новгородѣ, убитаго Глѣбомъ, авторъ считаетъ записаннымъ въ Кіевѣ: «Никонъ могъ услышать это даже отъ кого-нибудь изъ монаховъ Печерской обители—родомъ изъ Новгородской области».

болгарской хроники, о которой говорилось выше, то является вопросъ, кому принадлежитъ эта вставка — «Древнѣйшему своду» или «Начальному». По мнѣнію автора — «Начальному», на томъ основаніи, что авторъ «Начальнаго свода» охотно дополнялъ свой разсказъ изъ народныхъ преданій и пѣсенъ. Но, во-первыхъ, логически нѣтъ никакой необходимости считать этотъ разсказъ вставкой: разсказъ идетъ вполнѣ связно и послѣдовательно; во-вторыхъ, документально также нельзя это доказать, ибо разсказъ читается и въ Новгородской I лѣтописи, отсутствіе въ которой еще могло бы быть основаніемъ считать его, дѣйствительно, вставкой; въ-третьихъ — указаніе на охоту автора «Начальнаго свода» дополнять свой разсказъ изъ народныхъ преданій и пѣсенъ основывается на такихъ же примѣрахъ, которые всѣ вызываютъ одинаковое сомнѣніе и возраженія, а потому оно и не можетъ имѣть доказательной силы.

5) Разысканія, 109. Шахматовъ считаетъ позднѣйшей вставкой разсказъ 945 года о трехъ местяхъ Ольги древлянамъ. Но основанія для этого слишкомъ проблематичны. Новгородская I лѣтопись сохранила этотъ разсказъ, и потому отсутствіе его въ «Древнѣйшемъ сводѣ» необходимо доказывать общими соображеніями, которыя, конечно, не будучи подкрѣплены документально, вызываютъ возраженія. Шахматовъ приводитъ слѣдующія четыре основанія для признанія этого разсказа вставкой:

a) Послѣ указанія, что по смерти Игоря Ольга осталась въ Кіевѣ съ Святославомъ, Асмудомъ и Сванельдомъ, мы ожидали будто бы продолженія, гдѣ выступили бы всѣ четыре лица. Но съ логической стороны здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Сначала идетъ общее указаніе на то, что осталось послѣ Игоря, а потомъ слѣдуетъ месть Ольги при помощи хитрости, а затѣмъ — походъ т. е. месть открытая. Нельзя лѣтописцу предписывать, чтобы онъ слѣдовалъ нашему плану.

b) То же должно сказать и о томъ, что, въ случаѣ первоначальности разсказа, заглавіе «Начало княженья Святослава» (946 г.) стояло бы не на мѣстѣ. Еще вопросъ, кому принадлежитъ заглавіе; но ничего нѣтъ удивительнаго, если лѣтописецъ считалъ моментомъ вступленія Святослава на столъ 946 годъ, и на томъ, быть можетъ, основаніи, что въ разсказѣ о трехъ местяхъ Ольга дѣйствуетъ одна, отъ себя лично,

а въ слѣдующемъ 946 году походъ совершаетъ Святославъ, хотя и малолѣтній.

c) Походъ противъ древлянъ будто бы не согласованъ съ сообщеніемъ объ ихъ избіеніи. Но тутъ же авторъ говоритъ, что лѣтописецъ указываетъ, что Ольга пошла въ походъ, чтобы добить оставшихся древлянъ, но что это объясненіе лѣтописца кажется ему явно натянутымъ. Однако, для непредубѣжденнаго читателя никакой натянутости здѣсь нѣтъ: Ольга убила 5 тысячъ древлянъ, возвратилась въ Кіевъ, стала готовить войско противъ оставшихся и на слѣдующій годъ двинулась противъ нихъ. Все разсказано послѣдовательно, какъ могло быть и въ дѣйствительности.

d) 4-я месть Ольги при Искоростени, по мнѣнію Шахматова, вставлена уже авторомъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» въ «Начальный сводъ», и на этомъ де основаніи можно заключать, что и предыдущій сводчикъ т. е. авторъ «Начальнаго свода» распространилъ свой трудъ (т. е. «Древнѣйшій сводъ») вставкой о первыхъ трехъ местяхъ Ольги. Но если бы даже 4-я месть и была вставлена авторомъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», то отсюда логически никакъ не слѣдуетъ, что и предшествующій авторъ, работавшій до этого за 70 лѣтъ (по Шахматову), въ данномъ мѣстѣ долженъ былъ сдѣлать подобную же вставку. Онъ могъ, конечно, ее сдѣлать, но логической необходимости заключать о ея необходимости нѣтъ никакой. Но и помимо того, самый взглядъ на 4-ю месть, какъ на вставку «Повѣсти», требуетъ доказательствъ: отсутствіе его въ Новгородской I лѣтописи стоитъ въ связи съ отсутствіемъ многихъ другихъ извѣстій въ Новгородской I сравнительно съ Лавр.-Ипатьевской. Самъ же по себѣ, этотъ разсказъ не содержитъ признаковъ вставки и вполнѣ гармонируетъ съ предыдущими тремя местями[1].

6) Разысканія, 173—4. Новгородской вставкой, сдѣланной въ «Начальномъ сводѣ» (1095 г.), авторъ считаетъ разсказъ подъ 980 годомъ о сватовствѣ Владимира къ Рогнѣдѣ. Это извѣстіе читается и въ Новго-

[1] «Възложи» («на ня дань тяжку») есть чтеніе первоначальное (РА. Ипат.), а «възложиша» (Лавр.) есть позднѣйшее; Новгородская I есть сокращеніе обычной ред. Повѣсти, но такого ея списка, гдѣ читалось «возложиша»; но возможно, что въ Новгородской «возложиша» изъ «возложи» подъ вліяніемъ «побѣдиша».

родской I лѣтописи. Но нѣтъ основанія считать эту вставку новгородскою записью. Авторъ указываетъ на ея связь съ якобы новгородскою статьею 979 года, но сначала нужно увѣриться, что статья 979 года непремѣнно есть новгородскаго происхожденія; однако, ничего специфически новгородскаго въ ней нѣтъ. Нѣтъ ничего специфически новгородскаго и въ статьѣ 980 года. Сказаніе о сватовствѣ Владимира къ Рогнѣдѣ могло быть одинаково извѣстно и въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, а интересъ къ нему скорѣе могъ преобладать у кіевлянъ, нежели у новгородцевъ. Но если бы даже это извѣстіе и было новгородскаго происхожденія, то при постоянныхъ сношеніяхъ между Новгородомъ и Кіевомъ оно также легко могло перейти и въ Кіевъ, конечно, тѣмъ же устнымъ путемъ, какимъ первоначально переходили и всѣ другія подобныя извѣстія.

Далѣе Шахматовъ говоритъ, что умѣстнѣе было бы ждать упоминанія о варягахъ въ сообщеніи о походѣ Владимира противъ Ярополка, ибо противъ именно его приглашены были варяги, между тѣмъ варяги идутъ противъ Рогвольда. Эта—тоже де основаніе для признанія вставки. Однако, по ходу разсказа совершенно естественно выходитъ, что варяги оказались въ походѣ противъ Рогвольда. Они были, дѣйствительно, приглашены противъ Ярополка, но Владиміръ не сразу пошелъ противъ него, а сначала послалъ ему предупрежденіе, чтобы тотъ приготовился къ его встрѣчѣ, а въ это время присватался къ Рогнѣдѣ. Получивъ отъ Рогнѣды отказъ, онъ пошелъ противъ Рогвольда. Куда же ему было дѣвать варяговъ? Они были у него на первомъ мѣстѣ, и къ нимъ онъ присоединилъ и Словѣнъ и Чудь и Кривичей. Не оставлять же ихъ было въ Новгородѣ! Вѣдь у Владимира были планъ и путь опредѣленные: идти въ Кіевъ на Ярополка, а по дорогѣ зайти въ Полоцкъ и отомстить Рогвольду.

7) Разысканія, 175 (§ 119). Сказаніе о постановленіи Добрынею кумира въ Новгородѣ (980 г.), по мнѣнію Шахматова,—новгородскаго происхожденія. Очень можетъ быть. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы оно было неизвѣстно автору «Древнѣйшаго свода». Въ Новгородской I лѣтописи оно читается, но въ той же связи, какъ и въ Лаврентьевской. То же и относительно похода Владимира на болгаръ (985 г.) и совѣта Добрыни искать лапотниковъ.

8) Основанія для новгородскаго происхожденія извѣстія о посаженіи Ярослава въ Новгородѣ (988 г.) въ словѣ «посадиша» шатки: въ Новгородской I лѣтописи читается «посади», и по контексту видно, что Лавр. «посадиша» есть ошибочное чтеніе.

9) Разсказъ о столкновеніи Ярослава съ новгородцами (1015 г.) по поводу варяговъ могъ быть по происхожденію и новгородскимъ, но оно могло быть извѣстно и въ Кіевѣ автору «Древнѣйшаго свода». То, что «позднѣйшіе» Новгородскіе своды (и въ Новгородской I) передаютъ правильно слово «на Ракомѣ» (гдѣ былъ Ярославъ), тогда какъ Лаврент. читаетъ «нарокомъ», ничего не доказываетъ. Это объясняется тѣмъ, что позднѣйшіе переписчики «Повѣсти» не понимали этого слова, а списатели новгородскіе читали правильно названіе извѣстной имъ мѣстности (7 верстъ отъ Новгорода); они могли даже исправить испорченное.

10) Въ особенномъ калейдоскопѣ изображена статья 1024 г. о борьбѣ Ярослава съ Мстиславомъ (Въ Новгородской I лѣтописи этотъ годъ пустой):

a) Сказаніе о волхвахъ въ Суздалѣ будто бы «ясно»-новгородское, такъ какъ де странно было бы допустить, чтобы Ярославъ послалъ за варягами только по возвращеніи изъ Суздаля. Однако, страннаго здѣсь ничего нѣтъ: Ярославъ могъ еще и не знать о приходѣ Мстислава во время своего пребыванія въ Суздалѣ. Изъ словъ лѣтописца не слѣдуетъ, что сначала пришелъ Мстиславъ, а потомъ Ярославъ, узнавъ объ его приходѣ, пошелъ въ Суздаль и, уже вернувшись, послалъ за варягами; нельзя требовать отъ лѣтописца, чтобы онъ писалъ такъ, чтобы все было гладко и точно. Въ данномъ случаѣ логической несообразности нѣтъ никакой. По возвращеніи въ Кіевъ спутники Ярослава разсказывали именно такъ, какъ было; такъ съ ихъ словъ записалъ и первый лѣтописецъ.

b) Описаніе битвы вставлено де Никономъ, который продолжалъ «Древнѣйшій сводъ». Основаніе для этого то, что, по мнѣнію автора, Никону принадлежатъ вообще извѣстія о Мстиславѣ. Но возраженіе одно: всѣ извѣстія о Мстиславѣ могли быть также хорошо извѣстны составителю «Древнѣйшаго свода», какъ и Никону; даже болѣе: они были ему извѣстны лучше, какъ ближе стоявшему по времени къ Мстиславу. А о

борьбѣ Мстислава съ Ярославомъ незачѣмъ было привозить извѣстія изъ Тмуторокани: 10 лѣтъ мирнаго сожительства Ярослава и Мстислава вполнѣ были достаточны для того, чтобы въ Кіевѣ всѣ знали о подробностяхъ ихъ борьбы.

с) Еще менѣе вѣроятна вставка тѣмъ же Никономъ о предложеніи Мстислава Ярославу полюбовно раздѣлить землю. Оно будто бы вымышлено тѣмъ же Никономъ, который (1065 г.) говоритъ объ уступкѣ Ростиславомъ Тмуторокани дядѣ своему Святославу: Никонъ де считалъ покореніе младшихъ князей старшимъ непремѣннымъ спутникомъ княжеской добродѣтели. Основаніе болѣе чѣмъ проблематичное. Другимъ основаніемъ служитъ де то, что предложеніе Мстислава не вяжется ни съ предыдущими ни съ послѣдующими событіями (Разыск., 425—6). Но едва ли здѣсь можно видѣть хоть тѣнь непослѣдовательности. Логически предложеніе Мстислава вполнѣ связывается и съ тѣми и съ другими. Также непріемлемо и калейдоскопичное возстановленіе Новгородскаго свода (Разыск. 223—5). Авторомъ предполагается такой ходъ: 1) Были двѣ версіи о Лиственской битвѣ — кіевская и новгородская; 2) «Начальный сводъ» соединилъ обѣ, но изъ новгородской нѣкоторыя фразы выпустилъ; 3) «Повѣсть временныхъ лѣтъ» переписала «Начальный сводъ» безъ измѣненія; 4) въ 1167 г. составленъ Новгородскій сводъ изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и стараго Новгородскаго свода, бывшаго у «Начальнаго свода»: редакторъ свода 1167 г. соединилъ оба свода, взявъ въ «Повѣсть» недостающія фразы. Въ этомъ видѣ сказаніе и дошло напр. въ Новгородской IV лѣтописи. Между тѣмъ, все повѣствованіе о Мстиславѣ настолько жизненно, что скорѣе будетъ указывать на современника, нежели на отдаленнаго лѣтописателя въ родѣ Никона. Слова его о дружинѣ послѣ Лиственской битвы (1025), и описаніе его внѣшняго вида, и указаніе на его доблесть (1036 г.) — все это описано, очевидно, подъ живымъ впечатлѣніемъ битвы и его смерти. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мстиславъ сталъ славенъ и извѣстенъ и въ Кіевѣ послѣ 1026 года.

Нѣтъ нужды останавливаться на другихъ случаяхъ, которые авторомъ считаются вставками, сдѣланными редакторомъ «Начальнаго свода» въ «Древнѣйшій сводъ». Мы видѣли, что во всѣхъ разобранныхъ при-

мѣрахъ исходнымъ пунктомъ для признанія той или другой вставки является исключительно субъективное пониманіе каждаго отдѣльнаго лѣтописнаго разсказа. Но такое субъективное пониманіе текста, соединенное съ особеннымъ стремленіемъ видѣть чуть-ли не на всякой страницѣ позднѣйшую вставку, естественно вызываетъ на возраженіе, и мы видѣли, что во всѣхъ случаяхъ нѣтъ никакихъ основаній видѣть какія-либо противорѣчія, которыя указывали бы на наличность позднѣйшихъ вставокъ. Во всѣхъ разобранныхъ примѣрахъ построеніе рѣчи идетъ вполнѣ правильно, логическихъ скачковъ нѣтъ никакихъ, и послѣдовательность текста нисколько не противорѣчитъ той послѣдовательности самихъ событій, въ какой представлены эти послѣднія. Нѣкоторыя извѣстія, какъ видѣли, признаются вставками только потому, что говорятъ о новгородскихъ событіяхъ или напр. о тмутороканскихъ. Но если мы и согласимся, что то или другое событіе происхожденія новгородскаго или тмутороканскаго, то отсюда еще не слѣдуетъ, что оно не стало извѣстно вскорѣ послѣ своего совершенія въ Кіевѣ, и что оно могло попасть въ Кіевскую лѣтопись только въ концѣ XI вѣка и непремѣнно изъ Новгородскаго лѣтописнаго свода: при постоянныхъ сношеніяхъ Кіева съ Новгородомъ не только не удивительно, но, наоборотъ, вполнѣ естественно, что новгородскія событія дѣлались извѣстными скоро и въ Кіевѣ — устнымъ и письменнымъ путемъ. Мы видѣли, кромѣ того, что относительно нѣкоторыхъ событій, въ которыхъ выступаютъ и новгородцы и кіевляне, нельзя утверждать, что они интересовали только новгородцевъ; подробности напр. переговоровъ новгородцевъ со Святославомъ объ отпускѣ къ нимъ кого-либо изъ его сыновей княжить въ Новгородѣ скорѣе могли быть извѣстны въ Кіевѣ, нежели въ Новгородѣ, ибо самые переговоры происходили въ Кіевѣ, а не въ Новгородѣ. Не говорю уже о тмутороканскихъ событіяхъ, о которыхъ тмутороканцы могли разсказывать кіевлянамъ, когда въ 1026 г. Мстиславъ Тмутороканскій сѣлъ въ Черниговѣ, и между имъ и Ярославомъ началось мирное сосѣдское сожительство.

Возстановляя и «Древнѣйшій сводъ» 1039 года и «Начальный» 1093 г., авторъ находитъ себѣ опору въ Новгородской I лѣтописи, которая, по его взгляду, сохранила остатки «Древнѣйшаго свода», поло-

женнаго въ ея основаніе. Этотъ «Древнѣйшій» (Кіевскій) сводъ попалъ въ Новгородъ и въ 1050 г., былъ дополненъ новгородскими событіями, а въ 1095 г. авторъ «Начальнаго свода» имѣлъ подъ руками оба свода и «Древнѣйшій» и Новгородскій — и изъ нихъ составлялъ свою компиляцію, добавляя кое-что и отъ себя. Поэтому, тѣ событія, которыхъ нѣтъ въ Новгородской I лѣтописи, можно считать позднѣйшими вставками въ «Начальный сводъ» (если не въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» начала XII вѣка), отсутствовавшими въ «Древнѣйшемъ сводѣ», исходя изъ того предположенія, что, если бы эти событія были въ «Древнѣйшемъ сводѣ», то они сохранялись бы и въ Новгородскомъ сводѣ 1050 года, а отсюда сохранились бы и въ Новгородской I лѣтописи. Таковъ ходъ разсужденія автора. Но всѣ разсмотрѣнныя выше извѣстія одинаково читаются и въ Лаврент.-Ипатьевской лѣтописяхъ и въ Новгородской, и отсюда, казалось бы, прямое заключеніе должно быть то, что всѣ эти извѣстія читались уже въ «Древнѣйшемъ сводѣ», откуда они были заимствованы и въ Новгородскій сводъ 1050 г., а оттуда уже они перешли и въ Новгородскую I лѣтопись, а «Начальный сводъ» могъ заимствовать ихъ изъ любого. Но какъ видѣли, авторъ не признаетъ ихъ принадлежавшими «Древнѣйшему своду», и поэтому присутствіе ихъ въ Новгородской I лѣтописи необходимо объяснять иначе, а именно смотрѣть на нихъ, какъ на перешедшія изъ «Начальнаго свода» или, быть можетъ, изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Въ такомъ случаѣ исторія сложенія Новгородской I лѣтописи и является уже довольно запутанной. Во всякомъ случаѣ, приходится признавать, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ Новгородская I лѣтопись ничего не даетъ для возстановленія ни «Древнѣйшаго свода», ни «Новгородскаго», ни «Начальнаго», и взглядъ на нихъ, какъ на вставки «Начальнаго свода» или «Повѣсти временныхъ лѣтъ», по необходимости долженъ исходить только отъ «разума», изъ анализа внутренняго смысла наличнаго текста. Но мы видѣли, насколько безусловно можно принять утвержденіе автора объ отсутствіи всѣхъ этихъ случаевъ въ «Древнѣйшемъ сводѣ»: изъ анализа текста такое положеніе само по себѣ нисколько не вытекаетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть оспариваемо.

На болѣе твердой почвѣ стоитъ авторъ въ тѣхъ случаяхъ, когда то

или другое событіе, читаемое въ Лаврент.-Ипат., отсутствуетъ въ Новгородской I. Съ нихъ авторъ и начинаетъ свой анализъ.

Вставки разсматриваемаго рода могутъ быть подраздѣлены на два вида — на вставки происхожденія русскаго и на вставки происхожденія иноземнаго. Къ первымъ относятся — разсказы о четвертой мести Ольги древлянамъ (подъ Искоростенемъ) 946 г. и о заключеніи договора Святослава съ греками въ 971 г. и затѣмъ всѣ договоры русскихъ князей съ греками. Относительно первыхъ двухъ извѣстій авторъ и тутъ исходитъ изъ анализа текста, видя въ отсутствіи ихъ въ Новгородской I лѣтописи лишь подтвержденіе позднѣйшаго появленія этихъ разсказовъ въ «Повѣсти». Однако, анализъ текста самъ по себѣ и тутъ нисколько не даетъ основанія признавать здѣсь какія бы то ни было вставки. Въ первомъ случаѣ разсказъ идетъ вполнѣ послѣдовательно, и лѣтописецъ излагаетъ дѣло такъ, какъ оно происходило или, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ оно могло происходить: въ происшедшей битвѣ древляне были побѣждены, бѣжали по своимъ городамъ и, между прочимъ, въ Искоростень; Ольга его осадила и при помощи извѣстной хитрости взяла и, взявши, однихъ убила, другихъ продала въ рабство и наложила на древлянъ тяжелую дань. Такъ идетъ повѣствованіе. Если не имѣть предвзятыхъ мыслей и не опираться на какія-либо другія доказательства, то на вопросъ о причинахъ признанія даннаго разсказа вставкой не будетъ никакого отвѣта. То же надо сказать и о второй вставкѣ. Авторъ видитъ исполненіе словъ Святослава «пойду в Русь, приведу боле дружины» ниже, въ словахъ «Пойде в лодьяхъ къ порогомъ», а то, что между ними — заключеніе договора и текстъ договора, — то де вставка. Но основаній для этого также нѣтъ. Святославъ рѣшилъ вернуться въ Русь за новой дружиной, но необходимо было заключить съ греками миръ, хотя бы и временный и не достаточно честный; въ силу этой необходимости онъ и предложилъ его царю; когда это было сдѣлано, тогда Святославъ возвращается домой. Все разсказано такъ, какъ и должно было происходить въ дѣйствительности. То же слѣдуетъ сказать и о всѣхъ договорахъ русскихъ князей съ греками, на позднѣйшее добавленіе которыхъ къ «Древнѣйшему своду» нельзя вывести никакихъ указаній изъ анализа самаго текста. Съ такимъ же точно основаніемъ и правомъ они

всѣ могутъ быть разсматриваемы какъ органическая принадлежность первоначальнаго свода.

Не совсѣмъ понятно соотношеніе Лаврент.-Ипатьевской къ Новгородской I лѣтописи въ двухъ разсказахъ — объ основаніи города Переяславля (922 г.) и о Бѣлогородскомъ киселѣ (997 г.). Ни того ни другого нѣтъ въ Новгородской I лѣтописи, и на основаніи всѣхъ предыдущихъ примѣровъ можно было думать, что авторъ будетъ считать и эти эпизоды такими же вставками. Авторъ ихъ такъ, дѣйствительно, и считаетъ, но — очевидно, только на основаніи отсутствія ихъ въ Новгородской I лѣтописи. Однако, здѣсь не все ясно. Авторъ считаетъ Новгородскую I лѣтопись вышедшей изъ «Софійскаго временника» 1425 г., къ которому относится, между прочимъ, начало Новгородской I лѣтописи до 1016 года. Но тотъ же «Софійскій временникъ» легъ въ основаніе Новгородской IV лѣтописи, и, слѣдовательно, тѣ или другія статьи Новгородской I и Новгородской IV должны между собой сближаться и восходить къ одному источнику. Однако, въ Новгородской IV лѣтописи оба эпизода, — и о Переяславлѣ и о Бѣлогородскомъ киселѣ — читаются одинаково съ Лаврентьевской лѣтописью. Отсюда вытекаютъ два исхода: или 1) въ «Софійскомъ временникѣ» оба эти эпизода читались, восходя, слѣдовательно, къ болѣе древнему времени, вплоть до «Древнѣйшаго свода», но Новгородская I лѣтопись самостоятельно ихъ выбросила, или 2) въ «Софійскомъ временникѣ» ихъ не было, и Новгородская I даетъ первоначальное чтеніе, безъ этихъ эпизодовъ, а въ Новгородской IV они явились уже позднѣе. Авторъ, чтобы доказать многія свои другія положенія, такъ и представляетъ дѣло, говоря, что въ «Софійскомъ временникѣ» въ части, доходящей до 1074 года, есть текстъ, восходящій къ своду, предшествовавшему «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (Разыск., 9), т. е. слѣдовательно къ «Начальному своду» 1095 г. Но почему нельзя исходить изъ того положенія, что въ «Софійскомъ временникѣ», къ которому, по автору, восходятъ и Новгородская I и Новгородская IV, оба эпизода были, и что, далѣе, одинъ лѣтописный сводъ ихъ удержалъ, а другой — выпустилъ, это остается безъ объясненія. Во всякомъ случаѣ, единственное основаніе признавать оба данные эпизода вставками лежитъ въ отсутствіи ихъ въ Новгородской I лѣтописи, ибо авторъ, оче-

видно, и самъ сознавалъ, что анализъ текста по смыслу никакъ не доказываетъ ихъ поздняго появленія: они являются совершенно отдѣльными разсказами, не связанными съ другими.

Но спрашивается: должно ли смотрѣть на отсутствіе ряда извѣстій въ Новгородской I лѣтописи непремѣнно, какъ на остатокъ древности, и нельзя ли, наоборотъ, смотрѣть на это отсутствіе, какъ на явленіе позднее, т. е. считать, что Новгородская I лѣтопись (или одинъ изъ ея предшествовавшихъ сводовъ) выпустила всѣ эти разсматриваемыя извѣстія? Шахматовъ рѣшительно стоитъ за первое положеніе и говоритъ слѣдующее: ... «Обращаясь къ сравненію Соф. временника (слѣдов. Новгородской I лѣтописи) съ Повѣстью временныхъ лѣтъ въ предѣлахъ отъ призванія Варяговъ и до княженія Владиміра включительно, видимъ, что Софійскій временникъ сокращаетъ Повѣсть временныхъ лѣтъ *систематически*. Такъ, въ немъ нѣтъ ни одного заимствованія изъ Амартола, нѣтъ ни одного договора съ Греками, нѣтъ нѣсколькихъ сказаній, какъ напр. сказанія о смерти Ольги, сказанія о четвертой мести Ольги, сказанія объ отрокѣ Переяславѣ, сказанія о Бѣлгородскомъ киселѣ. Другихъ сокращеній въ текстѣ мы не находимъ: общія Софійскому временнику и Повѣсти временныхъ лѣтъ статьи переданы первымъ безъ всякихъ пропусковъ, съ такою же подробностью, какъ Повѣстью временныхъ лѣтъ. Въ виду этого нельзя признать текстъ Софійскаго временника извлеченіемъ или сокращеніемъ изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: редакторъ не могъ задаться цѣлью опустить въ своемъ трудѣ все заимствованное изъ Амартола, всѣ четыре договора и т. д.» (Разысканія, 6—7). Оставляя пока въ сторонѣ заимствованія изъ Амартола, присутствіе которыхъ въ «Древнѣйшемъ сводѣ» доказывается ниже, должно сказать, что въ данномъ случаѣ вышеприведенное утвержденіе автора не можетъ, само по себѣ, имѣть доказательной силы. Во-первыхъ, Новгородская I лѣтопись въ предѣлахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» представляетъ сильное сокращеніе сравнительно съ Лаврент.-Ипатьевской не только въ части отъ призванія варяговъ до княженія Владиміра включительно, но и на всемъ протяженіи, и нѣтъ основаній вторую половину «Повѣсти» отдѣлять отъ первой. Про Новгородскую I лѣтопись словами Шахматова можно сказать, что она сокращаетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» *систе-*

математически. Для какой-то опредѣленной цѣли авторъ ея предпринялъ сильное сокращеніе «Повѣсти», можетъ быть, просто потому, что хотѣлъ дать именно лѣтопись Новгородскую, и поэтому всѣ извѣстія изъ византійской исторіи его не интересовали, отчасти по той же причинѣ его могли не интересовать и договоры съ греками; почему онъ выпустилъ другіе эпизоды—доискиваться было бы лишней тратой времени, да это и не имѣетъ значенія; важно то, что сокращеніе проходитъ по всему тексту. Выпустить договоры не составляло большого труда, но бо́льшаго труда стоило выбросить и рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ. Если они такъ удачно вставлены, что теченіе разсказа идетъ вполнѣ связно и послѣдовательно, то съ такимъ же умѣньемъ книжникъ могъ ихъ и выбросить, не нарушивъ связности разсказа. Относительно же заимствованій изъ хроники Георгія Амартола должно сказать, что слѣдъ ихъ, какъ увидимъ далѣе, остался и въ Новгородской I лѣтописи, и этотъ фактъ особенно доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ не съ вставками въ Лаврент.-Ипатьевской, но, наоборотъ, съ пропусками въ Новгородской.

Во-вторыхъ, пропуски цѣлыхъ страницъ и отдѣльныхъ фразъ при переработкѣ стараго памятника не представляютъ собой ничего невѣроятнаго, чтобы такой фактъ считался недопустимымъ. Параллельное явленіе представляетъ собой «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго», главнѣйшая особенность котораго — сильное сокращеніе какъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» такъ и ея продолженія. Отличіе его отъ Новгородской I лѣтописи только въ томъ, что онъ не только пропускалъ цѣлыя страницы, но и сильно сокращалъ остальной текстъ, чего т. е. послѣдняго не дѣлалъ редакторъ Новгородской I лѣтописи. И редакторъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго» выпустилъ договоры 912, 945 и 971 годовъ, упомянувъ во всѣхъ случаяхъ только двумя—тремя словами, что де былъ заключенъ миръ русскихъ съ греками; редакторъ же Новгородской I лѣтописи не счелъ нужнымъ о нихъ и упоминать. Далѣе, напр., и въ «Переяславльскомъ Лѣтописцѣ» совершенно выпущенъ эпизодъ о Бѣлгородскомъ киселѣ. Вообще можно сказать, что выпуски въ «Переяславльскомъ Лѣтописцѣ» производились *систематически*, и однако на него не приходится смотрѣть, какъ на древній, первоначальный видъ лѣтопис-

наго свода. Другой подобный примѣръ представляетъ краткая хронографическая Палея, авторъ которой положилъ въ основаніе обычную Толковую Палею (типа Коломенской), но *систематически* выпустилъ изъ нея богословско-догматическія толкованія, лишь случайно допустивъ нѣсколько ошибокъ. Но выпустить заимствованныя изъ Амартола византійскія событія не представляло никакого затрудненія, такъ какъ они были изложены краткими отдѣльными фразами въ томъ хронографѣ, изъ котораго ихъ бралъ авторъ лѣтописнаго свода.

Но вопросъ о заимствованіяхъ изъ хроники Георгія Амартола требуетъ особаго разсмотрѣнія и самъ распадается на нѣсколько вопросовъ, а именно: 1) когда были вставлены въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» заимствованія изъ хроники Амартола, и 2) дѣйствительно ли въ Новгородской I лѣтописи нѣтъ никакого слѣда отъ этихъ заимствованій?

Отношеніе хроники Георгія Амартола къ Лѣтописи разсмотрѣно мною въ моемъ изслѣдованіи о хроникѣ, и здѣсь можно ограничиться немногими словами. Хроника Георгія Амартола была переведена на Руси въ концѣ первой половины XI вѣка, когда у насъ, въ связи съ прибытіемъ митрополита и греческаго клира, нѣкоторое время продолжался переводческій періодъ, за который лѣтописецъ посвятилъ подъ 1037 годомъ похвалу князю Ярославу (см. ниже). Скоро послѣ появленія своего переводъ подвергся небольшому исправленію (но безъ свѣрки съ греческимъ оригиналомъ), и отъ этого нѣсколько исправленнаго перевода пошли отдѣльные списки хроники, а въ первоначальномъ своемъ видѣ хроника сохранилась лишь въ различныхъ компилятивныхъ хронографическихъ памятникахъ, какъ напр. «Еллинскій Лѣтописецъ». Но хроника оказалась очень громоздкой, и тогда былъ составленъ изъ разнообразныхъ источниковъ, но главнымъ образомъ по той же хроникѣ Георгія Амартола, особый хронографъ, который былъ названъ «Хронографъ по великому изложенію». Въ этомъ «Хронографѣ» текстъ хроники Георгія Амартола подвергся значительнымъ редакторскимъ измѣненіямъ не только въ смыслѣ замѣны однихъ словъ другими, но и въ смыслѣ пропуска отдѣльныхъ словъ и фразъ, съ одной стороны, и прибавленія новыхъ словъ и фразъ — съ другой. Изъ этого Хронографа сдѣланы заимствованія текста хроники Георгія Амартола въ «Еллинскій Лѣтописецъ» второй

редакціи и въ «Хронографическія Палеи» — полную и краткую. Текстъ хроники въ этихъ памятникахъ (въ «Еллинскомъ Лѣтописцѣ» второй редакціи есть и другой текстъ той же хроники, восходящій, черезъ посредство первой редакціи «Еллинского Лѣтописца», къ тексту полной хроники) настолько отличается отъ обычнаго текста, читающагося въ отдѣльныхъ спискахъ, что отличить его не составляетъ особаго труда.

Лѣтописныя заимствованія изъ хроники Георгія Амартола и восходятъ къ этимъ обоимъ видамъ — къ тексту полной хроники (въ отдѣльныхъ спискахъ) и къ тексту «Хронографа по великому изложенію». Наличность послѣдняго доказывается сопоставленіемъ лѣтописнаго текста съ текстомъ «Еллинскаго Лѣтописца» и «Хронографическихъ Палей». Изъ полнаго текста взяты только три статьи: 1) географическое распредѣленіе народовъ, 2) о нравахъ различныхъ народовъ и 3) объ Аполлоніи Тіанскомъ. Всѣ остальныя заимствованія даютъ текстъ «Хронографа по великому изложенію».

III.

Наличность въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» двухъ видовъ хроники Георгія Амартола, изъ которыхъ одинъ восходитъ къ тексту полной хроники, а другой — къ тексту «Хронографа по великому изложенію», гдѣ текстъ хроники подвергся извѣстной варіаціи — эта наличность предполагаетъ, прежде всего, двухъ редакторовъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», изъ которыхъ одинъ черпалъ свѣдѣнія изъ «Хронографа», другой — изъ полной хроники. Первый редакторъ называлъ свой источникъ просто «лѣтописаніемъ греческимъ», второй — «лѣтописаніемъ Георгія». Но конечно, эта наличность двухъ видовъ хроники, сама по себѣ, не можетъ обязательно исключать и другого предположенія, именно предположенія одного только редактора, который имѣлъ подъ руками одновременно оба памятника—и «Хронографъ по великому изложенію» и полную хронику Георгія Амартола, взявъ изъ послѣдней то, чего не было въ «Хронографѣ». Здѣсь, прежде всего, является вопросъ, на сколько указанная выше исторія текста хроники Георгія Амартола можетъ быть согласована съ тѣми выводами и положеніями, которые предлагаетъ А. А. Шахматовъ въ своихъ работахъ. И въ «Разысканіяхъ» и въ «Повѣсти временныхъ

лѣтъ» Шахматовъ говоритъ и о хронографѣ и о хроникѣ Амартола, какъ объ источникахъ для Лѣтописи, но во взглядахъ на авторовъ, пользовавшихся тѣмъ и другимъ источникомъ, между его обѣими работами существуетъ разногласіе. Въ «Разысканіяхъ» авторъ признавалъ двухъ лицъ, пользовавшихся текстомъ хроники Амартола—автора «Начальнаго свода» и автора «Повѣсти временныхъ лѣтъ»: авторъ «Начальнаго свода» имѣлъ подъ руками хронографъ, откуда напр. онъ взялъ извѣстіе о пораженіи Игоря греками, а авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» пользовался непосредственно Амартоломъ (стр. 99). На возстановленіи Хронографа Шахматовъ не останавливался, но считалъ его памятникомъ болгарскаго происхожденія. Въ работѣ, посвященной «Повѣсти временныхъ лѣтъ», Шахматовъ видоизмѣнилъ нѣсколько свое мнѣніе о заимствованіяхъ текста хроники Георгія Амартола. Онъ признаетъ, что Несторъ, настоящій авторъ «Повѣсти», пользовался и Хронографомъ и хроникой Амартола, причемъ изъ Хронографа, вѣроятно, однороднаго по типу съ «Еллинскимъ Лѣтописцемъ», взято лишь начало «Повѣсти» т. е. Сказаніе о разселеніи потомства Ноя, а всѣ византійскія извѣстія взяты изъ хроники Амартола и его продолжателя (стр. XXIII и соотвѣтствующія ссылки на стр. 1—3, 11, 13—16, 18, 21, 22, 24—25, 29, 33, 42—50). Несторъ же сдѣлалъ заимствованіе изъ «Житія Василія Новаго» въ разсказѣ о нападеніи Игоря на Царьградъ.

Съ указанными положеніями согласиться нельзя. Изъ моего изслѣдованія о хроникѣ Георгія Амартола можно видѣть документально, что авторъ «Повѣсти» всѣ извѣстія, кромѣ трехъ указанныхъ, изъ византійской исторіи бралъ не непосредственно изъ хроники Амартола, а изъ особаго «Хронографа», изъ котораго почерпали тѣ же свѣдѣнія и «Еллинскій Лѣтописецъ» и оригиналъ «Хронографическихъ Палей». Сопоставленіе этихъ трехъ памятниковъ рѣшительно не допускаетъ возможности признавать хронику Георгія Амартола непосредственнымъ источникомъ «Повѣсти», кромѣ трехъ указанныхъ выше случаевъ—раздѣленія земли между сыновьями Ноя, описанія нравовъ народовъ и сказанія объ Аполлоніи Тіанскомъ. Совершенно непонятно, по какимъ основаніямъ Шахматовъ измѣнилъ свое прежнее мнѣніе о хронографѣ (хотя и называлъ его ошибочно болгарскимъ), какъ объ источникѣ «Повѣсти». Анализъ

текста рѣшительно говоритъ противъ высказаннаго въ послѣдней работѣ А. А. Шахматова объ отношеніи «Повѣсти» къ хроникѣ Амартола: текстъ послѣдней вошелъ въ «Повѣсть» двумя путями, и вопросъ только въ томъ, одинъ ли авторъ продѣлалъ эту двойную работу или два, одинъ за другимъ, или, если стать на послѣднюю точку зрѣнія Шахматова на роли Нестора (автора первой редакціи, до насъ недошедшей) и Сильвестра (автора второй редакціи), то предстоятъ или пріуроченіе всей работы кому-либо одному изъ нихъ или распредѣленіе ея между ними обоими.

Сдѣланный мною анализъ лѣтописнаго повѣствованія о походѣ Игоря на Царьградъ, составленнаго по хроникѣ Георгія Амартола и по «Житію Василія Новаго» (напечатан. въ Извѣстіяхъ Отд. русскаго яз. и слов., т. XXI, кн. 2, 1916 г. «Лѣтописныя повѣствованія о походахъ русскихъ князей на Царьградъ»), доказываетъ невозможность приписывать одному автору составленіе этого сказанія. По отношенію къ этому сказанію памятники раздѣляются на двѣ группы: 1) Новгородская I лѣтопись и «Хронографическія Палеи» и 2) Лаврент.-Ипатьевскіе списки лѣтописи и «Еллинскій Лѣтописецъ». Различіе между ними состоитъ въ томъ, что первая группа представляетъ первую стадію сказанія, древнѣйшую, а вторая группа даетъ вторую стадію, осложненную уже новымъ источникомъ, именно «Житіемъ Василія Новаго». Первоначальный же видъ, къ которому восходитъ данное сказаніе во всѣхъ четырехъ памятникахъ (I Новгородск. лѣтоп., Еллинск. Лѣтоп., Лавр.-Ипатьевск. лѣтоп., Палеи), былъ составленъ авторомъ «Хронографа по великому изложенію» по хроникѣ Георгія Амартола съ добавленіемъ другого источника, вѣроятно, русскаго происхожденія, т. е. какого-нибудь преданія. Признавать же автора «Повѣсти временныхъ лѣтъ» за распространителя сказанія «Хронографа по великому изложенію» «Житіемъ Василія Новаго» невозможно, такъ какъ это распространенное сказаніе въ «Еллинскомъ Лѣтописцѣ» является въ болѣе первоначальномъ видѣ, а въ «Повѣсти» оно даетъ уже слѣдующую ступень, будучи исправлено по полной Хроникѣ Георгія Амартола и испытавъ сокращеніе и перестановки. По послѣднему взгляду Шахматова, всю эту послѣднюю работу продѣлалъ Несторъ, авторъ недошедшей до насъ первой редакціи «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Но кто же соединилъ въ данномъ

сказаніи хронику Амартола съ «Житіемъ Василія Новаго»? Быть можетъ, редакторъ предшествующаго лѣтописнаго свода т. е., по терминологіи Шахматова, редакторъ «Начальнаго свода», составленнаго въ 1095 году? Такъ можно бы думать, если бы этому не препятствовали, во-первыхъ, свидѣтельство «Еллинскаго Лѣтописца» и, во-вторыхъ, такое же свидѣтельство Новгородской I лѣтописи. «Еллинскій Лѣтописецъ» въ такомъ случаѣ выходилъ бы изъ «Начальнаго свода», что, разумѣется, непріемлемо, ибо все свидѣтельствуетъ, что отношеніе между «Еллинскимъ Лѣтописцемъ» и Лѣтописью было обратное: не «Еллинскій Лѣтописецъ» находился въ зависимости отъ Лѣтописи, а, наоборотъ, Лѣтопись, если не отъ «Еллинскаго Лѣтописца», то отъ подобнаго же хронографа. Далѣе, самый текстъ хроники Георгія Амартола въ Лѣтописи и въ «Еллинскомъ Лѣтописцѣ» одинъ и тотъ же, съ тѣми же одинаковыми особенностями, которыми онъ и отличается вообще въ томъ и другомъ памятникѣ и которыя отличаютъ его и въ другихъ частяхъ «Еллинскаго Лѣтописца», не имѣющихъ себѣ соотвѣтствія въ Лѣтописи. Слѣдовательно, если въ «Начальномъ сводѣ» было уже сказаніе о походахъ Игоря, составленное изъ хроники Георгія Амартола и «Житія Василія Новаго», то оно не было составлено его редакторомъ, но заимствовано въ такомъ видѣ изъ болѣе древняго памятника, изъ какого-нибудь хронографа, каковой источникъ для него раньше признавался и Шахматовымъ, но въ послѣдней работѣ отнесенъ имъ къ Нестору, автору «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Но если разсматриваемое сказаніе взято авторомъ «Начальнаго свода» (если условно принять положеніе Шахматова о его существованіи) изъ какого-то предшествующаго хронографа, то должно признать, что изъ этого же хронографа взяты имъ и всѣ остальныя извѣстія по византійской исторіи, восходящія къ хроникѣ Георгія Амартола, въ каковомъ хронографѣ лишь одно это сказаніе было осложнено новымъ источникомъ, выдержками изъ «Житія Василія Новаго». Если теперь, продолжая пока стоять на точкѣ зрѣнія Шахматова, пойдемъ далѣе, то должны будемъ признать, что въ предшествующемъ лѣтописномъ сводѣ т. е., по терминологіи Шахматова, въ «Древнѣйшемъ», составленномъ въ 1039 году, заимствованій византійскихъ извѣстій изъ «Хронографа» еще не было. Это признавалъ и Шахматовъ,

возстановившій въ своихъ «Разысканіяхъ» «Древнѣйшій сводъ» 1039 г. и не помѣстившій въ немъ ни одного византійскаго событія. Но какъ же въ такомъ случаѣ согласить нахожденіе въ Новгородской I лѣтописи того же сказанія о походахъ Игоря? Въ Новгородской I лѣтописи, какъ я разъяснилъ въ упомянутой своей статьѣ о «Лѣтописномъ сказаніи о походѣ русскихъ князей на Царьградъ», читается въ особой обработкѣ то же сказаніе о походахъ Игоря, составленное по хроникѣ Георгія Амартола, но еще безъ осложненія «Житіемъ Василія Новаго». Данное сказаніе Новгородской I лѣтописи имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ «Хронографическихъ Палеяхъ», восходя вмѣстѣ съ послѣдними къ одному общему источнику, который, въ свою очередь, обнаруживаетъ соприкосновеніе съ тѣмъ же «Хронографомъ по великому изложенію», легшимъ въ основаніе данного разсказа въ «Еллинскомъ Лѣтописцѣ» и въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (списки Лавр.-Ипатьевск.), но еще безъ осложненія «Житіемъ Василія Новаго». Иначе сказать, Новгородская I лѣтопись въ начальной своей части восходитъ также къ «Хронографу по великому изложенію», но къ особой его редакціи, къ болѣе первоначальной, въ которой еще не было заимствованія изъ «Житія Василія Новаго». Это положеніе, какъ сказано, раньше признавалъ и Шахматовъ, говоря, что сообщеніе Новгородской I лѣтописи (а отсюда и основаннаго на ней, по его воззрѣнію, «Начальнаго свода») о походѣ Игоря и самый годъ 6428 взяты изъ хронографа, соединеннаго съ Палеей; только онъ считалъ этотъ хронографъ болгарскимъ по происхожденію и не имѣлъ еще данныхъ для того, чтобы отождествлять его съ хронографомъ, бывшимъ въ соприкосновеніи съ «Повѣстью временныхъ лѣтъ». А такъ какъ, далѣе, I Новгородская лѣтопись, по воззрѣніямъ Шахматова, воспроизводитъ въ своей первой части «Древнѣйшій сводъ» 1039 г., о которомъ мы и можемъ судить только по ней, то отсюда слѣдуетъ неминуемо признавать, что уже въ «Древнѣйшемъ сводѣ» было основанное на хроникѣ Георгія Амартола сказаніе о походахъ Игоря, читавшееся въ «Хронографѣ по великому изложенію» до осложненія его «Житіемъ Василія Новаго». А отсюда уже само собою вытекаетъ заключеніе, что въ «Древнѣйшемъ сводѣ» 1039 г. были уже и другія свѣдѣнія по византійской исторіи, взятыя въ концѣ концовъ изъ «Хроники Георгія Амартола», текстъ ко-

горой и въ этихъ заимствованіяхъ былъ обработанъ такъ же, какъ и въ разсказахъ о походахъ Игоря, т. е. такъ, какимъ онъ и былъ вообще, съ указанными выше особенностями, въ возстановляемомъ «Хронографѣ по великому изложенію». Послѣдній, такимъ образомъ, долженъ быть признаваемъ явившимся раньше «Древнѣйшаго свода». Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи Новгородской I лѣтописи, скажу, что существованіе «Хронографа» раньше 1039 г., съ точки зрѣнія Шахматова, несомнѣнно, не представляло бы затрудненій, такъ какъ онъ признавалъ его «болгарскимъ» по происхожденію, и, слѣдовательно, «Хронографъ» могъ перейти на Русь еще и въ X вѣкѣ. Но изслѣдованіе исторіи текста хроники Георгія Амартола приводитъ къ заключенію, что 1) «Хроника Георгія Амартола», по которой составленъ «Хронографъ по великому изложенію», происхожденія «русскаго», переведена на Руси и 2) что раньше, чѣмъ войти (съ извѣстными отмѣнами) въ «Хронографъ», она испытала уже редакціонную обработку (и, повидимому, даже двѣ), а это отодвигало бы появленіе самой «Хроники Георгія Амартола» ко времени слишкомъ отдаленному, чуть ли не къ X вѣку, что, однако, само по себѣ едва ли могло быть пріемлемо. Поэтому, передъ нами возникаетъ неминуемое заключеніе: 1) признавать «Древнѣйшій сводъ» 1039 г. уже осложненнымъ византійскими извѣстіями (а, слѣдовательно, и извѣстіями о нападеніяхъ Руси на Царьградъ), взятыми изъ ранѣе составленнаго «Хронографа», въ свою очередь составленнаго по «Хроникѣ Георгія Амартола», переведенной на Руси, и 2) представлять себѣ происхожденіе Новгородской I лѣтописи, якобы воспроизводящей, по воззрѣнію Шахматова, этотъ самый «Древнѣйшій сводъ», иначе, чѣмъ его рисуетъ авторъ.

Въ своей ранней работѣ «О Начальномъ Кіевскомъ Лѣтописномъ сводѣ» (Чтенія въ Общ. Истор. и Др. Россійск., 1897 г.), въ которой «Древнѣйшій сводъ» фигурируетъ еще подъ именемъ «Начальнаго свода», Шахматовъ указывалъ, что «въ Начальномъ сводѣ (т. е. въ Новгородской I лѣтописи) не находимъ тѣхъ заимствованій изъ греческихъ источниковъ (Амартолъ), которыя въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» читаются подъ 858, 868, 869, 902, 911,—915, 920, 929, 934, 942 и 943 годами» (стр. 47). Такъ какъ онъ въ этой же работѣ утверждалъ,

что «составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ пользовался «греческимъ лѣтописаніемъ» независимо и самостоятельно отъ составителя Начальнаго свода», то отсюда, по его словамъ, слѣдуетъ, что «отсутствіе указанныхъ мѣстъ въ Начальномъ сводѣ должно объясняться тѣмъ, что они вставлены въ лѣтописный разсказъ позднѣе, сводчикомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ» (ibid). Первая половина его утвержденія теперь, какъ уже выяснено, должна быть дополнена въ томъ смыслѣ, что составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ» пользовался греческимъ лѣтописаніемъ независимо и самостоятельно только въ трехъ случаяхъ — въ исторіи разселенія потомства Ноя, въ описаніи нравовъ различныхъ народовъ и въ сказаніи объ Аполлоніи Тіанскомъ — а въ остальныхъ случаяхъ «греческое лѣтописаніе» попало въ его трудъ черезъ посредство особаго хронографа. Остается только вторая половина указаннаго утвержденія, и мы подходимъ къ поставленному выше вопросу, дѣйствительно ли въ «Начальномъ сводѣ», т. е., по послѣдней терминологіи, въ «Древнѣйшемъ сводѣ» = Новгородской I лѣтописи византійскихъ событій подъ указанными выше годами не было, вопросу, отвѣтъ на который, какъ выше указано, долженъ быть данъ отрицательный.

«Древнѣйшій сводъ» не можетъ возстановляться по Новгородской I лѣтописи. Послѣдняя будетъ представлять сокращеніе какого-то предшествующаго оригинала, въ которомъ были основанныя на хроникѣ Георгія Амартола византійскія извѣстія, но послѣднія должны быть возводимы, какъ видѣли, и до «Древнѣйшаго свода». Но какого рода лѣтописный памятникъ лежитъ въ основаніи Новгородской I лѣтописи? Она не можетъ во всякомъ случаѣ разсматриваться, какъ простое сокращеніе съ начала до конца той «Повѣсти временныхъ лѣтъ», которая представлена въ спп. Лаврентьевскомъ (и сходныхъ) и Ипатьевскомъ (и сходныхъ), и однимъ изъ препятствій является именно отсутствіе въ ней текстовъ изъ полной Хроники Георгія Амартола (въ трехъ указанныхъ выше случаяхъ) и выдержекъ изъ «Житія Василія Новаго». Необходимо выводить заключеніе, что Новгородская I лѣтопись въ первой своей части т. е. въ той, въ которой должны были читаться византійскія извѣстія, восходитъ къ лѣтописному памятнику, который былъ однимъ изъ предшественниковъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Далѣе, она не можетъ восходить къ одной

изъ первоначальныхъ редакцій «Повѣсти», напр. къ Несторовской (если таковая была, какъ предшественница Сильвестровской), такъ какъ указанная выше связь ея съ хронографической Палеей, съ одной стороны, а съ другой—такая же связь «Повѣсти временныхъ лѣтъ» съ «Еллинскимъ Лѣтописцемъ» препятствуютъ возможности такого происхожденія ея: послѣднее должно идти глубже. По тѣмъ же основаніямъ она не можетъ проистекать изъ «Начальнаго свода» 1095 г., если бы онъ даже и былъ, какъ рисуетъ его наличность (не происхожденіе) Шахматовъ. Новгородская I Лѣтопись имѣетъ, такимъ образомъ, свою предшествующую исторію, въ начальной своей части параллельную предшествующей исторіи «Повѣсти временныхъ лѣтъ», и эти обѣ исторіи, какъ видимъ, упираются въ двѣ разновидности какого-то хронографа т. е. «Хронографа по великому изложенію», различающіяся между собой, по крайней мѣрѣ, присутствіемъ или отсутствіемъ выдержекъ изъ «Житія Василія Новаго».

Предложенныя соображенія приводятъ къ заключенію, что у насъ нѣтъ основанія смотрѣть на цѣлый рядъ извѣстій «Повѣсти временныхъ лѣтъ», какъ на не существовавшихъ въ древнѣйшемъ ея видѣ, по терминологіи Шахматова—въ «Древнѣйшемъ сводѣ» и какъ на вставленныхъ въ него въ большинствѣ случаевъ авторомъ «Начальнаго свода» 1095 г. Прежде всего, Новгородская I лѣтопись, сохранившая, по взгляду автора, остатки «Древнѣйшаго свода,» сохранила и остатокъ заимствованія изъ хроники Георгія Амартола, который, какъ видѣли, долженъ разсматриваться именно какъ остатокъ старины, восходящій къ болѣе древнему памятнику—родоначальнику всѣхъ заимствованій изъ хроники. Если хотя одно заимствованіе удостовѣряется для Новгородской I лѣтописи, то мы въ правѣ заключать, что она, эта лѣтопись, есть простое сокращеніе болѣе древняго оригинала, въ которомъ были и другія заимствованія изъ того же оригинала, сохранившіяся въ спискахъ Лаврент.-Ипатьевскомъ. Здѣсь мы, такимъ образомъ, имѣемъ дѣло съ документальнымъ доказательствомъ. По съ нимъ вполнѣ могутъ быть согласованы и другіе факты, не имѣющіе документальнаго подтвержденія, какъ напр. отсутствіе въ Новгородской I лѣтописи договоровъ съ греками. Какъ по общимъ соображеніямъ, такъ и по отсутствію ихъ напр. въ «Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго», въ которомъ о нихъ только упоминается, нисколько не явля-

ется обязательнымъ признавать ихъ исконное отсутствіе въ Новгородской I лѣтописи: они пропущены ея авторомъ въ соотвѣтствіи съ его исходной цѣлью—дать краткое изложеніе событій, предшествовавшихъ исторіи спеціально Новгородской.

Если же ставить просто вопросъ, куда умѣстнѣе и правдоподобнѣе помѣстить договоры съ греками — въ «Древнѣйшій сводъ» (1039 г.) или въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» (начала XII вѣка), то кажется, надо будетъ стоять именно за «Древнѣйшій сводъ». Шахматовъ говоритъ, что «то обстоятельство, что Несторъ получилъ доступъ къ договорамъ съ Греками, можетъ свидѣтельствовать объ интересѣ князя (Святополка) къ лѣтописному труду, составлявшемуся въ Печерскомъ монастырѣ» (XXIV). Но это утвержденіе можетъ имѣть значеніе только по связи съ убѣжденіемъ, что «Повѣсть временныхъ лѣтъ» составлялась, дѣйствительно, въ дружественномъ для Святополка тонѣ, открывшаго по этой причинѣ для лѣтописца архивы, гдѣ, слѣдовательно, и хранились договоры. Объ отношеніи «Повѣсти» къ Святополку будетъ рѣчь далѣе, но теперь уже можно усумниться въ томъ, чтобы договоры хранились какъ государственные документы. Да и было ли вообще тогда обыкновеніе хранить такого рода документы? Можно ли предполагать существованіе чего-нибудь въ родѣ архива? Такъ или иначе, но договоры эти исчезли, и вѣроятнѣе предполагать, что они были болѣе доступны для составителя «Древнѣйшаго свода» (конца первой половины XI вѣка), нежели для автора «Повѣсти». Составляли ли они государственную собственность и хранились ли въ архивѣ, сказать это трудно, но они скорѣе могли быть доступны въ половинѣ XI вѣка, нежели въ началѣ XII, и съ большимъ основаніемъ могли войти въ составъ «Древнѣйшаго свода», какъ въ памятникъ, ближе стоявшій ко времени ихъ происхожденія, нежели «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Попавъ въ него, непосредственно ли или изъ «Хронографа по великому изложенію», они и исчезли изъ употребленія. Ихъ изученіе давно уже привело къ заключенію, что они переведены съ греческаго языка, но — когда и на какой языкъ? Обыкновенно принимается, что въ X вѣкѣ т. е. тотчасъ по своемъ совершеніи и — на болгарскій языкъ. Послѣднее является обязательнымъ, если говорить о X вѣкѣ. Но что можно возразить, если сказать, что они переведены въ томъ же концѣ 1-й половины XI вѣка,

въ какомъ были совершены и другіе переводы, и переведены на Руси на тогдашній литературный церковнославянскій языкъ, возникшій на болгарской основѣ? Когда русскіе книжники въ это время познакомились съ хроникой Георгія Амартола и перевели ее на свой языкъ, то, увидѣвъ въ ней письменныя извѣстія о столкновеніяхъ Руси съ греками, о чемъ они доселѣ знали лишь по устнымъ преданіямъ, они пожелали перевести и другіе документы, къ числу которыхъ принадлежали и хранившіеся греческіе оригиналы договоровъ [1].

Пропускъ въ Новгородской I лѣтописи двухъ русскихъ извѣстій — о четвертой мести Ольги и о Бѣлгородскомъ кисслѣ — еще менѣе можетъ вызывать возраженіе; въ крайнемъ случаѣ, шансы за пропускъ и за позднѣйшую вставку будутъ совершенно одинаковы. Всего менѣе, конечно, можно говорить, какъ о позднѣйшихъ вставкахъ, о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя одинаково читаются и въ Лаврент.-Ипатьевской, съ одной стороны, и въ Новгородской I лѣтописи — съ другой: тутъ уже нѣтъ никакихъ доказательствъ для признанія такихъ извѣстій позднѣйшими вставками, и необходимость исключить ихъ изъ «Древнѣйшаго свода» основывается исключительно на субъективномъ пониманіи текста. Но такое пониманіе, какъ исключительно субъективное, не можетъ претендовать на всеобщ-

[1] Въ договорѣ 971 года въ нѣкоторыхъ спискахъ, напр. въ Новгородской IV читается фраза «якоже пинехрусу сътворихъ нынѣ къ вамъ», въ другихъ спискахъ слова «пинехрусу» нѣтъ. Еще Погодинъ (Изслѣдов. I, 130) говорилъ, что «пинехрусу» состоитъ изъ греч πινα и γρυσῃ, такъ какъ извѣстны слова πινάκιον, πινάκις доска для письма Въ этомъ объясненіи возможно измѣнить вторую часть. Именно, для «пинехрусу» я предполагаю первоначальную форму «пинехрушу». при чемъ «пинехруша» будетъ переводомъ греч. πινάπιον, неправильно прочитаннаго вмѣсто πινάκιον Вторая часть слова ἄπιον переведена черезъ слово «хруша» (груша), подобно тому какъ въ хроникѣ Георгія Амартола греческая фраза Αἰγύπτιοι... τὸν ἄπιν βοῦν σέβουσι передается: «Ѣгоуптяне волъ... именемъ Хроушею.... вѣроую[т]» и παρ' Αἰγυπτίοις τὸν ἄπιν βοῦν передается черезъ «Ѣгоуптяне волоу именемъ Хроушею», гдѣ ἄπις смѣшано съ ἄπιον. Такой же переводъ могъ быть и въ словѣ πινάπιον. А что сложныя слова такимъ способомъ переводились, то примѣръ этому встрѣчается въ той же хроникѣ Георгія Амартола, гдѣ Ζωρόαστρος переведено «Зароастръ рекше зорозвѣздьникъ», а то же слово въ сербскомъ Амартолѣ переведено только словомъ «Зорозвѣздъ». Употребленіе слова «хруша» въ договорѣ и въ хроникѣ не будетъ ли указывать на приблизительную одновременность перевода — половина XI вѣка и на одно мѣсто — Русь?

ность; но еще болѣе: оно непріемлемо уже потому, что въ немъ нѣтъ никакой нужды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабляется и значеніе Новгородской I лѣтописи, какъ такой, по которой только и можно строить «Древнѣйшій сводъ», какъ до извѣстной степени сохранившійся въ своемъ видѣ именно въ Новгородской I лѣтописи. Послѣдняя, на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя являются общими въ ней съ Лаврент.-Ипатьевской и которыя, однако, признаются Шахматовымъ за позднѣйшія вставки, во всякомъ случаѣ должны разсматриваться, какъ списокъ съ болѣе древняго оригинала—съ «Начальнаго свода» (1095 г.) или съ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». А отсюда уже недалеко отъ болѣе общаго взгляда на Новгородскую I лѣтопись, какъ на сокращеніе «Повѣсти временныхъ лѣтъ», сдѣланное чисто механически, при помощи простого выпуска тѣхъ или другихъ статей, безъ внутренней переработки.

Прямой выводъ изъ всего сказаннаго будетъ тотъ, что нѣтъ основаній возстановлять «Древнѣйшій сводъ» въ такомъ видѣ, въ какомъ хочетъ его представить Шахматовъ, т. е. путемъ сильнаго опустошенія «Повѣсти временныхъ лѣтъ». «Древнѣйшій сводъ», конечно, существовалъ, ибо не Несторъ же одинъ написалъ въ началѣ XII вѣка всю «Повѣсть временныхъ лѣтъ»: но онъ можетъ и долженъ быть возстановленъ въ другомъ видѣ, во-первыхъ, не въ такомъ краткомъ, опустошенномъ чуть ли не наполовину, въ какомъ онъ выходитъ изъ-подъ пера Шахматова, и во вторыхъ — не въ такой независимости отъ того всеобщаго образца, отъ котораго шли всѣ отдѣлы древне-русской литературы, т. е. отъ образца византійскаго. Въ возстановленіи Шахматова наша Лѣтопись, хотя и возникла идейно подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ греческаго направленія,—что однако, подлежитъ опроверженію, но—въ смыслѣ сложенія и составленія явилась совершенно самостоятельно, безъ всякаго литературнаго вліянія со стороны чужихъ образцовъ, т. е. византійскихъ. Такое возникновеніе Лѣтописи явилось бы необыкновеннымъ, какимъ то исключительнымъ явленіемъ; она была бы единственнымъ произведеніемъ въ ряду всѣхъ другихъ произведеній древне-русской литературы, которое не было бы вызвано раньше существовавшимъ подобнымъ же памятникомъ. Изученіе хронографическихъ произведеній приводитъ къ выводу, что и Лѣтопись возникла точно такъ же, на основѣ чужой литера-

туры, какъ и прочія произведенія древне-русской литературы, какъ напр. поученія, житія. Только исторія составленія первоначальной Лѣтописи была сложнѣе, чѣмъ исторія напр. житій и поученій. Русскій книжникъ не сразу дошелъ до мысли создать «исторію» своей земли. Составить житіе своего святого или написать поученіе къ братіи не составляло никакой трудности, а наличность съ самаго появленія письменности готовыхъ житій и поученій тотчасъ же могла вызывать книжника на простое подражаніе и давать ему хорошее руководство. Первоначальная потребность удовлетворять прежде всего церковно-религіозныя стремленія вызывала и составленіе такихъ именно произведеній: назидательное чтеніе стояло на первомъ планѣ. Чисто же историческій интересъ, интересъ къ своему прошлому, долженъ былъ проявиться позднѣе, когда уже до извѣстной степени у русскихъ книжныхъ людей явилось чувство самосознанія, вызванное своимъ славнымъ прошлымъ, когда уже накопилось достаточно матеріала для историческаго изображенія. Историческія произведенія чужого происхожденія и здѣсь должны были оказать и, дѣйствительно, оказали свое вліяніе и на развитіе интереса къ своему прошлому и на литературную форму изложенія. И древне-русскій книжникъ съ теченіемъ времени пришелъ къ мысли изобразить небольшое прошлое своей земли, пришелъ къ этой мысли самостоятельно, хотя и подъ воздѣйствіемъ той же чужой, византійской литературы. Но это воздѣйствіе было, прежде всего, литературное; живого же побужденія, въ родѣ непосредственной иниціативы со стороны заѣзжихъ просвѣтителей не было. Правда, было какъ-бы воздѣйствіе и идейнаго характера, но оно было совсѣмъ особаго рода. Среди побужденій къ составленію своей лѣтописи у русскаго книжника участвовалъ протестъ противъ извѣстнаго отношенія грековъ къ новопросвѣщенной землѣ, но этотъ протестъ былъ скрытымъ, едва ли ясно сознаваемымъ самимъ авторомъ. Русская Лѣтопись, въ концѣ концовъ, восходитъ, конечно, къ своимъ византійскимъ образцамъ, но прежде чѣмъ вылиться въ тотъ видъ, въ которомъ она дошла до насъ, она прошла черезъ посредствующія ступени, которыя и свидѣтельствуютъ, какъ постепенно у русскихъ книжныхъ людей наростало желаніе имѣть свою исторію, и какъ постепенно въ этой области они, такъ сказать, отмежевывались отъ исторіи чужой на-

родности, хотя и усвоили господствующій взглядъ на всеобщую исторію, какъ на исторію исключительно христіанскую, а далѣе — узко-византійскую.

Все вышесказанное убѣждаетъ насъ, что исторія нашего древнѣйшаго лѣтописанія должна изображаться иначе, чѣмъ ее строитъ А. А. Шахматовъ. Въ этомъ изображеніи во многомъ придется вернуться къ старымъ мыслямъ, высказаннымъ въ свое время различными изслѣдователями, и внести лишь результаты изслѣдованія вновь привлеченныхъ памятниковъ. А. А. Шахматовъ далъ своеобразную картину сложенія и исторіи русскаго лѣтописанія, въ которой одинъ выводъ неминуемо слѣдуетъ за другимъ. Кто признаетъ существованіе «Древнѣйшаго свода» въ такомъ именно видѣ, въ какомъ его рисуетъ авторъ, и кто согласится съ нимъ во взглядѣ на происхожденіе и характеръ Новгородской I лѣтописи, тотъ долженъ будетъ признавать и существованіе «Начальнаго свода», хотя бы и не соглашался съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ какъ относительно времени его составленія (1095 г.), такъ и относительно способа. Тотъ же, кто на составленіе «Древнѣйшаго свода» смотритъ иначе, тотъ долженъ иначе относиться и къ вопросу о «Начальномъ сводѣ» и къ объясненію Новгородской I лѣтописи.

Въ общихъ чертахъ исторія древнѣйшаго лѣтописанія должна быть представлена въ слѣдующемъ видѣ.

IV.

Подъ[1] 1106 годомъ лѣтописецъ пишетъ: «В се же лѣто преставися Янь, старець добрыи, живъ лѣтъ 90, в старости маститѣ... отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ в лѣтописаньи семь». Слѣдовательно, этотъ Янь родился въ 1016 году т. е. на второй годъ по смерти князя Владиміра. Онъ является примѣромъ носителей устныхъ преданій и сказаній, которыя лѣтописцы съ ихъ словъ заносили въ свое лѣтописаніе. Отецъ этого Яня, Вышата, извѣстный воевода Яро-

[1] Начало этой главы въ извлеченіи воспроизведено въ моей книгѣ «Очеркъ исторіи древне-русской литературы» въ главѣ о лѣтописи.

славовъ могъ помнить крещеніе Владиміра и кіевлянъ, о чемъ онъ могъ разсказывать своему сыну, а отъ дѣда Янь могъ слышать разсказы и о временахъ Святослава, Ольги, Игоря. Такого рода носителями преданій послѣднія передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію и до введенія письменности были единственнымъ источникомъ свѣдѣній о прошедшихъ событіяхъ. Какъ обыкновенно бываетъ, такіе устные пересказы не всѣми передавались одинаково, но варіировались въ передачѣ и крупныхъ и мелкихъ событій. Одни могли называть Олега княземъ, другіе — воеводой Игоревымъ; одни передавали, что Олегъ умеръ въ Ладогѣ, другіе—въ Кіевѣ; одни говорили, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, другіе—въ Василевѣ, третьи—въ Корсуни и т. п. Такъ создавалась до введенія письменности *устная* русская исторія, гдѣ дѣйствительныя событія были перемѣшаны съ легендарными. Съ появленіемъ письменности дѣло должно было измѣниться, и должны были появиться первыя записи. Хотя записей такихъ до насъ и не дошло, но онѣ должны предполагаться. Изъ тѣхъ первыхъ школьниковъ, которыхъ набралъ Владиміръ у «нарочитой чяди», должны были образоваться и просто книжные люди, любители не только чтенія, но и письма; такіе же книжные люди должны были являться и въ средѣ духовенства. Тѣ и другіе, по естественной склонности, могли излагать на письмѣ разсказы о прошедшихъ событіяхъ, о которыхъ они слышали отъ очевидцевъ и отъ другихъ хранителей преданій; могли они предавать письму и современныя событія, свидѣтелями которыхъ они были уже сами. Какъ устные разсказы объ одномъ и томъ же событіи бывали различны, такъ и сдѣланныя записи должны были отличаться другъ отъ друга тѣми или другими подробностями. Такія записи были любительскими, разрозненными, зависѣвшими отъ личныхъ наклонностей ихъ авторовъ, не задававшихся пока широкими цѣлями. Къ нимъ присоединялись немногія сказанія церковнаго характера, какъ напр. «Похвала благовѣрной княгинѣ Ольгѣ» или «Сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба», сказанія, вызывавшіяся церковнымъ прославленіемъ восхваляемыхъ лицъ. До связнаго изложенія всей своей хотя и кратковременной исторіи мысль древне-русскаго книжника еще не доходила, а чужого образца, который далъ бы толчокъ къ составленію своей исторіи, и по которому послѣдняя могла бы быть составлена, еще не было. Первоначальные

образцы даны были въ областяхъ поучительной и житійной, и здѣсь, прежде всего, и проявилась самостоятельность древне-русскаго книжника. Историческій же интересъ проявился позднѣе, и его проявленіе находилось въ зависимости отъ чужихъ образцовъ т. е. отъ историческихъ образцовъ византійской литературы, вызывавшей у древне-русскаго книжника подражаніе и во всѣхъ другихъ областяхъ.

Южные славяне, въ числѣ другихъ книгъ, познакомились и съ историческими византійскими сочиненіями, и въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ, была переведена на болгарскій языкъ хроника Іоанна Малалы. У насъ нѣтъ свѣдѣній о времени ея перехода на Русь, но вполнѣ возможно, что она была привезена къ русскимъ въ числѣ первыхъ книгъ. Но она не могла удовлетворить русскаго читателя. Послѣдній интересовался, прежде всего, тѣмъ, съ чѣмъ онъ непосредственно сталкивался, т. е. Византіей, какъ государствомъ христіанскимъ, а хроника Малалы была скорѣе исторіей древне-греческаго міра и доходила только до половины VI вѣка нашей эры. Но вотъ съ конца первой половины XI вѣка въ русской литературѣ начался періодъ своихъ самостоятельныхъ переводовъ греческихъ произведеній на русскій, т. е. на церковно-славянскій литературный языкъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ князь Ярославъ основалъ въ Кіевѣ митрополію, построилъ церковь св. Софіи и положилъ основаніе новому періоду русской литературы. Судя по тому отзыву, который даетъ объ Ярославѣ лѣтописецъ подъ 1037 годомъ, этотъ князь особенно цѣнилъ просвѣщеніе и самъ былъ книжникомъ. Хотя эта статья лѣтописца, восхваляющая просвѣтительную дѣятельность Ярослава, писана уже послѣ смерти этого князя, но она не безъ основанія помѣщена подъ 1037 годомъ въ связи съ извѣстіемъ о закладкѣ церкви св. Софіи и объ украшеніи ея, между прочимъ, книгами. Связь между тѣмъ и другимъ для лѣтописца была ясна, и эта связь выражалась въ томъ, что просвѣтительная дѣятельность Ярослава и началась особенно и замѣтно для его современниковъ именно со времени построенія св. Софіи и, слѣдовательно, съ учрежденіемъ митрополіи и далѣе — съ прибытіемъ митрополита, а съ нимъ вмѣстѣ и цѣлаго греческаго клира. Но греки были тутъ простыми передатчиками просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что Ярославъ, самъ любитель просвѣщенія и самъ начитанный книжникъ, ви-

дѣлъ необходимость заимствовать у грековъ ихъ книжную мудрость и однимъ изъ условій учрежденія митрополіи ставилъ снабженіе русскихъ греческими книгами. Греки и привезли съ собой по различнымъ отраслямъ книги, которыхъ раньше не было. До сихъ поръ книги приходили уже готовыми въ болгарскихъ переводахъ. Понятно само собой, что болгары не имѣли никакого побужденія привозить съ собой на Русь для перевода греческія книги, разъ они сами для себя не считали нужнымъ ихъ ранѣе перевести. Поэтому, въ первую эпоху появленія на Руси письменности и не было дѣлаемо переводовъ съ греческихъ оригиналовъ: довольствовались наличными болгарскими книгами. Ярославъ, при всей своей любви къ книжному дѣлу, не имѣлъ возможности въ первое время своего княженія обращать на него свое вниманіе, будучи занятъ борьбой то съ Святополкомъ, то съ Мстиславомъ. Только лишь помирившись въ 1026 году съ Мстиславомъ, онъ получилъ возможность думать и о развитіи мирныхъ занятій, въ частности — просвѣщенія. Десятилѣтній промежутокъ (1026—1036 гг.) и ушелъ на первоначальныя предварительныя заботы о книжномъ просвѣщеніи, и въ продолженіе его Ярославъ имѣлъ возможность убѣдиться въ отсутствіи у русскихъ людей многихъ нужныхъ и интересныхъ книгъ. Въ это же время, надо думать, начались и переговоры съ греками объ учрежденіи въ Кіевѣ митрополіи и о прибытіи греческаго клира, который долженъ былъ привести съ собой и книги для перевода. Вся эта предварительная исторія не попала на страницы лѣтописи, и лѣтописецъ отмѣтилъ только основные пункты результатовъ предшествующихъ переговоровъ — заложеніе въ 1037 году храма св. Софіи и ея освященіе въ 1039 году. По длительные результаты всего предшествующаго десятилѣтія онъ изобразилъ въ похвалѣ князю Ярославу за всю его просвѣтительную заботу, которая протекала на его глазахъ, но начиналась она для него съ основаніемъ св. Софіи.

Съ этого времени и начались у насъ переводы съ греческаго языка на русскій т. е. на тогдашній литературный церковно-славянскій языкъ. Изслѣдованія памятниковъ древне-русской литературы все болѣе и болѣе открываютъ русскіе переводы греческихъ произведеній, безъ южно-славянскаго посредства, и усиленную эпоху такихъ переводовъ и надо относить ко времени Ярослава, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и лѣтописецъ.

Греческій клиръ, прибывшій съ митрополитомъ, несомнѣнно, привезъ съ собой цѣлую библіотеку книгъ и, между прочимъ, двѣ хроники — Георгія Синкелла и Георгія Амартола, которые и были тотчасъ русскими книжниками переведены. Хроника Георгія Синкелла не привлекла, однако, къ себѣ русскаго читателя, и излюбленной хроникой стала хроника Георгія Амартола, доводившая изложеніе до 948 года. Но она, какъ выше сказано, оказалась очень громоздской и наполненной богословскими разсужденіями, трудными для пониманія и прерывавшими историческое повѣствованіе. Поэтому, тотчасъ же былъ составленъ въ извлеченіи особый хронографъ, положившій въ основаніе только-что переведенную хронику Георгія Амартола и взявшій изъ нея только повѣствовательныя части; къ ней были присоединены выдержки изъ другихъ какихъ-то повѣствовательныхъ произведеній, оказавшихся подъ рукой русскаго книжника. Хронографъ этотъ его авторомъ былъ названъ «Хронографомъ по великому изложенію» т. е. на основаніи «великаго изложенія», именно хроники Георгія Амартола. Впослѣдствіи лѣтописецъ назвалъ его просто «лѣтописаніемъ греческимъ», тоже безъ имени автора, по той причинѣ, что его имени не было и въ оригиналѣ; послѣдующій же редакторъ Лѣтописи, сдѣлавъ въ свою очередь нѣсколько новыхъ заимствованій изъ полной хроники того же Георгія Амартола, назвалъ свой источникъ уже настоящимъ его именемъ, какъ стоящимъ въ самой рукописи, сказавъ: «Глаголеть Георгій въ лѣтописаніи». «Хронографъ по великому изложенію» заканчивался, какъ и хроника Георгія Амартола, царствованіемъ Романа. Но онъ скоро получилъ продолженіе въ изложеніи русскихъ событій, при чемъ возможно предполагать, что это продолженіе уже съ самаго момента составленія «Хронографа» было его составною частью. Основаніемъ для сближенія византійской исторіи съ русской и затѣмъ для ея продолженія было, прежде всего, извѣстіе хроники (а затѣмъ и «Хронографа») о нападеніи Руси на Константинополь въ царствованіе императора Михаила, каковое нападеніе переписчиками еще хроники Георгія Амартола, на основаніи устныхъ преданій, было пріурочено къ Аскольду и Диру. Изъ хроники эти имена перешли и въ «Хронографъ по великому изложенію». Во-вторыхъ, на основаніи тѣхъ же устныхъ преданій, повѣствованіе Георгія Амартола о нападеніи русскихъ на Царь-

градъ при царѣ Романѣ редакторъ «Хронографа» пріурочилъ къ Игорю, подвергнувъ свой источникъ переработкѣ, при чемъ изъ одного похода хроники онъ сдѣлалъ два похода Игоря, передѣлавъ нападеніе угровъ на Византію на второй походъ Игоря. Русская исторія, такимъ образомъ, тѣсно связывалась съ греческой, давая книжное подтвержденіе устнымъ разсказамъ объ этихъ походахъ. Въ хроникѣ Георгія Амартола не было лѣтосчисленія по годамъ, счетъ въ ней велся по индиктамъ, и только лишь съ 6428 года встрѣчались иногда указанія на года отъ сотворенія міра; то же было и въ «Хронографѣ по великому изложенію», редакторъ котораго, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возстановлялъ года отъ сотворенія міра, какъ напр. въ исторіи походовъ Игоря. Такъ какъ основнымъ содержаніемъ при составленіи «Хронографа по великому изложенію» была греческая исторія, то изъ событій исторіи русской въ него попали главнымъ образомъ тѣ, которыя имѣли соприкосновеніе съ исторіей греческой. Однако, вполнѣ удержаться на такомъ положеніи было трудно, и редактору для связи историческаго хода событій приходилось присоединять и другія русскія извѣстія, которыя ближайшаго соприкосновенія съ византійской исторіей и не имѣли, напримѣръ, извѣстія о призваніи варяговъ, о завладѣніи Кіева Аскольдомъ и Диромъ и др. Въ точности опредѣлить объемъ русскихъ событій въ «Хронографѣ по великому изложенію» не представляется возможнымъ; однако, надо думать, что въ него уже входила бо́льшая часть событій, о которыхъ повѣствуется въ дошедшей до насъ Лѣтописи, какъ напр. сказаніе о крещеніи Ольги, исторія крещенія Владиміра и кіевлянъ и др.; на основаніи свидѣтельства «Хронографическихъ Палей», должно «Хронографу по великому изложенію» приписать и сказаніе о крещеніи Болгарской земли, съ указаніемъ года (6363) «Рѣчь философа» Владиміру также читалась въ «Хронографѣ». Матеріаломъ для повѣствованія о начальныхъ судьбахъ русской исторіи и служили упомянутыя выше устныя преданія, частью, можетъ быть, уже записанныя предшествующими любителями-книжниками. Рамкой же служила исторія византійская, расположенная по царствованіямъ императоровъ, сообразно изложенію хроники Георгія Амартола, но крупнѣйшія событія были приводимы уже подъ опредѣленными годами, которые авторъ «Хронографа» возстановлялъ для византійской

исторіи на основаніи указаній индиктовъ, а для русской — на основаніи своихъ устныхъ и письменныхъ источниковъ; пустыхъ годовъ въ этомъ «Хронографѣ» еще не было.

Такъ создавалось первоначальное русское лѣтописаніе, строилась «русская исторія». Она еще тѣсно примыкала къ исторіи «всемірной», подъ которой разумѣлась исторія христіанская, т. е. греческая съ подготовительной къ ней древней исторіей. Мысли о созданіи своей самостоятельной исторіи, стоящей независимо отъ чужой, еще не было.

Скоро, однако, у русскаго книжника должны были явиться и сознаніе своего національнаго достоинства и желаніе представить исторію своей земли независимо отъ исторіи чужой. Въ теченіе двухъ княженій — Владиміра и Ярослава — образовался кружокъ книжниковъ, подвизавшихся уже въ различныхъ областяхъ литературы, какъ напр. въ житійной и проповѣднической. Является даже нѣчто вродѣ публицистики, какъ «Слово о законѣ и благодати» Иларіона. Русскіе книжники уже осмыслили новую эпоху своей исторіи, эпоху христіанскую, и имѣли уже достаточно матеріала для сужденія о двухъ предшествовавшихъ княжествахъ. Княженіе Владиміра являлось передъ ними, какъ эпоха просвѣщенія Руси христіанствомъ, княженіе Ярослава — какъ эпоха просвѣщенія книжнымъ ученіемъ. Но оба княженія имѣли то между собой общее, что ихъ главы были единодержавными властителями русской земли. И вотъ, подъ вліяніемъ различныхъ побужденій — и политическо-національнаго самосознанія и окрѣпшей уже «книжной мудрости» — и создается теперь первая «русская исторія», представленная уже, какъ исторія самостоятельнаго государства. Путь для созданія такой исторіи былъ уже указанъ въ «Хронографѣ по великому изложенію», гдѣ русская исторія являлась, какъ продолженіе исторіи греческой. Стоило только оторвать русскія событія отъ греческихъ, придать имъ самостоятельность и — *русская исторія* могла быть готова. Русскій книжникъ такъ и сдѣлалъ. Онъ далъ своему труду такое заглавіе, какое вполнѣ соотвѣтствовало ясно поставленной имъ цѣли, именно: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть». Но связь новой «исторіи» съ ея непосредственнымъ источникомъ не могла совершенно порваться.

Народная память не сохранила ко времени автора извѣстій изъ глубокой древности, и первое документальное извѣстіе о существованіи Руси авторъ-книжникъ видѣлъ въ своемъ источникѣ т. е. въ «Лѣтописаніи греческомъ», какимъ былъ для него «Хронографъ по великому изложенію». Это извѣстіе послѣдняго и стало для него исходнымъ пунктомъ, и отсюда онъ началъ свою исторію: «Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Русская земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьградъ, якоже пишется въ лѣтописаніи гречьстѣмь. Тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ». Затѣмъ авторъ составилъ хронологическую таблицу, закончивъ ее Ярославомъ («а Ярославъ княжи лѣтъ 40») и указавъ общее число лѣтъ «отъ смерти Святославля до смерти Ярославли лѣтъ 85» — доказательство, что первый лѣтописный сводъ былъ составленъ послѣ смерти Ярослава.

По связь русской исторіи съ греческой не ограничилась только лишь указаніемъ на исходный пунктъ ея въ царствованіе Михаила. И въ послѣдующемъ изложеніи продолжала оставаться та же хронологическая канва, по которой были изложены событія русской исторіи въ «Хронографѣ по великому изложенію». Авторъ отмѣчалъ царствованія византійскихъ императоровъ и приводилъ нѣкоторыя событія изъ византійской исторіи, но — въ сокращенномъ видѣ, выписывая, однако, текстъ своего оригинала буквально. Такія извѣстія, какъ о нападеніи русскихъ на Царьградъ, цѣликомъ восходящія къ хроникѣ Георгія Амартола, авторъ не подвергъ сокращенію. Дойдя до извѣстія о построеніи Ярославомъ въ 1037 году церкви св. Софіи, украшенной княземъ иконами и книгами, и зная, что съ этого времени, съ прибытіемъ въ Кіевъ греческаго клира, принесшаго съ собой цѣлую литературу, и начиналась собственно просвѣтительная дѣятельность Ярослава, — зная это, авторъ и присоединилъ отъ себя цѣлый панегирикъ Ярославу, княженіе котораго прошло на его глазахъ. Закончилъ авторъ свой трудъ 1054 годомъ, годомъ смерти Ярослава, передавъ своими словами его Завѣщаніе и заключивъ словами: «Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6».

Такъ въ началѣ второй половины XI вѣка, въ княженіе Изяслава Ярославича, былъ составленъ первый лѣтописный сводъ, имѣвшій съ са-

маго начала заглавіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Теперь трудно опредѣлить въ точности, что въ исторію до Ярослава авторомъ внесено было новаго сравнительно съ тѣмъ, что читалось въ «Хронографѣ по великому изложенію», но во всякомъ случаѣ надо полагать, что нѣкоторыя дополненія были сдѣланы. Ему слѣдуетъ приписывать всѣ лирическія изліянія или богословско-нравоучительныя разсужденія. Авторъ пользовался и новыми историческими данными, сохранявшимися и въ письменномъ и устномъ видѣ. Къ первымъ относятся договоры русскихъ съ греками. Съ сказаніемъ о крещеніи Владиміра оканчивался его непосредственный источникъ, и послѣдующій матеріалъ онъ черпалъ уже изъ чисто русскихъ устныхъ и письменныхъ передачъ, какъ напр. сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба, или сказанія о Тмутороканскихъ событіяхъ, напр. объ единоборствѣ Мстислава съ Редедею, о чемъ могли разсказывать дружинники Мстислава, когда послѣдній, помирившись въ 1026 г. съ Ярославомъ, сѣлъ на княженіе въ Черниговѣ. Въ «Хронографѣ по великому изложенію» пустыхъ годовъ не было, и внесеніе ихъ въ первоначальную русскую Лѣтопись было нововведеніемъ, личнымъ дѣломъ ея редактора; но образецъ редакторъ могъ имѣть въ переводной хроникѣ Георгія Сицкелла, гдѣ счетъ велся по олимпіадамъ, и гдѣ въ рядѣ случаевъ встрѣчались олимпіады пустыя.

Но если нельзя признать составленіе первоначальнаго свода въ 1037—1039 годахъ, то сама замѣчательная мысль А. А. Шахматова о значеніи основанія Кіевской митрополіи и построенія храма св. Софіи для составленія лѣтописнаго свода должна быть принята, только лишь развитіе ея должно быть иное. Греческій митрополитъ съ своимъ клиромъ прибылъ на Русь въ 1037 — 1039 годахъ, а первоначальный сводъ былъ составленъ не раньше конца 50-хъ годовъ, слѣдовательно, приблизительно черезъ 20 лѣтъ послѣ прибытія грековъ. Этого времени было достаточно, чтобы и въ направленіи и въ умахъ русскихъ книжниковъ произошли извѣстныя перемѣны, отразившіяся и на ихъ литературной дѣятельности. Съ этого времени и начинается какъ-бы новый періодъ въ древней русской литературѣ. Выше было отмѣчено, что съ этого времени начинается рядъ своихъ самостоятельныхъ переводовъ, дѣлаемыхъ уже русскими книжниками. Самостоятельные переводы привели

къ самостоятельнымъ компилятивнымъ трудамъ, а послѣдніе привели къ составленію своей національной исторіи. Какъ сказано выше, эта своя національная исторія, или древнѣйшая русская «Лѣтопись» обязана своимъ возникновеніемъ уже сложившемуся національному самосознанію, которое заставило русскаго книжника отдѣлить свою «Исторію» отъ греческой, съ которой она была до сихъ поръ связана, служа какъ бы ея непосредственнымъ продолженіемъ. Это самосознаніе было естественнымъ слѣдствіемъ всего пережитого и всего видѣннаго въ два истекшія княженія—Владиміра и Ярослава, изъ которыхъ каждое представлялось особой эпохой. съ своими опредѣленными характеристическими чертами, какъ лѣтописецъ это и отмѣтилъ. Но это самосознаніе могло вызываться въ душѣ книжныхъ людей не только положительными данными, извлекаемыми изъ самой русской жизни, но и безмолвнымъ протестомъ противъ того отношенія, которое, вѣроятно, обнаруживали греки по отношенію къ русской жизни вообще, и противъ тѣхъ взглядовъ, которые могли высказываться греками о русской исторіи. Въ упомянутой выше книгѣ М. Д. Приселкова прослѣжена исторія, такъ сказать, греческаго засилія надъ русской церковной жизнью въ XI—XII вѣкахъ, засилія, которое авторъ ведетъ также съ 1037 года, и указаны попытки борьбы съ этимъ засиліемъ. Если во многихъ пунктахъ съ авторомъ согласиться невозможно, то во всякомъ случаѣ его положеніе о самомъ фактѣ давленія со стороны грековъ на образованіе извѣстныхъ убѣжденій въ греческомъ духѣ и направленіи имѣетъ много за себя данныхъ и совпадаетъ съ выводами изъ другихъ фактовъ духовной жизни того времени. Мысль о томъ, что до учрежденія Кіевской митрополіи въ 1037 году греки оказывали на русскихъ людей вліяніе сравнительно небольшое, кажется, надо признать очень правдоподобной. Русскими людьми управляли до этого времени, главнымъ образомъ, несомнѣнно, болгары, уже просто потому, что они говорили на томъ же языкѣ, на которомъ говорили наставляемые и обучаемые ими русскіе люди—и ученики и взрослые. Теперь являются греки, которые стремятся проводить свои идеи. Прежде всего, выразилось это стремленіе во внѣдреніи въ умахъ русскихъ людей убѣжденія, что вѣра христіанская принесена на Русь исключительно греками, и что только они, греки, являются виновниками новой жизни

на Руси, а никакъ не князь Владиміръ, который, по ихъ мнѣнію, не имѣетъ никакихъ правъ на канонизацію и на признаніе за нимъ заслугъ по введенію на Руси христіанства. Вѣроятно, иные русскіе люди въ этомъ отношеніи и слѣдовали грекамъ, но не всѣ, и въ части книжныхъ людей наросталъ протестъ противъ такого греческаго самопревознесенія и противъ униженія національнаго чувства. Этотъ протестъ и выразился, между прочимъ, въ «Словѣ» Иларіона.

На этомъ дѣло не остановилось. Извѣстно, что, по представленію грековъ, страна, принявшая отъ нихъ христіанство, становилась въ подчиненное положеніе не только патріарху въ церковномъ отношеніи, но и императору въ гражданско-политическомъ. На дѣлѣ послѣднее оставалось только въ представленіи, хотя византійскій императоръ черезъ патріарха и могъ оказывать извѣстное вліяніе на внутреннія дѣла чужой страны. До сихъ поръ греки не играли на Руси большой роли въ качествѣ руководителей и наставниковъ. Теперь, прибывъ на Русь, по вызову самого князя, съ большимъ запасомъ книгъ, назначавшихся для переводовъ, греки могли высказывать въ средѣ русскихъ книжныхъ людей свои взгляды на значеніе Византіи вообще для русской жизни. О главенствѣ своего императора надъ новопросвѣщенной страной они могли и не говорить, но они могли свысока относиться къ русской исторіи, считая ее придаткомъ къ исторіи своей, греческой. Нѣтъ данныхъ считать, что въ «Хронографѣ по великому изложенію» русская исторія являлась лишь продолженіемъ греческой по этому именно основанію: такое продолженіе къ греческой исторіи присочинилъ самъ русскій книжникъ непроизвольно, какъ простое естественное нарощеніе. Но теперь греки, присвоивая себѣ всю заслугу по просвѣщенію Русской земли христіанскимъ ученіемъ, могли косвенно отрицать и самостоятельное существованіе русской исторіи. Подтвержденіе этому русскій книжникъ видѣлъ и въ своемъ только-что составленномъ памятникѣ, изъ котораго онъ и почерпалъ свои первоначальныя свѣдѣнія по русской исторіи. Но національное самосознаніе вызывало естественный протестъ противъ такихъ взглядовъ и отношеній, и въ душѣ книжника наростало желаніе имѣть свою самостоятельную исторію, матеріалъ для которой былъ у него и въ письменномъ источникѣ, въ «Хронографѣ», и въ видѣнномъ и пережитомъ имъ самимъ,

изъ котораго многое уже было записано. Въ результатѣ такого протеста и явилась «Лѣтопись». Слѣдовательно, въ составленіи первоначальной Лѣтописи, этой первой русской исторіи, произошло сочетаніе сознанія своего права на національное существованіе и инстинктивнаго протеста противъ возможнаго высокомѣрнаго взгляда греческихъ наставниковъ. Совершенно отрѣшиться и отмежеваться отъ византійской исторіи русскій книжникъ не умѣлъ и не могъ: его образецъ давалъ ему удобную канву для изложенія, но сама роль византійской исторіи была сведена уже до ничтожныхъ размѣровъ.

Вопросъ о значеніи новоприбывшихъ грековъ для духовной жизни русскихъ людей второй половины XI вѣка заслуживаетъ особаго вниманія. Съ этимъ прибытіемъ, можетъ быть, связываются многіе факты изъ духовной жизни древней Руси. Н. К. Никольскій въ своей статьѣ «О древнерусскомъ христіанствѣ» (Русская Мысль, 1913 г., кн. VI) намѣчаетъ два періода въ развитіи русской религіозной идеологіи. Первый періодъ совпадаетъ со временемъ Владиміра и Ярослава, второй — особенно съ яснымі чертами является въ послѣдней четверти XI вѣка. Въ первомъ періодѣ христіанство было проникнуто свѣтлымъ и возвышеннымъ оптимизмомъ міровой религіи, и идеалами христіанскаго совершенства было *христоподобіе* и апостолоподобіе, при чемъ огромное значеніе придавалось милостынѣ, нищелюбію и истинному ученію; принятіе христіанства въ этотъ періодъ принималось, какъ начало торжества радости и веселія. Во второй періодъ «рядомъ и вмѣстѣ съ вѣрой, избранной Владиміромъ, стала укореняться болѣе мрачная религіозная доктрина», по которой «стало необходимымъ умерщвлять свою плоть, уничтожать ее, стараясь приблизиться къ неземнымъ существамъ, и для этого изнурять себя постомъ, денно-нощною молитвою и даже изувѣрными подвигами». Разсадникомъ такой идеологіи становится Кіево-Печерскій монастырь, и эта идеологія, дѣлаясь замѣтной въ концѣ XI вѣка, кладется въ основаніе Кіево-Печерскаго Патерика. Но намѣтивъ въ общихъ чертахъ направленіе второго періода, Н. К. Никольскій говоритъ: «Я уклоняюсь здѣсь отъ вопроса: идеологія ли путемъ внушенія вызывала тяготѣніе къ пессимизму и аскетикѣ, или же тяготѣніе къ аскетикѣ и пессимизму давало жизнь соотвѣтствующей идеологіи?». Въ примѣчаніи къ статьѣ

авторъ заявлялъ, что имъ подготовляется къ печати очеркъ исторіи древне-русской религіозной идеологіи съ подробнымъ изложеніемъ высказанныхъ въ статьѣ положеній. Очеркъ этотъ до сихъ поръ не появился. Между тѣмъ, высказанныя въ статьѣ мысли возбуждаютъ большой интересъ[1]. Если, дѣйствительно, въ исторіи развитія древне-русской религіозной идеологіи въ концѣ XI вѣка уже замѣтенъ переломъ, то возникаетъ вопросъ, гдѣ же лежитъ начало этого перелома и съ чѣмъ онъ связывался? А этотъ вопросъ приводитъ къ слѣдующему вопросу: не находится ли этотъ переломъ въ своемъ возникновеніи въ связи съ захватомъ умственной и, главнымъ образомъ, духовной жизни древне-русскихъ людей со стороны именно того кружка монашествующихъ грековъ, которые въ 1037—9 гг. прибыли на Русь во главѣ съ митрополитомъ? А если бы это было такъ, то къ эпохѣ второй половины княженія Ярослава т. е. къ 1039—54 годамъ мы могли бы пріурочивать начало новаго періода въ исторіи какъ духовной жизни русскихъ людей такъ и въ исторіи литературы. Этотъ періодъ характеризовался бы непосредственнымъ и болѣе сильнымъ вліяніемъ греческой мысли и литературы. До сихъ поръ греки имѣли на русскихъ людей вліяніе незначительное. По незнанію русскаго языка, они не могли быть непосредственными учителями просвѣщаемаго народа. Собранныхъ дѣтей отъ «нарочитой чяди» Владиміръ не могъ предоставить для обученія учителямъ-грекамъ, ибо они не могли ихъ ничему научить по указанной причинѣ. Учителями должны были быть славяне — откуда бы они ни приходили, съ юга или съ запада, — говорившіе на томъ же языкѣ, на которомъ говорили и учащіеся. Славянскими были церковно-богослужебныя книги, которыя, конечно, приносились славянскимъ духовенствомъ, а не греческимъ. Но молодые русскіе ученики, изъ которыхъ впослѣдствіи и образовались книжники, видѣли, что все идетъ отъ грековъ: священное писаніе переведено съ греческаго языка; поученія, по которымъ ихъ обучали нравственнымъ понятіямъ, были написаны греческими святителями; житія, которыя они читали, какъ занимательное чтеніе, говорили о гре-

[1] Въ недавно вышедшей первой книжкѣ журнала «Россія и Западъ» М. Д. Приселковъ въ своей статьѣ «Два міровоззрѣнія» развиваетъ тѣ же мысли.

ческихъ святыхъ. Все это приводило къ сознанію, что христіанская вѣра, недавно введенная на Руси, есть вѣра, прежде всего, греческая. Дѣйствительность подтверждала такое представленіе, ибо всѣ хорошо знали, что и Ольга приняла христіанскую вѣру отъ грековъ. Совершенно безъ грековъ дѣло, конечно, не обходилось, и вполнѣ правдоподобно предполагать, что десятилѣтній періодъ, отъ 1026 до 1036 г., понадобился Ярославу не только для переговоровъ съ Константинополемъ по поводу учрежденія митрополіи, но и для приготовленія среди книжныхъ людей знатоковъ греческаго языка, могущихъ переводить тѣ греческія книги, которыя должны были привести съ собой греки. Но вотъ, наконецъ, греки прибыли, и съ ихъ прибытіемъ начался новый періодъ въ умственной и духовной жизни русскихъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новый періодъ въ исторіи русской литературы. Значеніе этого новаго элемента, какъ это часто бываетъ, было разнообразно — и положительное и отрицательное, и одни слѣдствія новаго элемента обнаружились быстро, другія стали замѣтны нѣсколько позднѣе. Прежде всего, русскій человѣкъ расширилъ область своихъ познаній. Онъ получилъ книги, которыхъ раньше у него не было, книги историческія, повѣствовательныя, естественныя. Историческія и отчасти повѣствовательныя книги привели мало по малу, черезъ нѣсколько посредствующихъ ступеней, къ составленію «Лѣтописи». Это было вліяніе чисто литературное. Но прибытіе новаго элемента имѣло косвенное вліяніе литературно-общественное, вызвавъ къ жизни нѣсколько произведеній съ публицистическо-общественнымъ оттѣнкомъ. Новоприбывшіе греки, прежде всего, постарались занять господствующее положеніе въ умахъ русскихъ людей и вселить въ нихъ убѣжденіе въ томъ, что и сама новая жизнь ихъ ведетъ свое начало непосредственно отъ нихъ, отъ грековъ. Обстоятельства въ этомъ отношеніи имъ благопріятствовали, и они умѣло ими воспользовались. Русскій человѣкъ, какъ указано, уже былъ подготовленъ къ признанію, что его вѣра есть вѣра греческая. Оставалось только еще болѣе укрѣпить это признаніе осязательнымъ образомъ, въ видѣ реальнаго факта, и въ этомъ случаѣ пришло грекамъ на помощь то разногласіе, которое существовало среди русскихъ людей по вопросу о мѣстѣ крещенія самого кн. Владиміра. Русскіе люди хорошо помнили крещеніе кіевлянъ,

но крещеніе самого кн. Владиміра, совершившееся, очевидно, безъ всякой помпы, прошло для нихъ какъ-то безслѣдно, и тотчасъ, очевидно, возникло разногласіе въ опредѣленіи мѣста и времени его крещенія. Одни указывали на Кіевъ, другіе на Корсунь; одни утверждали, что Владиміръ крестился до взятія Корсуни, другіе — послѣ взятія. Если — въ Корсуни, то, конечно, греки играли при этомъ главную роль. И вотъ новоприбывшіе греки воспользовались Корсунской версіей и постарались ее распространить и усилить и убѣдить русскихъ людей, что въ дѣлѣ просвѣщенія ихъ христіанской вѣрой виновны они, греки, а не князь Владиміръ, который, поэтому, и не имѣетъ права на канонизацію. Въ самой Византіи ходили, повидимому, разныя версіи о крещеніи Руси и о греческой въ немъ роли. Простая монашеская среда, напр., по своему объясняла фактъ крещенія Руси, усмотрѣвъ въ немъ приближеніе конца міра. Въ одномъ переводномъ апокрифическомъ «Видѣніи Исаіи о послѣднемъ времени», сохранившемся въ сербскихъ спискахъ (извѣстный сборникъ XIII в. попа Драголя, принадлежавшій нѣкогда Бѣлградскому профессору Сречковичу и частію изданный въ Споменикѣ Сербской Королевской Академіи 1890 г., и Московск. Публ. Музея XV в., № 1472, изъ собранія Севастьянова), въ пророческомъ тонѣ такъ изображается крещеніе Руси [1]. «Вотъ скажу вамъ, что будетъ послѣднему роду. Вы увидите въ Новомъ Іерусалимѣ, что называется Константиномъ градомъ, какъ возстанутъ два послѣднихъ царя. И возстанетъ отъ тѣхъ же чреслъ Ужская царица Анна, что нарицается «одива погибельная». О чудо Если бы вѣдали цари, то не давали бы свою «одиву» змію. Но какъ писано отъ сѣвера, когда возляжетъ козелъ съ . . . . . , когда начнетъ левъ съ агнцемъ паститься и медвѣдь съ воломъ вмѣстѣ питаться, когда евангеліе будетъ проповѣдано въ человѣкоядцахъ и кровопійцахъ, о чудо! если бы все это вѣдали два царя Іерусалимскіе, то мирилися бы съ западными и могли бы безстудному змію противиться. Писано бо: подвигнется змій тотъ, поиметъ вельможи свои и сядетъ въ «древеницу» и придетъ въ рѣку, называемую «раи утаенный», и внидетъ змій тотъ изъ

[1] На это пророчество много лѣтъ тому назадъ обратилъ мое вниманіе покойный проф. М. С. Дриновъ.

«древеницы» и всядетъ въ «пернатицу», и сядетъ на мѣстѣ, называемомъ «Овче поле» и потомъ побѣдитъ всѣ языки и сотворитъ брани великіе». И потомъ настанетъ конецъ міра.— Такъ отозвалась полумонашеская среда, въ которой обыкновенно и возникали заднимъ числомъ подобныя пророчества, на величайшее событіе въ русской жизни — на проповѣдь евангелія «человѣкоядцамъ и кровопійцамъ» и на поѣздку царевны Анны на бракъ съ «безстуднымъ зміемъ». Но этотъ плодъ полукнижнаго — полународнаго творчества въ данномъ случаѣ имѣетъ то значеніе, что царевна отправилась еще къ «безстудному змію», и что евангеліе еще не было проповѣдано «человѣкоядцамъ и кровопійцамъ». А если такъ, то, слѣдовательно, «змій» еще не былъ просвѣщенъ христіанствомъ, не былъ еще крещенъ; слѣдовательно, его крещеніе произошло позднѣе прибытія къ нему царевны Анны, а «человѣкоядцамъ и кровопійцамъ» евангеліе было проповѣдано двумя царями Константиноградскими. Это — все то, что говорила впослѣдствіи «Корсунская легенда». Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ такомъ видѣ, въ такой послѣдовательности представлялась вся исторія крещенія Руси въ новопришедшей греческой средѣ. Они пришли на Русь уже съ готовымъ убѣжденіемъ, что русскій князь, князь «человѣкоядцевъ и кровопійцевъ», принялъ крещеніе именно отъ грековъ, а слѣдовательно въ Корсуни, и все крещеніе «человѣкоядцевъ и кровопійцевъ» совершено было ими, греками. Такое убѣжденіе находило себѣ поддержку и въ мнѣніи части русскихъ людей, по которому Владиміръ крестился въ Корсуни. Греки воспользовались послѣднимъ, и въ результатѣ создалась такъ называемая «Корсунская легенда». Нѣтъ основаній относить сложеніе ея къ концу XI вѣка, какъ предполагаетъ А. А. Шахматовъ. Она вполнѣ могла сложиться въ періодъ 1037—1054 гг., еще до образованія первоначальной Лѣтописи, и въ этотъ періодъ она уже вызвала косвенный протестъ въ видѣ «Слова» Иларіона. Ее зналъ уже редакторъ первоначальнаго лѣтописнаго свода или первой редакціи «Повѣсти временныхъ лѣтъ» («Древнѣйшаго свода» — по терминологіи А. А. Шахматова), составленной вскорѣ послѣ смерти Ярослава. Онъ вѣрилъ ей, вѣрилъ, что Владиміръ крестился именно въ Корсуни, и находилъ почему-то нужнымъ опровергать другія указанія — можетъ быть, потому, что въ его время

происходили по этому вопросу споры. Въ этомъ онъ поддался грекамъ, но, какъ русскій патріотъ, онъ не поддался ихъ стараніямъ оттѣснить Владиміра на второй планъ и подъ 1015 годомъ воспѣлъ ему панегирикъ.

Таково положительное значеніе прибытія греческаго клира при Ярославѣ. Оно состояло, во-первыхъ, въ появленіи ряда новыхъ литературныхъ произведеній, давшихъ начало и нѣкоторымъ самостоятельнымъ русскимъ литературнымъ памятникамъ, а во-вторыхъ, въ томъ, что оно было причиной умственнаго возбужденія по вопросу о просвѣщеніи Руси христіанствомъ, въ результатѣ чего также явились русскія самостоятельныя литературныя произведенія.

Но это прибытіе греческаго клира имѣло и отрицательное значеніе. Съ нимъ, можетъ быть, связывается и тотъ переломъ въ религіозной идеологіи русскаго народа, о которомъ говорятъ П. К. Никольскій и М. Д. Приселковъ. Прибывшій клиръ состоялъ, конечно, главнымъ образомъ, изъ монашествующихъ, которые и принесли съ собой апофеозъ монашества и связаннаго съ нимъ аскетизма. Нѣтъ, кажется, нужды въ данномъ случаѣ культивированіе аскетизма связывать съ богомильствомъ, съ ученіемъ богомиловъ о паденіи Сатанаила. Богомильское ученіе о дуализмѣ дѣйствительно обнаруживается по памятникамъ древне-русской литературы, но аскетизмъ, умерщвленіе плоти, вообще замѣна прежняго радостнаго, свѣтлаго міросозерцанія новымъ мрачнымъ могла совершиться и безъ вліянія со стороны именно ученія богомильства. Источникъ лежалъ въ возвеличеніи монашества, которое теперь, со второй половины княженія Ярослава и стало выдвигаться въ связи съ новымъ греческимъ вліяніемъ. Оно проповѣдывалось постепенно и неуклонно и понемногу овладѣло умомъ и настроеніемъ части русскаго общества. Съ основаніемъ Печерскаго монастыря оно нашло для себя еще болѣе благопріятную почву. Противодѣйствія не оказалось, и новое настроеніе аскетизма и отрѣшенія отъ міра привело къ полному господству того и другого.

Такимъ образомъ, для древне-русской жизни, для литературы и для религіознаго настроенія вызовъ Ярославомъ грековъ съ митрополитомъ во главѣ имѣлъ большое значеніе. Онъ дѣлилъ какъ-бы на двѣ части

XI вѣкъ: первый характеризовался бы отсутствіемъ непосредственнаго вліянія грековъ, второй — его наличностью. Конечно, въ этомъ вопросѣ еще много неяснаго, и велика заслуга А. А. Шахматова, впервые выдвинувшаго значеніе разсматриваемаго факта.

Возвращаюсь къ исторіи лѣтописанія. Получивъ въ первой половинѣ XI вѣка самостоятельную жизнь, русское лѣтописаніе, «русская исторія» не прекратила существованія исторіи «всемірной». Съ этого момента русскіе люди владѣли уже двумя исторіями, которыя и подвергались со стороны книжныхъ людей дальнѣйшимъ обработкамъ, именно — исторіей всеобщей и исторіей русской. Объ исторіи зажили каждая отдѣльной жизнью, не сталкиваясь другъ съ другомъ вплоть до XV вѣка, когда опять произошло между ними соприкосновеніе. «Хронографъ по великому изложенію», какъ стоявшій на промежуточномъ пути, исчезъ изъ отдѣльнаго употребленія, но онъ далъ матеріалъ для двухъ компилятивныхъ хронографическихъ памятниковъ, имѣвшихъ характеръ всемірной исторіи, т. е., по тогдашнимъ понятіямъ, исторіи византійской, именно для такъ называемаго «Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца» и для «Хронографической Палеи». Въ нихъ сохранялись и скудные остатки событій изъ русской исторіи. Но всемірная исторія и тамъ и тутъ не пошла дальше тѣхъ предѣловъ, до которыхъ доходили первоначальные ея источники, т. е. хроника Георгія Амартола и основанный на ней «Хронографъ по великому изложенію», т. е. далѣе половины X вѣка; дальнѣйшая исторія Византіи русскимъ людямъ долго оставалась чужда.

Русское же спеціальное лѣтописаніе стало продолжаться. Первый лѣтописный сводъ, являющійся *первой* редакціей «Повѣсти временныхъ лѣтъ» начала второй половины XI вѣка сталъ получать продолженія, и въ началѣ XII вѣка, тотчасъ послѣ вступленія на Кіевскій великокняжескій столъ Владиміра Мономаха, былъ составленъ второй лѣтописный сводъ съ привлеченіемъ новыхъ источниковъ, въ результатѣ чего и явилась та «Повѣсть временныхъ лѣтъ», которая и извѣстна собственно подъ этимъ именемъ, творцомъ которой былъ Печерскій монахъ Несторъ, и которая лучше всего представлена Лаврентьевскимъ спискомъ лѣтописи. Это была *вторая* редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; объ этомъ ниже.

Остается точнѣе обосновать время составленія перваго лѣтописнаго

свода. Уже давно изслѣдователи ставили этотъ вопросъ и рѣшали его различно. Но большинство склонялось къ мысли, что первый лѣтописный сводъ былъ составленъ послѣ смерти Ярослава, основаніемъ чего служила хронологическая таблица подъ 852 г., оканчивающаяся Ярославомъ. Срезневскій, основываясь на той же таблицѣ, предполагалъ составленіе перваго свода во время непосредственно слѣдовавшее за Святославомъ. А. А. Шахматовъ (Разысканія, 416—418), какъ видѣли, устанавливаетъ 1039 годъ, какъ годъ составленія «Древнѣйшаго свода», и ставитъ его въ связь съ окончаніемъ постройки церкви св. Софіи, съ учрежденіемъ русской митрополіи и съ прибытіемъ въ Кіевъ греческаго митрополита. Учрежденіе митрополіи русской стало де побудительной причиной къ составленію «Русскаго Лѣтописца». «Не слѣдовалъ ли — спрашиваетъ Шахматовъ — митрополитъ Ѳеопемптъ освященному на родинѣ своей примѣру, когда, сдѣлавшись первымъ русскимъ митрополитомъ, побудилъ кого-либо изъ своихъ причетниковъ составить первую русскую лѣтопись?» Но съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться. Вся исторія греческаго церковнаго у насъ господства говоритъ за то, что грекамъ не было никакой нужды до русскаго просвѣщенія и до русской исторіи. Они смотрѣли на свою новую епархію, лишь какъ на источникъ доходовъ, и при незнаніи русскаго языка не могли и заинтересоваться составленіемъ русской лѣтописи. Особенно на первыхъ порахъ митрополиту и прибывшему съ нимъ клиру было не до составленія русской лѣтописи; сами по себѣ, они были чужды русской жизни. Поэтому, признать непосредственное участіе грека-митрополита въ составленіи первой русской лѣтописи, да еще тотчасъ же по своемъ прибытіи — является болѣе, чѣмъ невѣроятнымъ.

Нельзя относить составленіе «Древнѣйшаго свода» къ 1037—1039 гг. еще и потому, что такое пріуроченіе никакъ не можетъ быть согласовано съ предшествующей его исторіей. Эта исторія, какъ видѣли, была довольно сложная и требовала, разумѣется, продолжительнаго времени. Въ двухлѣтній періодъ не было, конечно, возможности продѣлать такую сложную работу — перевести такую большую хронику, какова хроника Георгія Амартола, подвергнуть ее пересмотру, составить изъ нея и изъ ряда другихъ источниковъ особый хронографъ («Хронографъ

по великому изложенію»), и, наконецъ, составить и «Лѣтопись». Ясно, что послѣдняя могла быть составлена много послѣ 1037—1039 гг.

Далѣе, А. А. Шахматовъ считаетъ важнымъ для опредѣленія времени составленія «Древнѣйшаго свода» совпаденіе нѣкоторыхъ выраженій между «Лѣтописью» и «Словомъ» Иларіона. По мнѣнію Шахматова, Иларіонъ пользовался лѣтописью, а такъ какъ «Слово» было составлено до смерти Ярослава (1054 г.), то слѣд. и лѣтопись составлена до этого времени. Въ лѣтописи сходныя фразы со «Словомъ» читаются 1) въ рѣчи Философа и 2) въ тѣхъ частяхъ, гдѣ говорится объ обращеніи Руси въ христіанство. Однако, фразъ этихъ слишкомъ недостаточно, чтобы можно было говорить о непосредственномъ заимствованіи однимъ авторомъ у другого. Но если уже ставить вопросъ о заимствованіи, то скорѣе слѣдуетъ принять, что заимствованіе сдѣлалъ лѣтописецъ у Иларіона, нежели наоборотъ. Такой начитанный и талантливый книжникъ, каковъ былъ Иларіонъ, менѣе всего нуждался въ заимствованіяхъ у лѣтописца. Приводимыя сходныя фразы были на устахъ у всѣхъ книжниковъ, такъ какъ онѣ говорили о всѣмъ извѣстныхъ вещахъ. Что же касается Рѣчи философа, то, если бы даже мы и признали заимствованіе именно изъ нея, то и тогда это не обязывало бы видѣть непосредственный источникъ его непремѣнно въ лѣтописи. Несомнѣнно, сказаніе о приходѣ философа къ Владиміру существовало и въ отдѣльномъ видѣ раньше, чѣмъ попало въ тотъ или другой лѣтописный сборникъ. Наконецъ, Иларіонъ могъ читать Рѣчь философа еще въ «Хронографѣ по великому изложенію», который ко времени написанія «Слова» могъ быть уже составленъ.

А. А. Шахматовъ признаетъ послѣдней статьей въ «Древнѣйшемъ сводѣ» статью 1037 г., восхваляющую просвѣтительную дѣятельность Ярослава, хотя и вынужденъ былъ присоединить къ нему дополнительную статью 1043 г. о походѣ Владиміра Ярославича на грековъ. Но съ этимъ нельзя согласиться. Статья писана уже послѣ смерти Ярослава, когда для лѣтописца оба княженія — Владиміра и Ярослава — были уже княженіями прошедшими, дававшими ему матеріалъ для сравненія съ его временемъ. Онъ сопоставляетъ времена Владиміра и Ярослава съ своимъ временемъ, говоря — «а мы пожинаемъ ученіе пріемлюще книжное» —

посѣянное Ярославомъ. Да лѣтописецъ и не могъ еще дать такой характеристики Ярославу въ 1037 году, такъ какъ прошло еще слишкомъ недостаточно времени, чтобы обнаружились такъ ясно плоды просвѣтительной дѣятельности послѣдняго. Здѣсь дѣлается обозрѣніе всей просвѣтительной дѣятельности Ярослава, который для лѣтописца есть князь уже прошлаго времени. И похвалу ему онъ говоритъ въ прошедшемъ времени: «И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику,... собра писцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на словѣньское письмо»... «Ярославъ же сеи... любимъ бѣ книгамъ». Въ 1037 году лѣтописецъ говорилъ бы объ Ярославѣ въ настоящемъ времени, подобно тому, какъ въ настоящемъ времени давалъ подъ 1097 годомъ лѣтописецъ характеристику Владиміра Мономаха, каковое время удержалось напр. въ спискѣ Ипатьевско-Хлѣбниковскомъ[1]. Причину же, почему лѣтописецъ данную похвалу Ярославу помѣстилъ именно подъ 1037 годомъ, я указалъ выше: она лежала въ его справедливо создавшемся представленіи, что просвѣтительная дѣятельность Ярослава и началась только съ этого времени, т. е. съ прибытія митрополита и греческаго клира; онъ только выразилъ это не разсужденіемъ, а конкретно, указаніемъ на заложеніе св. Софіи, въ которую Ярославъ потомъ положилъ книги, «многы написавъ».

Въ связи съ этимъ находится вопросъ и о статьѣ 1054 г., содержащей извѣстіе о смерти Ярослава и его завѣщаніе. Шахматовъ, относящій составленіе «Древнѣйшаго свода» къ 1039 году, долженъ былъ относить статью 1054 г. къ «продолженію» свода. Онъ и приписываетъ ее Никону, составителю перваго «продолженія» къ «Древнѣйшему своду», сопоставляя ее съ статьей 1073 г., въ которой говорится о междоусобной распрѣ Ярославичей и приводится имъ за это укоризна. «Можно съ полной увѣренностью предполагать,—говоритъ Шахматовъ — что статьи 6562 (1054) и 6581 (1073) годовъ составлены однимъ ли-

[1] А. А Шахматовъ и самъ видѣлъ необходимость прошедшаго времени, когда на стр. 465 вынужденъ былъ сказать, что «весьма вѣроятно, что похвала была изложена въ настоящемъ времени и что перемѣна этого времени на прошедшее принадлежитъ позднѣйшему редактору, преп. Никону».

цомъ, принадлежатъ одному автору: подъ 6562 годомъ лѣтописецъ подробно сообщаетъ о томъ, какъ Ярославъ заповѣдалъ сыновьямъ «не преступати предѣла братьня, ни сгонити», а подъ 6581 онъ выступаетъ обличителемъ Святослава и Всеволода, прогнавшихъ брата, преступившихъ предѣлъ чужій» (стр. 404). Но если мы даже и признаемъ авторомъ статьи 1073 г. Никона, автора всего продолженія «Древнѣйшаго свода», то отсюда еще нисколько не будетъ слѣдовать, что ему же принадлежитъ и статья 1054 г. Конечно, если признать, что «Древнѣйшій сводъ» оканчивался 1037 годомъ, а все остальное вплоть до 1073 г. включительно писано Никономъ, то тогда безъ всякихъ разсужденій выйдетъ, что статья 1054 г. писана тѣмъ же Никономъ. Но если мы признаемъ, что «Древнѣйшій сводъ» оканчивался 1054 годомъ, то статья 1073 г., составленная хотя бы Никономъ, нисколько не будетъ этому противорѣчить. Шахматовъ считаетъ возможнымъ, что текстъ завѣщанія могъ быть сочиненъ самимъ лѣтописцемъ, «знавшимъ доподлинно, что Ярославъ передъ смертью увѣщевалъ своихъ сыновей жить въ мирѣ и поручалъ младшимъ слушаться старшаго Изяслава» (403), и не видитъ основаній предполагать у лѣтописца наличность копіи съ Ярославова завѣщанія. Но это возможное предположеніе будетъ также приложимо и къ современнику Ярослава, составлявшему лѣтописный сводъ вскорѣ послѣ смерти послѣдняго. Возможно, что письменнаго завѣщанія и не было, а Ярославъ устно передавалъ своимъ сыновьямъ увѣщаніе жить мирно и слушаться старшаго. Это увѣщаніе вполнѣ могло быть извѣстно окружающимъ Ярослава, а отъ нихъ и вообще современникамъ, и лѣтописецъ, авторъ перваго свода, и занесъ въ свою лѣтопись это увѣщаніе, изложивъ его своими словами. Послѣдующій лѣтописецъ, кто бы онъ ни былъ, описавшій «котору» Ярославичей въ 1073 г., конечно, зналъ статью 1054 г. и, такъ какъ дѣйствіе младшихъ Ярославичей явно нарушали завѣщаніе ихъ отца, изложенное въ статьѣ 1054 г., то онъ счелъ для себя возможнымъ присоединить и отъ себя рѣзкое осужденіе поведенія Ярославичей.

Итакъ: 1) нѣтъ данныхъ для пріуроченія составленія «Древнѣйшаго свода» къ 1039 г; 2) нѣтъ препятствій къ пріуроченію его составленія ко времени послѣ смерти Ярослава, т. е. послѣ 1054 г.; 3) по-

слѣднее пріуроченіе согласуется: а) съ исторіей появленія русскихъ переводовъ произведеній византійской литературы и съ исторіей сложенія хронографическихъ памятниковъ и b) съ указаніемъ хронологической таблицы подъ 852 годомъ. *Это была первая редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ»*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Истринъ.

Замѣчанія о началѣ русскаго лѣтописанія.

По поводу изслѣдованій А. А. Шахматова въ области древне-русской лѣтописи.

(Окончаніе)[1].

V.

Въ періодъ между «Древнѣйшимъ сводомъ» (по мнѣнію Шахматова, 1039 года, по моему — начала 50-хъ годовъ) и «Повѣстью временныхъ лѣтъ» лѣтопись не оставалась, конечно, безъ продолженія, и А. А. Шахматовъ признаетъ двѣ крупныхъ обработки ея — въ 1073 году и въ 1095-мъ. Первую обработку онъ приписываетъ извѣстному Никону, сподвижнику преп. Ѳеодосія. Впрочемъ, Никонъ, точнѣе сказать, только продолжалъ «Древнѣйшій сводъ», внося въ послѣдній лишь очень незначительныя дополненія и передѣлки. Противъ признанія Никона продолжателемъ «Древнѣйшаго свода» едва-ли что можно возразить. Кто-нибудь да долженъ же былъ продолжать лѣтопись, и вполнѣ возможно, что Никонъ то или иное участіе въ этомъ «Продолженіи» принималъ. Если у насъ нѣтъ точныхъ доказательствъ для признанія такого участія, то нѣтъ данныхъ и для его отрицанія. Вопросъ можетъ быть только относительно предполагаемыхъ дополненій, сдѣланныхъ Никономъ въ «Древнѣйшій сводъ», да относительно составленія Сказаній о началѣ Печерскаго монастыря и о кончинѣ Ѳеодосія съ статьей о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ. Объ одной такой предполагаемой вставкѣ, а именно объ единоборствѣ Мстислава съ Редедею я уже говорилъ. Здѣсь можно остановиться лишь на слѣдующемъ.

1. Шахматовъ видитъ вставки Никона въ статьѣ о Лиственской битвѣ между Мстиславомъ и Ярославомъ (1024 г.), а также Никону приписываетъ всю похвалу Мстиславу подъ 1036 г. (Разыск., 425—6).

---

[1] См. Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1921 г., т XXVI.

Но я не вижу къ этому никакихъ основаній. Внутреннихъ противорѣчій въ самомъ текстѣ, которыя могли бы указывать на существованіе вставки, здѣсь не наблюдается, да авторъ на нихъ и не основывается. То и другое вполнѣ можно отнести и къ автору «Древнѣйшаго свода» по тѣмъ же самымъ основаніямъ, что и разсказъ объ единоборствѣ съ Редедею. Описаніе битвы отзывается современностью; подробности битвы, прежде всего, должны были стать извѣстны въ Кіевѣ отъ тѣхъ же дружинниковъ Мстислава, и, наоборотъ, мало вѣроятно, чтобы такія подробности сохранялись въ теченіе 40 лѣтъ въ Тмутороканѣ и чтобы они могли быть интересны для Никона. Точно такъ же и похвала Мстиславу свободно можетъ быть приписана тому же автору «Древнѣйшаго свода», а его портретъ «дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма очима» — прямо указываетъ на современника. Я не вижу также необходимости приписывать Никону и предложеніе Мстислава Ярославу раздѣлить русскую землю, такъ какъ не вижу, почему «предложеніе Мстислава не вяжется ни съ предыдущими ни съ послѣдующими событіями». Мстиславъ предложилъ Ярославу полюбовный раздѣлъ, но ясно, что этого не хотѣлъ Ярославъ, который и пробылъ годъ въ Новгородѣ, очевидно, собирая новую дружину, но дойдя до Городца, помирился съ Мстиславомъ; чего-либо противорѣчащаго здѣсь нѣтъ, и лѣтописецъ излагаетъ дѣло такъ, какъ оно въ дѣйствительности и могло происходить.

II. Не могу признать за Никонову вставку разсказъ объ избіеніи дружины Болеслава, доставившаго Кіевскій столъ Святополку Окаянному въ 1018 г. (Разыск., 439). Шахматовъ видитъ здѣсь несоотвѣтствіе дѣйствительности, но я такого несоотвѣтствія не вижу. То, что Болеславъ «побѣже изъ Кіева», нисколько не противорѣчитъ тому, что при этомъ «бѣгствѣ» онъ захватилъ и имѣніе и бояръ Ярославовыхъ, а также двухъ сестеръ Ярослава и еще множество плѣнныхъ. «Бѣжать» еще не значитъ бѣжать постыдно и съ страхомъ. Болеславъ услыхалъ, что его дружину по городамъ избиваютъ, и потому понялъ, что ему лучше всего уйти заблаговременно изъ Кіева, и онъ ушелъ, по выраженію современника — «бѣжалъ»; для русскаго лѣтописца онъ «бѣжалъ», хотя и захватилъ имѣніе и плѣнныхъ, а для Титмара Мерзебургскаго онъ торжественно возвратился въ Польшу: одно съ другимъ вполнѣ соединимо.

III. Не могу признать никакихъ вставокъ въ разсказѣ 1043 г. о неудачномъ походѣ Владиміра Ярославича на грековъ, кромѣ двухъ словъ «отцю Яневу» къ имени Вышаты, которыя могли быть сдѣланы непроизвольно позднѣйшимъ переписчикомъ лѣтописи. Нельзя придавать значенія фразѣ «всѣдъше (и варіанты) въ кораблѣ своѣ», которую лѣтописецъ, можетъ быть, написалъ, не давая себѣ яснаго отчета о ней. Все же повѣствованіе о походѣ настолько ясно и естественно, что нѣтъ никакой необходимости видѣть въ немъ какія-либо вставки.

IV. Особеннаго вниманія заслуживаетъ анализъ автора второй части статьи 1074 г., въ которой говорится о Печерскомъ монастырѣ и о нѣкоторыхъ прославившихся въ немъ черноризцахъ (Разыск., 447—50). Когда составленъ этотъ разсказъ? Авторъ утверждаетъ, что онъ составленъ въ 1072—1073 гг. еще при жизни Ѳеодосія и — Никономъ. Однако, съ этимъ согласиться нельзя и — по слѣдующимъ основаніямъ. а) Разсказъ нельзя начинать словами: «Стеѳану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосии»: этими словами долженъ оканчиваться предшествующій разсказъ объ успеніи Ѳеодосія. Издатели «Лѣтописи» поставили послѣ этихъ словъ запятую и присоединили къ нимъ, въ видѣ главнаго предложенія, слѣдующую фразу: «такы черньцѣ яко свѣтила в Руси сьяють», и такое неправильное чтеніе удерживается до сихъ поръ. Но заканчивать періодъ дательнымъ самостоятельнымъ довольно обычно въ лѣтописи: ср. конецъ статьи 1069 г. «посади в его мѣсто брата его Святополка, Всеславу же бѣжавшю»; b) при такомъ пониманіи нѣтъ нужды смотрѣть на слова «Стефану же предержащю манастырь», какъ на позднѣйшую вставку для оправданія современности всего разсказа Ѳеодосію; c) употребленіе настоящаго времени въ фразѣ «яко свѣтила в Руси сьяють» не будетъ указывать непремѣнно на современность: такъ говорится всегда про всѣхъ подвижниковъ, когда-либо сіявшихъ на Руси, такъ говорится про нихъ и теперь. Еще точнѣе говорится о тѣхъ же Печерскихъ подвижникахъ въ концѣ статьи: «Тацы ти быша черноризци Ѳеодосьева манастыря, иже сияють и по смерти яко свѣтила»; нѣтъ никакой нужды смотрѣть на слова «по смерти», какъ на позднѣйшую вставку. Если считать эти слова позднѣйшей вставкой, то придется признавать, что прошедшее время во всемъ

разсказѣ («ови бо бяху постніці» и т. д.) всюду поставлено позднѣйшимъ редакторомъ, вмѣсто первоначальнаго настоящаго времени; употребленіе въ Лавр. спискѣ причастій настоящаго времени «ядуще», «наказающе», «утѣшающе», при прошедшемъ времени глагола («ядяху», «наказаху») въ Ипатьевск., нисколько не говоритъ за первоначальность настоящаго времени, такъ какъ хорошо извѣстно, что причастіе настоящаго времени употреблялось и употребляется и при глаголѣ прошедшаго вр.; d) изъ всего этого слѣдуетъ, что весь разсказъ о началѣ Печерскаго монастыря и о четырехъ его подвижникахъ (Іереміи, Исаакіи, Матвѣѣ и Даміанѣ) составленъ не современникомъ Ѳеодосія и этихъ подвижниковъ, а много позднѣе, и, притомъ, не Никономъ, а кѣмъ-то другимъ, ибо въ разсказѣ о Матвѣѣ говорится о Никонѣ, какъ о третьемъ лицѣ, и далѣе — послѣ уже Никона, такъ какъ въ разсказѣ объ Исаакіи упомянутъ уже Никоновъ преемникъ игуменъ Іоаннъ; e) отсюда уже слѣдуетъ, что въ разсказахъ о Матвѣѣ и Исаакіи, въ которыхъ будто-бы есть непочтительныя выходки противъ Никона, нѣтъ никакихъ позднѣйшихъ вставокъ.

Такимъ образомъ, вся вторая половина статьи 1074 г., начиная со словъ «Такы черньцѣ яко свѣтила в Руси сьяють», въ которой сначала дается общая характеристика «блаженнаго стада» Ѳеодосьева монастыря, а затѣмъ даются краткіе очерки четырехъ подвижниковъ — вся эта часть представляетъ собой цѣльное повѣствованіе, безъ всякихъ позднѣйшихъ вставокъ, составленное уже послѣ Никона. Она должна быть, поэтому, отдѣляема отъ Сказанія объ успеніи Ѳеодосія, составленнаго, несомнѣнно, очевидцемъ, какъ уже отмѣтилъ и Шахматовъ. Конечно, это само по себѣ не исключаетъ возможности отождествленія очевидца успенія Ѳеодосія, его описавшаго, съ авторомъ сказанія о четырехъ Печерскихъ подвижникахъ. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы отрицать за Никономъ и авторство Сказанія объ успеніи Ѳеодосія и связаннаго съ нимъ Сказанія о началѣ Печерскаго монастыря. Разумѣется, въ этомъ невѣроятнаго ничего нѣтъ, такъ какъ и вообще роль Никона въ дѣлѣ составленія «Лѣтописи» только предположительна. Но вопросъ объ авторствѣ все-таки останется открытымъ. Имъ могъ быть и Несторъ, но въ такомъ случаѣ весь этотъ разсказъ долженъ отдѣляться отъ повѣствованій о началѣ Печерскаго монастыря и объ успеніи Ѳеодосія,

такъ какъ оба послѣднихъ повѣствованія принадлежать Нестору не могутъ.

V. Исторію проникновенія въ «Лѣтопись» (въ «Древнѣйшій сводъ») подъ 1051 годомъ повѣствованія о началѣ Печерскаго монастыря я представляю иначе, чѣмъ А. А. Шахматовъ (Разыск. 444—7). Въ «Древнѣйшемъ сводѣ» вся статья 1051 года читалась только — «Постави Ярославъ Ларіона митрополитомь Русина въ святѣи Соѳьи». Одному изъ позднѣйшихъ продолжателей «Древнѣйшаго свода» (можетъ быть, даже самому Нестору) было извѣстно повѣствованіе о началѣ Печерскаго монастыря, именно то, которое и читается въ «Лѣтописи», и въ которомъ упоминалось о пещеркѣ, выкопанной Иларіономъ, будущимъ митрополитомъ. Это обстоятельство и дало ему поводъ вставить повѣствованіе о началѣ Печерскаго монастыря, именно въ 1051 годъ, послѣ упоминанія объ Иларіонѣ. Онъ началъ повѣствованіе вводной отъ себя фразой «И се да скажемъ, чего ради прозвася Печерьскыи манастырь» и переписывалъ его буквально, безъ измѣненій, оставляя первое лицо автора повѣствованія («се же написахъ и положихъ») и оставивъ даже сказаніе о приходѣ автора въ монастырь и объ его постриженіи. Послѣ чего онъ опять добавилъ отъ себя — «А о Феодосьевѣ житьи паки скажемъ». Повѣствованіе было написано уже послѣ построенія новаго монастыря, какъ доказываютъ неоднократныя упоминанія о «ветхомъ» монастырѣ, слѣдов. послѣ 1073—4 гг., когда былъ построенъ новый монастырь (при Святославѣ, ср. Разыск., 445). Такъ какъ нѣтъ необходимости исходить изъ предположенія, что настоящая статья составлена Никономъ, то нѣтъ основанія и считать всѣ упоминанія о «ветхомъ» монастырѣ позднѣйшими вставками; наоборотъ, на основаніи упоминанія о «ветхомъ манастырѣ», должно заключать, что разсматриваемое повѣствованіе не принадлежитъ Никону.

А. А. Шахматовъ и не считаетъ, впрочемъ, Сказанія о началѣ Печерскаго монастыря принадлежащимъ Никону. Раньше, въ своей статьѣ «Житіе Антонія и Печерская лѣтопись» (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 3) имъ было предложено въ значительной степени иное объясненіе, нежели то, какое дано имъ въ «Разысканіяхъ». Поэтому, надо имѣть въ виду послѣднее его объясненіе. Авторъ считаетъ дошедшее до насъ лѣто-

писное Сказаніе уже вторичнымъ, переработкой со стороны редактора «Начальнаго свода» (1095 г.) изъ болѣе древней редакціи на основаніи недошедшаго до насъ «Житія Антонія». Основаніе этому онъ видитъ, во первыхъ, въ противорѣчіяхъ между лѣтописнымъ Сказаніемъ и Несторовымъ «Житіемъ Ѳеодосія», во-вторыхъ, — въ той тенденціозности, съ которой Сказаніе проводитъ мысль о роли *Святой Горы* въ основаніи Печерскаго монастыря, и, въ-третьихъ, — въ нѣкоторыхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ самаго текста Сказанія. Противъ нѣкоторыхъ соображеній автора и можно сдѣлать возраженія. Прежде всего, относительно несогласія лѣтописнаго Сказанія съ «Житіемъ Ѳеодосія» и тенденціозности въ роли Святой Горы, конечно, нужно согласиться съ авторомъ въ наличности того и другого. Но нужно ли видѣть въ томъ и другомъ слѣды позднѣйшей переработки и вліяніе «Житія Антонія?» И лѣтописное Сказаніе и Несторово «Житіе Ѳеодосія» передали на письмѣ то, что ходило первопачально въ устныхъ преданіяхъ. Но устныя сказанія объ одномъ и томъ же событіи могли быть различны, въ зависимости отъ того, въ какой средѣ они возникли. Примѣры такого различія наблюдаются всюду. И въ Печерскомъ монастырѣ среди монаховъ было разногласіе во взглядахъ на свое недавнее прошлое. Одни были наибольшими почитателями Антонія, другіе — Ѳеодосія; одни всю славу созданія своей обители приписывали Антонію, другіе — Ѳеодосію; одни слѣдов. говорили больше объ Антоніи, другіе — о Ѳеодосіи. Понятно, что тѣ и другія воспоминанія могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчить другъ другу, что, конечно, замѣчали и сами разсказчики, но каждый изъ нихъ считалъ свою версію истинной и вовсе не задавался мыслью сгладить противорѣчія. Эти устные разсказы ложились въ основаніе и письменныхъ изложеній, которыя являлись, вслѣдствіе этого, содержащими въ себѣ взаимныя противорѣчія. Послѣдующіе книжники переписывали тѣ и другія, также нисколько не стараясь сглаживать ихъ, даже иногда и не зная о существованіи противорѣчащаго сказанія. «Житіе Антонія», если таковое существовало, само основывалось на такихъ устныхъ сказаніяхъ, на которыхъ основано лѣтописное Сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, и потому, само по себѣ, нисколько не является необходимымъ видѣть въ лѣтописномъ Сказаніи позднѣйшую переработку

болѣе древняго подъ вліяніемъ неизвѣстнаго въ своемъ содержаніи «Житія Антонія» [1]. Нѣтъ, поэтому, основанія признавать вставками всѣ тѣ мѣста, которыя Шахматовъ приводитъ на стр. 267.

Къ этому я прибавлю еще слѣдующія замѣчанія:

а) Во фразѣ: «и вложи сему Богъ в сердце въ страну ити» скорѣе можно предполагать палеографическій пропускъ слова «ину» послѣ слова «страну», нежели сознательный пропускъ слова «Гречьску», въ виду де вставки изъ другого источника: въ оригиналѣ было «въ страну ину ити»: глазъ переписчика, вслѣдствіе одного и того же слога «ну», перескочилъ черезъ слово «ину».

b) Вопреки утвержденію автора, я полагаю, что нѣтъ основанія говорить о какомъ-то безымянномъ игуменѣ, при которомъ де основанъ Печерскій монастырь. Игуменъ здѣсь названъ, и утвержденіе объ отсутствіи его имени основывается на такомъ же неправильномъ чтеніи, какъ и въ статьѣ 1074 г. (см. выше), а именно, слова «Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови» должно относить не къ послѣдующему извѣстію объ основаніи Изяславомъ монастыря св. Дмитрія и о выведеніи на игуменство Варлаама, а къ предшествующему, т. е. слѣдуетъ читать такъ: «Есть же манастырь Печерскыи отъ благословенья Святыя Горы пошелъ, манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови». Тенденціозность тогда можетъ и остаться, но слѣды какой-то позднѣйшей передѣлки подъ вліяніемъ «Житія Антонія» исчезнутъ. Въ данномъ случаѣ авторъ лѣтописнаго Сказанія противорѣчитъ «Житію Ѳеодосія», по которому монастырь былъ основанъ Ѳеодосіемъ (въ 1062 году), но тутъ вина не его и не позднѣйшаго редактора (автора «Начальнаго свода»), а тѣхъ устныхъ преданій, кото-

[1] Самый вопросъ о противорѣчіяхъ между лѣтописнымъ Сказаніемъ и Несторовымъ «Житіемъ Ѳеодосія» требуетъ особаго разсмотрѣнія. Есть противорѣчія дѣйствительныя и кажущіяся Къ послѣднимъ относится вопросъ объ участіи Антонія въ постриженіи Печерскихъ черноризцевъ. Если по лѣтописн. Сказанію Антоній самъ постригалъ братію, а по «Житію Ѳеодосія» поручалъ дѣлать это Никону, то, вѣдь, мы не знаемъ, что разумѣлъ авторъ лѣтоп. Сказанія, когда говорилъ якобы о непосредственномъ постриженіи иноковъ Антоніемъ: онъ могъ разумѣть подъ этимъ и постриженіе въ собственномъ смыслѣ и простое благословеніе на постриженіе. Вѣрнѣе, впрочемъ, что авторъ Сказанія и не задавался вопросомъ о дѣйствительной роли Антонія.

рыя ходили около него и которымъ онъ и слѣдовалъ. Но игумена онъ назвалъ, не думая его скрывать, такъ какъ ему не было никакой нужды согласовывать разнорѣчивые источники.

с) Наибольшую трудность представляетъ объясненіе числа лѣтъ, проведенныхъ по лѣтописному Сказанію Антоніемъ въ пещерѣ, именно—40. Здѣсь какъ-будто можно предполагать вліяніе какого-то новаго источника, который авторъ Сказанія или, точнѣе, его передѣлыватель не сумѣлъ согласовать съ своимъ основнымъ источникомъ. Если видѣть въ этомъ новомъ источникѣ «Житіе Антонія», то, конечно, къ нему же можно будетъ относить и сказаніе Поликарпа о Моисеѣ Угринѣ и сказание 2-й Кассіановской редакціи Печерскаго Патерика о началѣ подвиговъ Антонія еще при кн. Владимирѣ. Но, въ виду сказаннаго выше, это былъ бы единственный случай близости лѣтописнаго Сказанія съ «Житіемъ Антонія» и, притомъ, случай не непосредственной близости, а результата особаго вычисленія редактора «Начальнаго свода» на основаніи хронологическихъ данныхъ «Житія». Все это возбуждаетъ сомнѣнія, и потому спрашивается, нѣтъ ли возможности объяснить эти 40 лѣтъ иначе? И объясненіе можетъ быть предложено палеографическое. Антоній умеръ въ 1072—1073 г., а затворился въ пещеру въ началѣ княженія Изяслава, что могло быть и въ 1054—1055 гг., т. е. пробылъ въ пещерѣ *около* двадцати лѣтъ, что авторъ Сказанія округлилъ въ цифру 20. Написанное первоначально буквами читалось «дъва десать» или «два десать»; случайный пропускъ слога «ва» далъ чтеніе «·д· десать», что слѣдующимъ писцомъ было поправлено въ «·$\overline{\text{д}}$· десять» т. е. «четыредесать» и позднѣе—просто ·$\overline{\text{м}}$· Такъ явилась цифра 40.

Итакъ, «Сказаніе о началѣ Печерскаго» монастыря должно быть считаемо принадлежащимъ одному автору и не носящимъ слѣдов. признаковъ позднѣйшей переработки. Оно составлено тѣмъ, кто 17-ти лѣтъ прибылъ въ монастырь и былъ постриженъ Ѳеодосіемъ, и составлено, конечно, послѣ смерти Антонія т. е. послѣ 1073 года, а когда оно было вставлено въ «Лѣтопись»—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ тѣмъ лицомъ, который разсказалъ подъ 1074 годомъ объ успеніи Ѳеодосія.

Остается «Начальный сводъ», о которомъ А. А. Шахматовъ неодно-

кратно говоритъ въ «Разысканіяхъ» и которому онъ обѣщалъ посвятить особое изслѣдованіе, именно — второй томъ своей «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Свой взглядъ на предполагаемый имъ «Начальный сводъ» онъ резюмировалъ въ «Разысканіяхъ» (стр. 531 — 2) такъ: «Около 1095 года былъ составленъ Второй Кіевопечерскій сводъ, который мы называемъ Начальнымъ сводомъ. Этотъ можно признать первымъ общерусскимъ сводомъ, ибо составитель задался цѣлью соединить съ текстомъ Перваго Кіевопечерскаго свода, обосложненнаго лѣтописью, слѣдовательно съ Кіевскимъ лѣтописаніемъ, лѣтописаніе, во первыхъ, новгородское, насколько оно выразилось въ Древнемъ Новгородскомъ сводѣ съ примкнувшей къ нему владычней лѣтописью, во-вторыхъ, черниговское (ср. извѣстіе 1068 г.), въ-третьихъ, лѣтописаніе другихъ монастырей (напр. Выдубицкаго) и городовъ. Пользованіе греческимъ хронографомъ, Паримійникомъ, Житіемъ Антонія и др. памятниками увеличило объемъ и интересъ къ новому своду; этимъ обезпечено было за кіевопечерскимъ лѣтописаніемъ общерусское значеніе и общерусскій характеръ. Начальный сводъ легъ въ основаніе Повѣсти врем. лѣтъ, источника и основанія всѣхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ». — Во введеніи къ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» т. I. авторъ кратко коснулся и «Начальнаго свода». Основываясь на извѣстномъ Предисловіи, читаемомъ въ спискахъ Новгородской 1-й Лѣтописи младшаго извода и относимомъ имъ къ концу XI вѣка, авторъ говоритъ такъ: «Изъ того же Предисловія видно, что составитель свода имѣлъ поводъ быть недовольнымъ мѣстнымъ княземъ и его дружиной: онъ обличаетъ ихъ неправосудіе и корыстолюбіе; думаю, что именно такъ сказалъ бы о князѣ Святополкѣ и объ его мужахъ игуменъ Печерскій Іоаннъ въ серединѣ девяностыхъ годовъ XI столѣтія, когда еще не наладились отношенія святой обители съ новымъ Кіевскимъ великимъ княземъ. Въ виду этого, предполагаю, что Начальный сводъ составленъ около 1095 года и доведенъ до благочестивыхъ разсужденій по поводу двухъ пораженій, нанесенныхъ Половцами русскимъ князьямъ у Треполя и на Желани въ маѣ и іюлѣ 1093 года» (XXIII).

Въ виду того, что въ указанныхъ обѣихъ работахъ не выяснено отношеніе «Начальнаго свода» къ Несторовой «Повѣсти врем. лѣтъ», и я не буду касаться его состава. Но изъ всего того, что я сказалъ о

составѣ «Древнѣйшаго свода», слѣдуетъ, что я во многомъ не могу согласиться съ авторомъ и относительно возстановленія имъ «Начальнаго свода». Я готовъ признать составленіе въ 1093—5 гг. какого-то лѣтописнаго свода, но на томъ лишь основаніи, что лѣтопись, ведущая свое начало отъ «Древнѣйшаго свода» 50-хъ годовъ XI в. (по Шахматову 1037—9 гг.) постоянно продолжалась и притомъ не погодно (хотя, можетъ быть, бывали и ежегодныя приписки), но черезъ извѣстные промежутки времени, и однимъ изъ такихъ продолженій и могло быть продолженіе 90-хъ годовъ XI вѣка. Но изъ того объясненія, которое выше дано мною «Древнѣйшему своду», само собой вытекаетъ, что я не могу согласиться съ основнымъ положеніемъ Шахматова, а именно съ тѣмъ, что «Начальный сводъ» представляетъ собой соединеніе двухъ сводовъ—«Древнѣйшаго» (т. е. Кіевскаго) и Новгородскаго,—изъ коихъ послѣдній восходитъ, по утвержденію автора, къ тому же «Древнѣйшему своду». Я, наоборотъ, заключаю, что, если и былъ какой-либо сводъ 90-хъ годовъ XI в., то это не былъ въ собственномъ смыслѣ «сводъ», а простое продолженіе старой лѣтописи, прошедшей, быть можетъ, и черезъ руки Никона. Самъ «Древнѣйшій сводъ», какъ былъ составленъ въ 50-хъ годахъ, такъ и продолжалъ переписываться безъ всякихъ вставокъ; всѣ Новгородскія свѣдѣнія въ немъ уже были, и однимъ словомъ, онъ имѣлъ тотъ видъ, который имѣется теперь въ спискахъ Лаврент.—Ипатьевскомъ. Слѣдов., автору «Начальнаго свода» не изъ-чего было и составлять свой сводъ. Точно также я не могу согласиться съ утвержденіемъ пользованія со стороны автора «Начальнаго свода» «Житіемъ Антонія»: я выше старался показать, что такого пользованія не было, и самая мысль о немъ основывается на неправильномъ пониманіи текста статей, относящихся къ исторіи Печерскаго монастыря. То же должно сказать и о пользованіи «греческимъ хронографомъ», которое относится, какъ выше указано, къ «Древнѣйшему своду». Однимъ словомъ, заключеніе будетъ то, что «Начальнаго свода» въ томъ видѣ, въ какомъ его изображаетъ А. А. Шахматовъ, не существовало. «Предисловіе», читаемое въ Новгородской 1-й Лѣтописи, по своему содержанію можетъ относиться къ 90-мъ годамъ, т. е. ко времени вокняженія Святополка, но чтобы оно возглавляло непремѣнно «Началь-

ный, сводъ» а потомъ, при составленіи «Повѣсти временныхъ лѣтъ», было выброшено, сохранившись почему-то въ Новгородской 1-й Лѣтописи, которая, такимъ образомъ восходитъ частію къ «Древнѣйшему своду», частію къ «Начальному своду», частію къ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» — для всего этого у насъ нѣтъ осязательныхъ доказательствъ.

Теперь предстоитъ сдѣлать обозрѣніе редакцій въ собственномъ смыслѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

VI.

Вопросъ о редакціяхъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» впервые былъ выдвинутъ А. А. Шахматовымъ. Изслѣдователями Лѣтописи давно уже было указано, что та «Повѣсть вр. лѣтъ», которая читается въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и Академическомъ, имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ той «Повѣсти», которая читается въ спискахъ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ. Въ первыхъ спискахъ «Повѣсть» оканчивается на началѣ благочестивыхъ размышленій по поводу явленія 11 февр. 1110 г. огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ, послѣ чего слѣдуетъ извѣстная запись Сильвестра, говорящая, что онъ написалъ «книгы си Лѣтописець» въ 1116 году; въ другихъ спискахъ благочестивыя размышленія продолжаются, а подъ 1111 г. разсказывается о походѣ русскихъ князей противъ Половцевъ, при чемъ самый походъ ставится въ связь съ явленіемъ упомянутаго огненнаго столпа. Съ этого момента списки Лаврентьевскій (и сходные) и Ипатьевскій (и сходные) между собой расходятся, и въ Лаврентьевскомъ идетъ лѣтопись «Суздальская», а въ Ипатьевскомъ — «Кіевская». Такимъ образомъ, «Повѣсть временныхъ лѣтъ» разсматривалась какъ нѣчто цѣльное, какъ особое произведеніе, составленное въ началѣ XII вѣка, и изслѣдователи занимались лишь рѣшеніемъ вопроса, какую роль надо отвести Сильвестру — былъ ли онъ только переписчикомъ предшествующаго труда, въ данномъ случаѣ — Несторова, или редакторомъ — передѣлывателемъ, или, наконецъ, настоящимъ авторомъ «Повѣсти». Съ этимъ связывался и вопросъ о Несторѣ, а также и о Василіи, который говоритъ о себѣ въ разсказѣ объ ослѣпленіи Василька.

А. А. Шахматовъ уже въ первыхъ своихъ статьяхъ, посвященныхъ древне-русской Лѣтописи, выдвинулъ положеніе о двухъ редакціяхъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», положеніе, которое имъ настойчиво проводилось во всѣхъ его послѣдующихъ работахъ и, наконецъ, завершилось обстоятельнымъ изложеніемъ доказательствъ во Введеніи въ его трудѣ, вышедшемъ въ 1916 г. подъ заглавіемъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», томъ I. Эта его теорія о нѣсколькихъ редакціяхъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» въ его статьяхъ по лѣтописнымъ вопросамъ претерпѣвала нѣкоторыя частичныя видоизмѣненія, но въ общемъ онъ оставался ей вѣренъ до конца, какъ показываетъ только что упомянутая его работа.

Въ своей статьѣ «Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г. № 4) Шахматовъ впервые высказалъ, что «Повѣсть вр. лѣтъ» была извѣстна въ двухъ редакціяхъ: первая составлена въ 1116 г., вторая — въ 1118. Сходство списковъ первой редакціи (Лаврентьевскій и сход.) и второй (Ипатьевскій и сход.) объясняется ихъ взаимнымъ вліяніемъ. Лаврентьевскій и сход. — это списки первой редакціи, подвергшіеся вліянію списковъ второй редакціи; Ипатьевскій и сход. — это списки второй редакціи, подвергшіеся вліянію списковъ первой редакціи. Въ томъ же 1897 г. въ Ж. М. Н. Пр. № 10 напечатана была Шахматовымъ спеціальная статья «Древнѣйшія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ». Статьи не окончена, а потому осталось не развитымъ то положеніе, которое авторъ высказалъ на стр. 257: «Составитель Суздальскаго свода . . . помѣстилъ въ началѣ своего свода Повѣсть временныхъ лѣтъ второй редакціи. Изслѣдованіе о составѣ этой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ должно ближайшимъ образомъ исходить изъ изслѣдованія о составѣ Суздальскаго свода XIII вѣка». Этому изслѣдованію предполагалось посвятить II главу, но она не была написана. Въ обѣихъ статьяхъ первая редакція «Повѣсти» называется Сильвестровской, но его авторство рѣзко еще не выставлено. Но уже въ слѣдующей статьѣ «Житіе Антонія и Печерская Лѣтопись», напечатанной въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1898 г. № 3, первая редакція разсматривается, какъ трудъ Сильвестра. О Несторѣ, какъ объ авторѣ «Повѣсти», нѣтъ пока и рѣчи. Нестору приписываются лишь Сказанія о началѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи мощей Ѳеодосія, вошедшія въ

составъ особой Печерской Лѣтописи, которою и воспользовался Сильвестръ, внеся въ нее свои измѣненія. Эти мысли повторяли то, что годомъ раньше, въ 1897 г., авторъ высказалъ въ статьѣ «Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская Лѣтопись» (Изв. Отд. русск. яз., т. II, кн. 3), гдѣ онъ сказалъ, что Печерская Лѣтопись едва ли велась Несторомъ, но ея составитель воспользовался Несторовыми сказаніями о началѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи мощей Ѳеодосія, которыя были вписаны, повидимому, въ Печерскую Лѣтопись съ именемъ ихъ автора, что и было причиной, почему сначала за Печерской Лѣтописью, а потомъ и за Повѣстью временныхъ лѣтъ утвердилось названіе Несторовыхъ (стр. 827). Этой Печерской Лѣтописью въ изводѣ, доведенномъ до 1110 г., «воспользовался первый редакторъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, игуменъ Сильвестръ» (стр. 835). То же повторено и въ рецензіи на статью Е. Н. Щепкина «Zur Nestorfrage», напечатанную въ XIX т. Archiv'a Ягича; рецензія помѣщена въ Изв. Отд. русск. яз. и слов., т. III, кн. 1 (1898 г.), гдѣ также категорически сказано, что первая редакція Повѣсти составлена Сильвестромъ въ 1116 г., но доведена только до 1110 г. т. е. до того года, до котораго доходила Печерская Лѣтопись (стр. 14 отд. отт.).

Въ 1902 г. въ «Изслѣдованіе о Радзивиловской или Кенигсбергской Лѣтописи» Шахматовъ внесъ нѣкоторыя подробности въ соотношенія установленныхъ имъ въ прежнихъ статьяхъ редакцій «Повѣсти». Сильвестровская редакція здѣсь называется имъ Кіевской, а редакція 1118 года — Переяславльской (Переяславля южнаго) по мѣсту своего составленія. Составленіе послѣдней именно въ Переяславлѣ авторъ ставитъ въ связь съ поставленіемъ Сильвестра въ епископы Переяславльскіе въ началѣ 1118 года: съ нимъ могъ прибыть туда и его трудъ, подвергшійся новой редакціи со стороны кого-нибудь изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ. Послѣднему принадлежатъ разсужденія объ явленіи ангеловъ, разсказъ о событіяхъ 1111—1117 гг. и разсказъ подъ 1096 г. Гюряты Роговича; въ Лаврентьевскую лѣтопись послѣдній разсказъ и начало разсужденій объ ангелахъ попали изъ общерусскаго свода начала XIV вѣка, куда они были занесены изъ Владимірской лѣтописи позднѣйшей редакціи (1192 г.), гдѣ они восходили именно къ Переяславльской

(южнаго Переяславля) редакціи «Повѣсти» т. е. ко второй редакціи 1118 г.

Въ 1908 г. Шахматовъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. т. XIII, кн. 1, статью «Предисловіе къ Начальному Кіевскому своду и Несторова лѣтопись», гдѣ дана новая постановка вопроса. Здѣсь впервые было констатировано существованіе особаго свода, который въ дальнѣйшихъ работахъ Шахматова называется обыкновенно «Начальнымъ сводомъ» (въ «Разысканіяхъ» онъ называется еще и «вторымъ Кіевскимъ сводомъ»). «Начальный сводъ» составленъ былъ въ 1093—96 годахъ, былъ доведенъ до 1093 г. и оканчивался благочестивыми разсужденіями. Составленъ онъ былъ въ Печерскомъ монастырѣ. Этотъ Начальный сводъ и былъ переработанъ и продолженъ Несторомъ, работавшимъ послѣ 1112 года; вѣроятно, онъ довелъ свой сводъ до смерти Святополка (1113 г.). Въ первоначальномъ своемъ видѣ Несторова лѣтопись до насъ не дошла, и нельзя сказать, внесъ ли какія-либо измѣненія Несторъ въ сводъ 1093 года. Несторова лѣтопись еще до 1116 г. подверглась переработкѣ со стороны нѣкоего Василія. Какъ отнесся Василій къ Несторову тексту на всемъ вообще его протяженіи, не ясно, но напр. подъ 1096 г. онъ сильно сокращалъ Нестора. Въ 1116 г. Несторову лѣтопись переработалъ Сильвестръ. Въ части послѣ 1093 г. онъ опустилъ все, что относилось къ Печерскому монастырю, а съ своей стороны комбинировалъ Несторову лѣтопись съ Василіевой, а можетъ быть, привлекъ и другую лѣтопись, напр. лѣтопись Выдубицкаго монастыря. Довелъ онъ свой трудъ до 1110 года. Сильвестровская редакція Повѣсти не дошла въ первоначальномъ видѣ. Въ 1117 г. она подверглась переработкѣ и дополненіямъ тѣмъ лицомъ, который говоритъ о себѣ подъ 1096 г., приводя свой діалогъ съ Гюрятой Новгородцемъ, и подъ 1114 г., сообщая о своемъ посѣщеніи Ладоги. Ему же принадлежитъ изложеніе событій 1111—1117 годовъ и составленіе комментарія къ явленію огненнаго столпа. Возможно, что для событій 1111 и слѣд. годовъ составитель второй редакціи воспользовался и Несторовою лѣтописью.

Итакъ, здѣсь является уже Несторъ, какъ авторъ первоначальной, до насъ недошедшей редакціи «Повѣсти временныхъ лѣтъ», и сама «Повѣсть» выступаетъ собственно въ четырехъ редакціяхъ: 1) Несторовой

(до 1113 г.), 2) Васильевой, 3) Сильвестровской (до 1111 г.) и 4) 1117—1118 гг. Дошедшіе до насъ списки Повѣсти и здѣсь представляются комбинаціями, въ которыхъ текстъ Сильвестровской компиляціи соединенъ съ текстомъ редакціи 1117—1118 гг. (второй). Эти же мысли изложены авторомъ (очень кратко) въ появившемся въ томъ же 1898 г. большомъ его трудѣ «Разысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ» (стр. 2). Тѣ же мысли были изложены имъ въ статьѣ 1912 г. «Привіт Іванови Франкови», съ нѣкоторыми отмѣнами и съ болѣе подробнымъ обоснованіемъ авторства Нестора и съ характеристикой его работы. Несторъ составилъ свой трудъ въ 1110 г. (не въ 1113), положивъ въ основаніе Кіево-печерскій лѣтописный сводъ 1093—1096 годовъ, дополнивъ его и переработавъ по многочисленнымъ источникамъ— *первая* редакція «Повѣсти». Въ 1116 г. Несторова «Повѣсть» была переписана Сильвестромъ, кое-что изъ нее выпустившимъ — *вторая* редакція — но она продолжала сохраняться въ своемъ первоначальномъ видѣ въ Печерскомъ монастырѣ и въ этомъ видѣ (болѣе полномъ, чѣмъ Сильвестровская ред.) была использована въ началѣ XIII в. Поликарпомъ. Сильвестровскій сводъ, ставъ тотчасъ же извѣстнымъ въ Перемышлѣ, побудилъ Василія составить описаніе ослѣпленія Василька и событій 1097—1099 годовъ. Въ 1118 г. Несторова Лѣтопись (не Сильвестровская) подверглась новой переработкѣ въ Печерскомъ монастырѣ (не въ Переяславлѣ), въ которую былъ включенъ и разсказъ Василія — *третья* редакція.

Подробное обоснованіе существованія *трехъ* редакцій «Повѣсти», съ ихъ характеристикой, было дано Шахматовымъ въ его упомянутомъ послѣднемъ трудѣ, вышедшемъ въ 1916 году, «Повѣсть временныхъ лѣтъ» т. I. Новаго здѣсь уже ничего не дано, мысли уже всѣ высказанныя раньше, только нѣкоторыя положенія слегка видоизмѣнены и иначе комбинированы. Выводы формулированы авторомъ слѣдующимъ образомъ: 1) Основная или *первая* редакція Повѣсти вр. лѣтъ составлена въ Кіево-печерскомъ монастырѣ Несторомъ въ 1112 году, въ духѣ, благожелательномъ къ Святополку; 2) Въ 1113—1116 годахъ она стала извѣстна въ Перемышлѣ или въ Теребовлѣ, гдѣ Василій переписалъ и сократилъ ее, но внесъ въ нее свой разсказъ о событіяхъ 1097—1099 го-

довъ; слѣдовательно, у Василія была редакція не Сильвестровская, а Несторовская; 3) въ 1116 г. основная Несторова редакція была переработана Сильвестромъ, гдѣ личность Святополка была отодвинута въ тѣнь и выдвинута личность Владиміра Мономаха; Сильвестръ воспользовался и лѣтописью Василія для событій 1097—1100 годовъ (не авторъ редакціи 1118 года); это — *вторая* редакція «Повѣсти»; 4) въ 1118 г. въ Кіевопечерскомъ монастырѣ былъ составленъ новый лѣтописный сводъ духовникомъ Мстислава Владиміровича, только-что переселившимся изъ Новгорода въ Кіевскую область; въ основаніе была положена Сильвестровская редакція, не Несторова, которая оказалась утраченною; авторъ продолжилъ до статьи 1117 г., вписавъ въ конецъ свода Мономахово «Поученіе»; такъ явилась *третья* редакція (стр. XVI). Къ этому должно добавить, что авторъ, указывая, какъ на причину пользованія редакціей 1118 г. редакціи Сильвестровской, а не Несторовой, то, что послѣдняя была утрачена, однако, и здѣсь предполагаетъ, что въ распоряженіи Поликарпа находилась именно Несторова редакція «Повѣсти» (стр. XII—XV). Въ частности можно замѣтить, что измѣненіе взглядовъ автора на соотношеніе Васильевой обработки къ остальнымъ редакціямъ «Повѣсти» произошло уже во время печатанія «введенія», а въ текстѣ, напечатанномъ раньше «введенія», Васильево сказаніе отнесено къ третьей редакціи, какъ само основывавшееся на второй, а не на Несторовой.

Прежде, чѣмъ приступить къ разбору доказательствъ существованія трехъ редакцій «Повѣсти», слѣдуетъ условиться, что должно понимать подъ терминомъ «редакція». Въ настоящее время можно считать установленнымъ, что подъ терминомъ «редакція» должно считать такую переработку памятника, которая имѣетъ характеръ опредѣленной литературной работы. Простые, напр. случайные пропуски, сдѣланные переписчикомъ, или такія же дополненія, источникомъ которыхъ былъ лишь обычный взглядъ древне-русскихъ книжниковъ на каждый памятникъ, какъ на общую собственность, и помѣщеніе которыхъ не имѣло особенной цѣли — такіе пропуски и дополненія не даютъ права на примѣненіе къ памятнику названія «редакціи». Это особенно надо имѣть въ виду относительно Лѣтописи. Лѣтопись, по самому своему характеру, постоянно подвергалась дополненіямъ и, если основываться на этихъ дополне-

ніяхъ, то можно возстановить неизмѣримое количество редакцій. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» имѣетъ особенную судьбу. Въ ученой литературѣ «Повѣстью временныхъ лѣтъ» принято называть опредѣленный памятникъ — лѣтописный сводъ, оканчивающійся 1110 годомъ. Но всѣми изслѣдователями признавалось, что въ такомъ именно видѣ «Повѣсть» не была составлена въ одинъ опредѣленный моментъ т. е. въ началѣ XII вѣка, но были своды и предшествующіе, а сколько и какіе — въ этомъ изслѣдователи не сходились между собой. По названіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ» этимъ предшествующимъ сводамъ не присвоивалось, какъ не присвоиваетъ ихъ имъ и Шахматовъ, называя ихъ то «Древнѣйшимъ сводомъ», то «Начальнымъ сводомъ». Слѣдовательно, принимается, что и заглавіе «Се Повѣсть временныхъ лѣтъ» и т. д. возникло лишь въ началѣ 12 вѣка и сочинено Несторомъ, если онъ былъ ея авторомъ, или Сильвестромъ, если авторомъ ея долженъ считаться послѣдній. Конечно, это есть вопросъ, который не можетъ считаться рѣшеннымъ, и утвержденіе, что все теперешнее заглавіе «Повѣсти», которое читается напр. въ спискѣ Лаврентьевскомъ, въ такомъ же точно видѣ читалось и надъ предшествующими сводами — будутъ ли это «Начальный» или «Древнѣйшій» — такое утвержденіе, если не и можетъ быть документально доказано, то, съ другой стороны, не можетъ быть документально и опровергнуто. Оно не можетъ быть отвергнуто и на основаніи содержанія. Какіе бы предшествующіе своды мы ни брали — 1039 г., 1054, 1074, 1096 — все это будутъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Поэтому, исходя изъ указаннаго положенія дѣла и имѣя въ виду даже одни продолженія каждаго свода, не касаясь внутренней переработки, можно бы сводъ 1039 (или 1054) г. называть первой редакціей «Повѣсти временныхъ лѣтъ», сводъ 1074 г. — второй, сводъ 1096 г. — третьей, Несторовъ трудъ — четвертой, Сильвестровъ — пятой и т. д. Но въ ученой литературѣ названіе «Повѣсти врем. лѣтъ» присвоено лѣтописному своду въ объемѣ до 1110 г. включительно (Сильвестровъ трудъ), во-первыхъ потому, что предшествующихъ сводовъ мы не имѣемъ, и они только мысленно возстанавливаются [1], а во вторыхъ, потому, что,

[1] Впрочемъ, Шахматовъ и Несторовъ видъ «Повѣсти» также «возстановляетъ», такъ какъ Сильвестровскій трудъ считаетъ уже редакторскимъ тру-

благодаря, конечно, случайности, «Повѣсть» въ объемѣ до 1110 года является какъ бы застывшей, какъ бы особымъ памятникомъ, ибо она въ одинаковомъ (почти) видѣ составляетъ начало лѣтописанія и Кіевскаго и Суздальскаго: отличія между собой того и другого, какъ выше сказано, начинаются только съ окончанія стереотипной «Повѣсти», т. е. съ 1111 г.

Шахматовъ называетъ трудъ Нестора первой редакціей «Повѣсти», и по тому, какъ онъ представляетъ ея составъ, она, дѣйствительно, должна считаться «редакціей», если даже будемъ исходить изъ того взгляда, что и предшествующій сводъ былъ уже «Повѣстью временныхъ лѣтъ». Шахматовъ изображаетъ трудъ Нестора такимъ образомъ. Въ основаніе своего труда Несторъ положилъ «Начальный сводъ» 1096 г., но переработалъ и дополнилъ его по многочисленнымъ источникамъ, въ числѣ которыхъ были: 1) Хроника Амартола, 2) Хронографъ типа Еллинскаго Лѣтописца, 3) Никифоровъ Лѣтописецъ, 4) Житіе Василія Новаго, 5) Откровеніе Меѳодія Патарскаго, 6) Сказаніе объ обрѣтеніи грамоты славянской, 7) Легенда объ Апостолѣ Андреѣ, 8) Договоры съ Греками, 9) нѣкоторыя народныя преданія. Извѣстія 1094—1111 годовъ разсказаны Несторомъ частію по личнымъ наблюденіямъ, частію по устнымъ сообщеніямъ. Событія послѣдняго періода были написаны въ благопріятномъ для Святополка Изяславича духѣ. Что касается работы Сильвестра, то здѣсь можетъ быть вопросъ о цѣлесообразности названія его труда особой «редакціей». Авторъ говоритъ, что Сильвестръ, «можно думать, ограничилъ свою работу редакціонными поправками: онъ устранилъ изъ Несторовой Лѣтописи все то, что могло быть непріятно новому князю (т. е. Мономаху), и вставилъ въ свой сводъ нѣсколько статей, благопріятныхъ послѣднему» (XXVII). Въ числѣ источниковъ Сильвестровской редакціи была Галицкая лѣтопись попа Василія, откуда Сильвестръ взялъ описаніе ослѣпленія Василька. Слѣдовательно, «редакціонныя поправки» Сильвестра касались только самаго послѣдняго времени. Еще менѣе, по словамъ автора, сдѣлалъ редакторъ «Повѣсти» 1118 года: онъ продолжилъ ее съ 1111 года, но въ предшествующую, Сильвестровскую редакцію внесъ лишь нѣсколько дополненій, преиму-

домъ, т. е. 2-й редакціей (1-я Несторова): заглавіе «Повѣсти» онъ относитъ Нестору.

щественно имѣвшихъ то или иное отношеніе къ Владиміру Мономаху, и вписалъ его «Поученіе». Такимъ образомъ, работа послѣдняго редактора не носитъ на себѣ слѣдовъ той работы, за которой обыкновенно и усвояется названіе работы «редакціонной». Никакой внутренней переработки и никакой преднамѣренности въ этой перепискѣ предшествующаго труда не указывается, да ея, какъ видимъ, и не было: ничтожныя добавленія не имѣютъ характера литературной работы, а дополненія 1111—1117 гг., на основаніи вышеприведенныхъ соображеній, какъ обычное продолженіе всякаго лѣтописнаго свода, не могутъ давать основаній для термина «редакція». Слѣдовательно, исходя изъ представленія о «редакціи», какъ о литературной обработкѣ, по существу мы не должны бы называть лѣтописный сводъ 1118 г., если бы таковой и существовалъ, особой редакціей «Повѣсти временныхъ лѣтъ»

Одно изъ доказательствъ Шахматова въ пользу существованія редакціи «Повѣсти» 1118 г. основывается на сообщеніяхъ, съ одной стороны, списковъ Л. Р. А. И. Х. подъ 1096 г. объ извѣстіи, которое слышалъ лѣтописецъ отъ новгородца Гюряты Роговича о сѣверныхъ странахъ, гдѣ живутъ Югра и Самоядь, и съ другой — на сообщеніи И. Х. о томъ, что лѣтописецъ при посѣщеніи Ладоги слышалъ отъ ладожанъ о каменномъ дождѣ, выпадающемъ близъ Ладоги, а также о сѣверныхъ странахъ, лежащихъ за Югрою и Самоядью. Разсказъ Гюряты новгородца лѣтописецъ слышалъ за *четыре* года передъ этимъ, т. е. — передъ написаніемъ лѣтописи, а посѣщеніе Ладоги записано подъ 1114 г. Шахматовъ говоритъ, что внутренняя связь между обѣими статьями очевидна, а потому онъ принимаетъ, что обѣ статьи писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, который работалъ, слѣд., въ 1118 г. и который продолжалъ Сильвестровскую лѣтопись послѣ 1110 года. Этотъ лѣтописецъ въ 1114 г. посѣтилъ Ладогу и Новгородъ и тамъ и тутъ слышалъ упомянутые разсказы.

Противъ этого можно сдѣлать такія возраженія:

1) Внутренней связи между упомянутыми извѣстіями нѣтъ никакой; единственная связь — это упоминаніе въ томъ и другомъ Югры и Самояди, что̀ нисколько не удивительно: и въ Ладогѣ и въ Новгородѣ одинаково хорошо знали и Югру и Самоядь. Самые же разсказы совер-

шенно различны: одинъ говоритъ о каменномъ дождѣ, другой — о народахъ. Не можетъ считаться необходимой связью обоихъ разсказовъ и то, что оба подтверждаются выписками изъ письменныхъ источниковъ: въ лѣтописи неоднократно встрѣчаются такія подтвержденія, и оба автора могли, каждый самъ по себѣ, сдѣлать по такому добавленію.

2) Нѣтъ необходимости отождествлять обоихъ лѣтописцевъ, и ни откуда не слѣдуетъ, чтобы лѣтописецъ 1096 г. былъ въ Новгородѣ: онъ слышалъ разсказъ новгородца Гюряты, но онъ могъ его слышать и въ Кіевѣ; если сравнивать это извѣстіе съ сообщеніемъ 1114 г., то скорѣе слѣдуетъ думать именно такъ: лѣтописецъ 1114 г. подчеркиваетъ, что онъ былъ въ Ладогѣ, и ссылается на всѣхъ ладожанъ, а лѣтописецъ 1096 г. просто говоритъ, что онъ слышалъ приводимое имъ извѣстіе отъ новгородца.

Слѣдов., изъ упомянутыхъ сообщеній нельзя выводить заключеніе о составленіи редакціи «Повѣсти» въ 1118 году.

Слѣдующимъ доказательствомъ существованія редакціи «Повѣсти» 1118 г. является для Шахматова «Поученіе» Владиміра Мономаха, заканчивающаго перечисленіе своихъ походовъ на 1117 г., на походѣ противъ Ярослава Святополковича. Ходъ мыслей автора слѣдующій: 1) «Поученіе» В. М. внесено въ Лѣтопись изъ того же источника, что и бесѣда лѣтописца съ новгородцемъ Гюрятой подъ 1096 г.; 2) это сообщеніе восходитъ (согласно предыдущему) ко 2-й ред. «Повѣсти вр. лѣтъ»; 3) то, что «Поученіе» оканчивается 1117 г., можетъ быть поставлено въ связь съ тѣмъ, что 2-я ред. «Повѣсти» составилась около этого года.

Но первыя два положенія, какъ видѣли, никакъ не могутъ считаться доказанными и сами по себѣ не вызываются никакими причинами, ни логическими ни психологическими; слѣдов., они не могутъ служить и основаніемъ для послѣдующихъ выводовъ. Особенно это должно сказать о первомъ положеніи: общность источника основывается на томъ, что оба извѣстія читаются подъ однимъ годомъ. Но это не доказательство; они могли попасть подъ этотъ годъ вмѣстѣ и изъ разныхъ источниковъ по разнымъ причинамъ. Разсказъ Гюряты лѣтописецъ помѣстилъ подъ 1096 г. потому, что онъ сблизилъ сообщеніе Гюряты о народахъ за

Югрой и Самоядью съ народами, запертыми Александромъ Македонскимъ, о чемъ повѣствуетъ Меѳодій Патарскій; но, по мнѣнію лѣтописца, тотъ же Меѳодій Патарскій говоритъ и о Половцахъ, о нашествіи которыхъ лѣтописецъ писалъ подъ 1096 г.: послѣднее обстоятельство и дало ему основаніе припомнить и бесѣду его съ Гюрятой.

Что касается заманчиваго совпаденія послѣдняго года «Поученія» (1117) съ предполагаемымъ годомъ 2-й ред. «Повѣсти» (1118), то здѣсь надо опредѣлить, почему «Поученіе» оканчивалось 1117 годомъ. По Шахматову выходитъ, что оно и окончено 1117 годомъ потому, что въ 1118 г. попало въ лѣтопись: выходитъ, какъ будто, что Владиміръ Мономахъ самъ далъ въ 1118 году редактору «Повѣсти» свое «Поученіе» для помѣщенія его въ «Повѣсти». Но, конечно, послѣднее ничѣмъ не можетъ быть доказано, да и само по себѣ невѣроятно. Вся исторія «Поученія» и помѣщеніе его именно въ Лаврентьевскомъ спискѣ и именно подъ 1096 годомъ должно быть представлено иначе, чѣмъ обыкновенно все это изображается, а именно такъ:

Владиміръ Мономахъ написалъ свое «Поученіе» въ годъ своей смерти т. е. въ 1125 г., какъ завѣщаніе, въ которомъ хотѣлъ разсказать о своихъ путяхъ и ловахъ въ теченіе 53 лѣтъ, начиная съ 1072 г., которымъ онъ помѣтилъ свой первый походъ. Впослѣдствіи цифра н҃г (53) испорчена была въ цифру і҃г т. е. въ 13, каковая цифра и остается необъяснимой. Источникомъ для перечня походовъ служила памятная книжка Мономаха, въ родѣ дневника, въ который авторъ вписывалъ по окончаніи года свои походы. Перечень походовъ оканчивается 1117 годомъ просто потому, что въ этомъ году былъ послѣдній походъ Владиміра, указанный и въ лѣтописи: послѣ Владиміръ Мономахъ не совершилъ уже ни одного похода; лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ походѣ; лишь подъ 1123 г. Ипатьевская лѣт. говоритъ о приготовленіи Владиміра Мономаха къ походу противъ того же Ярослава Святополковича, осадившаго городъ Владиміръ, но за смертью Ярослава походъ не состоялся. Такъ какъ записи о походахъ дѣлались, очевидно, въ концѣ года, то Мономахъ говоритъ о нихъ въ прошедшемъ времени, и только объ одномъ походѣ онъ записалъ во время его совершенія словами: «а се *нынѣ иду* Ростову»; при перепискѣ въ Завѣщаніе эта фраза была

переписана безъ измѣненія [1]. «Поученіе — Завѣщаніе» Мономаха, конечно, въ первое время свято сохранялось въ его родѣ. Всѣ его сочиненія переписывались въ одну тетрадку (повидимому, малаго формата, какимъ обыкновенно писались книжки домашняго, обиходнаго употребленія); въ ней были и какія-то наставленія въ видѣ выписокъ изъ священныхъ книгъ и письма Мономаха. Эта тетрадка хранилась на сѣверѣ, въ родѣ Мономаха. Но скоро тамъ начались распри въ Мономаховомъ родѣ, и его потомки потеряли уваженіе къ литературному наслѣдству отъ своего прародича: имъ было просто не до него. Единственная тетрадка съ твореніями Мономаха стала подвергаться губительному вліянію времени, въ ней стали стираться буквы и строки и выпадать цѣлые листики. Въ такомъ видѣ она попала въ руки Лаврентія, который и включилъ ее цѣликомъ въ свой трудъ. Онъ помѣстилъ ее подъ 1096 г. потому, что въ ней было письмо Мономаха къ Олегу по поводу смерти сына Мономахова Изяслава, павшаго въ сраженіи съ Олегомъ, а объ этомъ событіи и разсказывалось подъ 1096 годомъ [2]. Высказанная авторомъ мысль, что будто бы «Поученіе», составленное въ 1110—11 гг., было дополнено до 1117 г. старшимъ сыномъ Владиміра Мстиславомъ, который де въ этомъ году передалъ его автору 2-й редакціи «Повѣсти вр. лѣтъ» — такая мысль сама по себѣ невѣроятна.

Слѣдующее доказательство составленія 2-й ред. «Повѣсти» въ 1118 г. Шахматовъ видитъ въ послѣдней статьѣ Сильвестровской ред. Онъ представляетъ все дѣло такъ: Несторъ написалъ свою «Повѣсть» послѣ 25 мая 1112 г. (смерть Давида Игоревича) и описалъ походы князей противъ Половцевъ въ 1111 г. Но подъ 1110 г. онъ говорилъ только о явленіи огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ; разсужденій о явленіи ангеловъ въ немъ не было. Походы эти были описаны будто-бы въ духѣ, благопріятномъ для Святополка. Поэтому, Сильвестръ, писавшій

[1] Подъ 1119 г. въ Ипатьев. лѣтоп. читается, правда, что «Володимеръ взя Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кыеву», но въ виду того, что выше, подъ 1117 г., читается: «Того же лѣта выведе Глѣба изъ Мѣньска Володимеръ» — въ виду этого, нельзя основываться на такомъ не вполнѣ ясномъ указаніи лѣтописи въ возможномъ возраженіи противъ окончанія записей въ 1117 году по указанной причинѣ.

[2] См. подробнѣе въ моемъ «Очеркѣ исторіи древне-русской литературы».

для Владиміра Мономаха и по его заказу, опустилъ все повѣствованіе о походахъ, оставивъ только сказаніе о явленіи столпа. Авторъ «Повѣсти» 1118 г., расположенный къ Мономаху, сдѣлалъ такъ: списалъ сказаніе о явленіи столпа и придѣлалъ отъ себя разсужденіе объ ангелахъ и сказаніе о походахъ 1111 года. Отсюда, черезъ посредство различныхъ сводовъ, повѣствованіе 2-й ред. «Повѣсти» (Ипатьевск. сп.) перешло въ общерусскій сводъ начала XIV вѣка. Лаврентій въ 1377 г. имѣлъ подъ руками, между прочимъ, и «Повѣсть вр. лѣтъ», въ Сильвестровской редакціи и этотъ общерусскій сводъ и поступилъ такъ: списалъ изъ Сильвестровской «Повѣсти» сказаніе о явленіи огненнаго столпа 1110 г., потомъ обратился къ общерусскому своду и сталъ списывать разсужденіе объ явленіи ангеловъ, но это ему быстро надоѣло и онъ бросилъ его и, обратившись опять къ «Повѣсти вр. лѣтъ» списалъ запись Сильвестра.

Но основное положеніе не имѣетъ за собой само по себѣ доказательствъ. Нѣтъ данныхъ для утвержденія, что начало благочестивыхъ разсужденій по поводу чуднаго знаменія не читалось въ Сильвестровской редакціи. Но если это положеніе является не доказуемымъ, то оно и не можетъ служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго утвержденія, что въ Сильвестровской редакціи не было повѣствованія о походѣ 1111 года. По Шахматову походъ былъ описанъ лицомъ, близкимъ къ Мономаху и его современникомъ, и ему же принадлежитъ и разсказъ, слѣдующій за описаніемъ похода 1111 г. Все это такъ, но это само по себѣ нисколько не доказываетъ, что все это описаніе не могло быть составлено и раньше составленія 2-й ред. «Повѣсти». Все дѣло въ томъ, какъ распредѣлить участіе въ составленіи «Повѣсти» между тремя лицами — Несторомъ, Сильвестромъ и редакторомъ «Повѣсти» 1118 г. Что принадлежитъ Нестору и что Сильвестру? Если признавать, что Сильвестръ былъ не простымъ переписчикомъ «Повѣсти», а редакторомъ, то у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для точнаго разграниченія роли того и другого, кромѣ общихъ соображеній. По Шахматову, Несторъ писалъ въ духѣ расположенія къ Святополку, поэтому Сильвестръ и «устранилъ изъ Несторовой Лѣтописи все то, что могло быть непріятно новому князю, и вставилъ въ свой сводъ нѣсколько статей, благопріятныхъ Мономаху» (стр. XXVII). Но доказать это рѣшительно ничѣмъ нельзя, и всѣ

соображенія (ихъ немного, однако) ничѣмъ не подкрѣпляются и остаются только соображеніями, которыя должны быть принимаемы на вѣру. Можно еще говорить, что авторъ 2-й ред. «Повѣсти» былъ близкимъ лицомъ къ Мономаху, и потому вставлялъ въ свой трудъ извѣстія (обыкновенно мелкія, семейнаго характера), относящіяся къ Мономаху: но сказать то же про Сильвестра нѣтъ данныхъ, ибо утверждать, что то или другое сообщеніе вставлено Сильвестромъ (напр. статья 1095 объ убіеніи Итларя) можно только предположительно.

Итакъ, данное доказательство о существованіи 2-й ред. «Повѣсти» 1118 г. связывается съ вопросомъ другого рода, а именно съ распредѣленіемъ ролей между Несторомъ и Сильвестромъ. Если представить себѣ ихъ взаимоотношеніе въ другомъ видѣ, нежели какое рисуетъ Шахматовъ, то данное доказательство о составленіи 2-й редакціи «Повѣсти», въ которой де и появились статьи 1110—1111 гг., должно будетъ оставлено. А именно можно представлять дѣло такъ: 1) Несторъ писалъ послѣ 12 мая 1112 г. (смерть Давида) и — въ княженіе Владиміра Мономаха (хронологическая таблица 852 г. оканчивается смертью Святополка въ 1013 г.), и могъ описать, слѣдов., и походъ 1111 г. (это признаетъ и Шахматовъ). 2) Нѣтъ основаній предполагать, что походъ былъ описанъ какъ-го иначе, чѣмъ въ Ипатьевской лѣтописи: Несторъ описалъ его такъ, какъ онъ представлялся умамъ современниковъ, т. е. съ расположеніемъ къ Мономаху, который пріобрѣлъ это расположеніе еще до 1113 г. Съ Несторомъ согласуется и то, что подъ 1112 г. подробно говорится о событіи въ Печерскомъ монастырѣ, именно о поставленіи въ игумены Прохора попина, что для Нестора, какъ Печерскаго черноризца, имѣло большой интересъ. Вѣроятнѣе всего, оканчивалась «Повѣсть» извѣстіемъ о смерти Святополка. 3) Списокъ «Повѣсти» тотчасъ же былъ отданъ для снятія копіи въ Выдубецкій монастырь, гдѣ игуменъ Сильвестръ въ 1116 г. и переписалъ его весь, безъ пропусковъ т. е. съ извѣстіемъ о явленіи огненнаго столпа, съ благочестивыми разсужденіями и съ описаніемъ похода 1111 года. Затѣмъ «Повѣсть» вернулась въ Печерскій монастырь и съ теченіемъ времени, но, повидимому, тоже еще въ княженіе Владиміра, получила продолженіе и нѣкоторыя вставки изъ семейной жизни Мономаха. Годы 1110—1111

были переписаны такъ, какъ они были у Нестора. Какъ же объяснить статью 1110 г. въ Лаврентьевской лѣтописи? Вѣроятнѣе всего, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ утратой послѣдней тетради. Запись Сильвестра была сдѣлана на новомъ листѣ новой тетради, а потому она и уцѣлѣла (см. ниже).

На 4-мъ доказательствѣ существованія 2-й ред. «Повѣсти» 1118 г. (IX—X и 396—7) именно на томъ, что въ Новгородской 4-й лѣтописи хронологическая статья подъ 887 г. имѣетъ фразу «Володимиръ Ярославичь лѣта 4», что явилось де изъ «Володимеръ лѣта 4», подъ которымъ разумѣется Мономахъ, едва ли нужно останавливаться, въ виду искусственности всего построенія. Нельзя и хронологическую статью 852 г. для 2-й ред. «Повѣсти» расчленять на двѣ части — подъ 852 и 887 гг. Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить то, что въ Ипатьевско-Хлѣбник. спискахъ, которые и являются представителями этой именно 2-й редакціи, хронологическая статья является вполнѣ тожественной съ Лаврентьевск. и подъ однимъ 852 г.? Шахматовъ лаконически только говоритъ: «Въ И. Х., представляющихъ вообще текстъ редакціи 1118 г., въ отношеніи хронологической таблицы видимъ отступленіе: она дана подъ 6360 годомъ въ Сильвестровской редакціи» (стр. X). Опять придется прибѣгать къ искусственному объясненію, что де Ипатьевская лѣтопись когда-то, со временемъ, черезъ посредство позднѣйшихъ сводовъ, испытала на себѣ вліяніе Сильвестровской редакціи.

Далѣе, авторъ говоритъ, что доказательствомъ того, что оригиналъ Соф. 1-й и Новг. 4-й пользовался именно 2-й ред. «Повѣсти» 1118 г., служитъ то, что въ нихъ разсказывается (сокращенно) о походахъ 1111 г., а этотъ де разсказъ не читался въ Сильвестровской ред., а только въ редакціи 1118 г. Но здѣсь получается кругъ: первое доказывается вторымъ, а второе первымъ. Но кромѣ того: надо доказать, что въ Сильвестровской ред., дѣйствительно, не было разсказа о походахъ, но этого не докажешь. Нельзя отсюда, слѣдов., заключить, что Соф.-Нов. пользовались 2-й ред. «Повѣсти» и оттуда взяли двѣ хронологическихъ статьи, которыя въ послѣдней были почему-то разъединены. Нельзя, поэтому, и для 2-й ред. «Повѣсти» составлять двѣ хронологическихъ статьи, которыхъ въ наличности нѣтъ.

Итакъ, у насъ нѣтъ основаній говорить о новой редакціи «Повѣсти» 1118 г., которая будетъ 3-й, если признавать предыдущія двѣ — Несторову и Сильвестрову, и 2-й, если признавать предшественницей только одну. Кто бы ни составлялъ «Повѣсть» — Несторъ или Сильвестръ, — она не заходила за 1115 годъ, и слѣдов. тотъ видъ, какой она имѣетъ въ спп. Ипатьевско-Хлѣбниковск., есть видъ продолженный, и вопросъ только въ томъ, когда было сдѣлано продолженіе. Вопросъ этотъ рѣшался различно, но для 1118 г. нѣтъ убѣдительныхъ доказательствъ.

Но если бы даже Сильвестрова «Повѣсть» была переписана въ 1118 г., то спрашивается, есть ли у насъ основанія эту переписку называть «редакціей», подразумѣвая подъ терминомъ «редакція» литературную переработку памятника? Если бы даже признать все то, что говоритъ о ней Шахматовъ, то и тогда оказалось бы слишкомъ мало данныхъ для признанія ея особой редакціей. Самое крупное — это продолженіе ранней редакціи подъ 1110—1111 гг., но это — не переработка, а естественное продолженіе такого произведенія, какъ Лѣтопись. Внутренней же переработки нѣтъ, исключая мелкихъ добавленій изъ событій времени Мономаха, да измѣненія въ статьѣ о призваніи князей. Но такъ какъ статьи 1110—1111 гг. съ такимъ же правомъ могутъ разсматриваться, какъ принадлежавшія и первоначальной редакціи, то продолженіе послѣдней, скажемъ — съ начала княженія Мономаха, должно будетъ стоять въ связи съ дальнѣйшимъ изложеніемъ того же княженія, которое неизвѣстно гдѣ оканчивалось. Можно, конечно, говорить о двухъ видахъ «Повѣсти» — Лаврентьевской и Ипатьевской, можно назвать ихъ и редакціями, но только условно, имѣя въ виду все-таки нѣкоторыя ихъ различія, хотя и незначительныя. Во всякомъ случаѣ, не было внутреннихъ и сознательныхъ переработокъ «Повѣсти», не было, слѣдов., и тѣхъ политическихъ причинъ, которыя, по мнѣнію Шахматова, вызвали къ жизни всѣ три редакціи — Несторову, Сильвестрову и Мстиславову (1118 г.).

Итакъ, А. А. Шахматовъ признаетъ Сильвестра не простымъ переписчикомъ Несторовой лѣтописи, но особымъ редакторомъ, передѣлывавшимъ до извѣстной степени свой оригиналъ. Авторъ ставитъ эту передѣлку со стороны Сильвестра въ связь съ особыми политическими настроеніями какъ Нестора, такъ и Сильвестра. Трудъ Нестора былъ тру-

домъ Печерскаго монаха, и его направленіе де зависѣло вообще отъ взаимныхъ отношеній кн. Святополка и Печерскаго монастыря. Отношенія эти, въ началѣ княженія Святополка бывшія натянутыми, потомъ пріобрѣли дружественный характеръ, откуда и надо де заключать, что лѣтопись, веденная въ Печерскомъ монастырѣ при игуменѣ Феоктистѣ, смѣнившемъ игумена Іоанна, суроваго обличителя Святополка, должна была вестись въ благопріятномъ для Святополка духѣ. Князья сами сознавали моральное значеніе лѣтописи, и потому стараніями Святополка, которому нужно было оправдать себя передъ потомствомъ въ неурядицахъ, плохомъ управленіи и въ злодѣяніи надъ Васильком, и создался де новый изводъ Кіево-Печерской лѣтописи, т. е. Несторова «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Преемникъ Святополка Мономахъ — продолжаетъ авторъ — не могъ не обратить вниманія на этотъ памятникъ. Необходимо было возстановить событія послѣднихъ двухъ десятилѣтій въ иномъ освѣщеніи, а нѣкоторыя части прямо изъять изъ лѣтописи. Поэтому, Мономахъ обратился къ игумену монастыря, связаннаго съ именемъ его отца, съ порученіемъ передѣлать трудъ Нестора. Сильвестръ это и сдѣлалъ въ 1116 году.

Чтобы признать эти разсужденія отвѣчавшими дѣйствительности, нужно убѣдиться въ двухъ положеніяхъ: 1) указать тѣ статьи Несторова труда, которыя, будучи благопріятны Святополку, были Сильвестромъ или выброшены или передѣланы въ благопріятномъ для Мономаха духѣ; 2) указать тѣ статьи, которыя внесены Сильвестромъ въ новомъ указанномъ направленіи. Но первое положеніе совершенно недоказуемо, такъ какъ, если признавать дошедшій до насъ видъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» за трудъ Сильвестра, то выйдетъ, что о трудѣ Нестора мы ничего не знаемъ. Самъ же авторъ говоритъ, что основная (т. е. Несторова) редакція «Повѣсти вр. лѣтъ» при передѣлкѣ ея Сильвестромъ исчезла (стр. XVII). Если она совсѣмъ исчезла и притомъ такъ, что авторъ второй редакціи «Повѣсти», составлявшейся только черезъ два года послѣ Сильвестра и притомъ въ томъ же монастырѣ, гдѣ писалъ свою «Повѣсть» и Несторъ, положилъ въ основаніе именно Сильвестровскую редакцію, то на основаніи чего же будемъ возстановлять Несторовъ видъ лѣтописи? Правда, Шахматовъ указываетъ на Посланіе Поликарпа къ Акиндину,

имѣвшаго будто бы подъ руками именно Несторову «Повѣсть», но документально такое положеніе также доказать нельзя. Если Поликарпъ въ трехъ случаяхъ ссылается на «Лѣтописецъ», каковымъ оказывается «Повѣсть вр. лѣтъ» (въ Сильвестровской редакціи), то отсюда еще не слѣдуетъ, что и всѣ другія свѣдѣнія историческаго характера онъ бралъ непремѣнно изъ какой-то недошедшей до насъ (т. е. Несторовой) «Повѣсти». Въ распоряженіи Поликарпа могли быть и какіе-либо другіе источники. А иные случаи, на которые указываетъ Шахматовъ (XIV, прим. 2), прямо должны противорѣчить такому взгляду, если исходить изъ проводимаго авторомъ убѣжденія, что Несторова «Повѣсть» была написана въ благопріятномъ для Святополка духѣ, именно — указанія Поликарпа «на насилія, совершавшіяся Святополкомъ въ первые годы его великаго княженія», «на заточеніе Святополкомъ игумена Іоанна въ Туровъ», «указанія на то, что преп. Ѳеодоръ и Василій были убиты по приказанію Мстислава, сына Святополка». Такія свѣдѣнія не должны были находиться въ Несторовой лѣтописи, если это была лѣтопись, благопріятная Святополку. Слѣдовательно, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ на то, что Несторова «Повѣсть» была особенно благопріятна къ Святополку, а потому нѣтъ данныхъ и для утвержденія, что то или другое свѣдѣніе въ ней читалось, а Сильвестромъ — выпущено.

Послѣднее подводитъ къ вопросу, дѣйствительно ли Сильвестръ проредактировалъ трудъ своего предшественника въ указываемомъ направленіи? Уже Бестужевъ-Рюминъ («О составѣ русск. лѣтописей», стр. 29 — 30) замѣтилъ, что въ «Повѣсти» (конечно — Сильвестровой) не замѣтно ни особеннаго нерасположенія къ Святополку ни особеннаго расположенія къ Мономаху, что, слѣдов., редакторъ могъ менѣе интересоваться домомъ Мономаха и не занести въ свою лѣтопись всѣхъ свѣдѣній, касающихся дома Мономаха; такое безразличіе, по словамъ Бестужева-Рюмина, ясно обнаруживается при сопоставленіи съ послѣдующимъ сводомъ (въ Ипатьевской лѣтоп.), сильно благопріятствующимъ Мономаху. И утвержденіе Бестужева-Рюмина совершенно вѣрно. Шахматовъ, говоря, что вторая редакція «Повѣсти» (Ипатьев.) составлена хотя и въ Печерскомъ монастырѣ, но въ благопріятномъ духѣ для Мономаха, видитъ доказательство этого въ томъ, что редакторъ вставилъ въ

Сильвестрову «Повѣсть», которую онъ использовалъ, нѣсколько извѣстій, касающихся дома Мономаха (XXXVIII). Это справедливо, но мы бы ожидали, что то же сдѣлаетъ и Сильвестръ, и особенно потому, что, какъ предполагаетъ Шахматовъ, Сильвестръ работалъ по порученію самого Мономаха. Однако, этого не случилось, и потому правъ Бестужевъ-Рюминъ, когда, возражая противъ авторства Сильвестра, говоритъ, что это едва ли согласно «съ лицемъ Сильвестра, игумена монастыря *Всеволожа*, при Мономахѣ епископа Переяславскаго, слѣдовательно человѣка, во всякомъ случаѣ преданнаго роду Мономаха» (ibid., 30). Если бы Сильвестръ передѣлывалъ Несторову «Повѣсть» въ благопріятномъ для Мономаха духѣ, то онъ, навѣрное, выпустилъ бы слѣдующія слова Нестора о Всеволодѣ, отцѣ Мономаха, подъ 1093 г.: «и нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своея первыя и людемъ не доходити княже правды, начаша тиуни грабити, людий продавати». Точно также онъ долженъ бы передѣлать разсказъ подъ 1093 г. объ убіеніи сыновей Итларя, гдѣ Мономахъ сыгралъ во всякомъ случаѣ не вполнѣ благовидную роль.

Итакъ, мы не можемъ говорить, 1) что Несторова «Повѣсть» была написана въ духѣ, особенно благопріятномъ къ Святополку; 2) что Сильвестръ передѣлывалъ эту «Повѣсть» въ духѣ, благопріятномъ для Мономаха, и 3) что онъ вообще такъ или иначе передѣлывалъ ее. Отсюда вытекаетъ то, что единственно правильнымъ должно считаться старое мнѣніе, а именно, что Сильвестръ былъ простымъ переписчикомъ Несторова труда и — только. Нѣтъ никакой нужды видѣть здѣсь проявленіе и вліяніе различныхъ противоположныхъ симпатій и антипатій, и въ нихъ видѣть причину появленія различныхъ редакцій «Повѣсти». Симпатіи и антипатіи, конечно, могли обнаруживаться у авторовъ лѣтописанія, но это обнаруживаніе происходило непроизвольно, не будучи ни въ какомъ случаѣ преднамѣреннымъ.

Если Сильвестръ, по взгляду Шахматова, былъ не просто переписчикъ Несторова труда, а редакторъ и передѣлыватель, то спрашивается, что же и какъ онъ передѣлывалъ, и какъ мы можемъ узнать способъ его передѣлки, если сама Несторова редакція «Повѣсти» не сохранилась? Шахматовъ подробно останавливается на извѣстіяхъ

1103 года, гдѣ, по его мнѣнію, видна рука Сильвестра. Подъ этимъ годомъ разсказывается о съѣздѣ князей въ Долобскѣ, гдѣ, по настоянію Владиміра Мономаха, былъ рѣшенъ походъ на Половцевъ, который кончился очень удачно для русскихъ князей. Начало статьи 1103 г. было изложено де у Нестора иначе, нежели читается теперь въ Сильвестровскомъ изложеніи, а именно въ ней инициатива похода приписывалась Святополку: повѣствованія о съѣздѣ князей въ Долобскѣ не было, такъ какъ де съѣзда не было и въ дѣйствительности. Но въ 1111 году былъ, дѣйствительно, съѣздъ князей въ Долобскѣ, и на немъ былъ рѣшенъ походъ противъ Половцевъ, который и состоялся и былъ также удаченъ. Но Сильвестръ рѣшилъ ограничить свою задачу предѣлами Несторова труда, т. е. сказаніемъ о явленіи 11 февр. 1110 г. огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ, и ему, поэтому де, не было нужды описывать походъ 1111 года. Поэтому, онъ, желая выставить выдающуюся роль Владиміра въ походѣ 1103 года, воспользовался эпизодомъ 1111 года для своего свода, т. е. онъ перенесъ на 1103-й годъ то, что онъ зналъ о 1111 годѣ, т. е. сказаніе о съѣздѣ и о рѣчи Мономаха, поставивъ Святополка на второй планъ. Авторъ второй редакціи «Повѣсти» 1118 г. (или 3-й, если считать Несторову) при описаніи съѣзда 1111 года обратился де къ описанію съѣзда у Сильвестра (въ 1103 г.) и перенесъ его, нѣсколько исказивъ, въ свой сводъ. Отсюда получилось сходство между повѣствованіями.

Какія же доказательства представляетъ авторъ для объясненія такого построенія? Доказательства эти таковы.

1) Авторъ исходитъ изъ своего основного положенія, что часть «Повѣсти врем. лѣтъ», обнимающая годы 1111 — 1117, явилась лишь въ редакціи 1118 года, и, слѣдов., описанія съѣзда и похода 1111 года въ Сильвестровской редакціи не было. Но для того, кто принимаетъ иную исторію редакціи «Повѣсти», считая Несторову редакцію доведенною до Мономаха, а Сильвестрову — простой копіей Несторова оригинала, настоящее доказательство теряетъ, конечно, всякую силу.

2) Изъ двухъ статей — 1103 и 1111 годовъ — одна составлена на основаніи другой. Но какая должна считаться первоначальной? Ясно, по словамъ автора, что вторая. Составитель 3-й (или 2-й) редакціи не

могъ говорить о съѣздѣ въ 1111 году, если бы его тогда не было; перенести его изъ 1103 года было небезопасно для автора, такъ какъ разсказъ легко могъ быть опровергнутъ участниками событія. Но перенести позднѣйшее событіе въ болѣе раннее время естественно. Поэтому де съѣздъ былъ безусловно въ 1111 году, а не въ 1103 году, въ которомъ его придумалъ Сильвестръ. — Но противъ такого утвержденія тѣми же словами автора можно сказать, что въ данномъ случаѣ такой пріемъ былъ бы для автора лѣтописнаго разсказа небезопасенъ. Иное дѣло, если бы событіе 1111 года было перенесено назадъ лѣтъ на 80: тогда можно бы надѣяться, что для автора это пройдетъ безнаказанно. Но вѣдь тутъ событіе переносится назадъ только на 8 лѣтъ, и большинство участниковъ похода 1103 года было еще живо въ 1111 году, и могъ ли бы рѣшиться Сильвестръ говорить о такомъ событіи, которое легко могло быть опровергнуто его современниками? Ясно, что, въ силу этихъ же соображеній, надо признавать, что оба повѣствованія говорятъ о дѣйствительныхъ событіяхъ. Къ этому надо прибавить слѣдующее соображеніе. Сильвестръ, по утвержденію Шахматова, писалъ для Владиміра Мономаха и даже по его заказу. Но можно ли предполагать, что угодливость Сильвестра доходила до того, чтобы онъ рѣшился придумать событіе, котораго не было, приписать Мономаху дѣяніе, котораго тотъ не совершалъ? Вѣдь Мономахъ могъ потребовать себѣ для прочтенія трудъ, который онъ самъ заказалъ и которымъ, слѣдов., интересовался. Сильвестръ это могъ предвидѣть, и можно утверждать, что на такую фальсификацію онъ бы не рѣшился.

Что же отсюда слѣдуетъ? — То, что не слѣдуетъ отдѣлять двухъ сходныхъ повѣствованій отъ двухъ сходныхъ событій. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и въ 1103 г. и въ 1111-мъ походы князей противъ Половцевъ предварялись съѣздами въ томъ же Долобскѣ, какъ пунктѣ, удобномъ для пріѣзда изъ Кіева и изъ Переяславля. Вполнѣ естественно, что обстановка собесѣдованія была въ общемъ одинакова: и тогда и теперь Владиміру пришлось уговаривать другихъ князей не медлить съ походомъ, и уговаривать одинаковымъ образомъ, ибо и возраженія противъ походовъ могли быть одинаковы: не время де, теперь весна, надо землю пахать. Разница была только въ томъ, что противъ

похода въ 1103 г. была дружина только Святополкова, а въ 1111 г. и — Мономахова. Разсказы о томъ и другомъ съѣздѣ и о томъ и другомъ походѣ были хорошо извѣстны современникамъ, зналъ ихъ и авторъ «Повѣсти», писавшій вскорѣ послѣ 1111 года, и изложилъ въ своемъ трудѣ событія такъ, какъ они происходили въ дѣйствительности. Такъ какъ устные разсказы были приблизительно одинаковы, то въ изложеніи ихъ авторъ и допустилъ по нѣскольку одинаковыхъ фразъ, при чемъ, однако, повѣствованіе о съѣздѣ 1103 года, какъ о болѣе отъ него отдаленномъ, онъ и изложилъ короче, нежели о съѣздѣ 1111 года, о которомъ онъ зналъ лучше, живѣе. Да и вообще можно, кажется, думать, что наши лѣтописцы были правдивѣе, нежели можно вынести изъ предложеннаго Шахматовымъ разсужденія: придумать цѣлую исторію на глазахъ у всѣхъ, можно утверждать, они бы не рѣшились. Рѣшительно нельзя согласиться съ Шахматовымъ, что разсказъ о совѣщаніи князей передъ походомъ 1103 г. составленъ Сильвестромъ, «можно сказать, изъ головы» (XXXVII).

Итакъ, Несторъ, писавшій «Повѣсть» во время княженія Мономаха, описалъ оба похода — 1103 и 1111 гг. — такъ, какъ они читаются — первый въ Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописяхъ, а второй — только въ Ипатьевской.

Наконецъ, можно упомянуть еще объ одномъ предположеніи Шахматова, высказанномъ имъ уже во Введеніи къ Повѣсти вр. лѣтъ, а именно, что автору 3-й редакціи (1118 г.), лицу, близкому къ старшему сыну Мономаха Мстиславу Владиміровичу, принадлежитъ разсказъ 1096 г. о походѣ Олега Святославича на Муромъ и о послѣдовавшихъ за этимъ событіяхъ въ Ростовской и Суздальской земляхъ. Такое заключеніе основывается на томъ, что эти событія едва ли могли интересовать кіевскаго лѣтописца и, наоборотъ, были близки автору 3-й редакціи «Повѣсти», духовнику князя Мстислава, сыгравшаго въ этихъ событіяхъ очень важную роль. Однако, это предположеніе таковымъ и остается, не имѣя за собой доказательствъ и не будучи вызываемо никакой необходимостью. Можно, конечно, согласиться въ томъ, что все повѣствованіе, носящее какъ-бы видъ отдѣльнаго разсказа, составлено участникомъ описываемыхъ событій; но ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что оно принесено было въ

Кіевъ и стало извѣстно и автору «Повѣсти», кто бы онъ ни былъ — Несторъ или Сильвестръ. А для тѣхъ, кто принимаетъ временемъ составленія «Повѣсти» княженіе Мономаха, нисколько не покажется удивительнымъ включеніе даннаго повѣствованія въ «Повѣсть», такъ какъ оно составлено въ духѣ, благопріятномъ не только для Мстислава, но и для самого Владиміра Мономаха. При взглядѣ же Шахматова, придется, для объясненія появленія повѣствованія въ Лаврентьевскомъ и сходныхъ спискахъ, прибѣгнуть къ тому же искусственному положенію о позднѣйшемъ, при помощи позднѣйшихъ сводовъ, вліяніи 3-й редакціи «Повѣсти» (по Ипатьевск. списку) на 2-ую, т. е. на Лаврентьевскую. Одна искусственность неминуемо влечетъ за собой и другую.

Для рѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ оканчивалась первая редакція «Повѣсти вр. лѣтъ», не можетъ не имѣть значенія слѣдующій фактъ, извлекаемый изъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго». Извѣстно, что во второй своей части, т. е. послѣ «Повѣсти вр. лѣтъ» «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» сходится съ Лаврентьевской лѣтописью, удаляясь вмѣстѣ съ ней отъ Ипатьевской. Что же касается «Повѣсти вр. лѣтъ» въ «Лѣтописцѣ Переясл. Суздальскаго», то тутъ нельзя ставить такъ рѣзко вопросъ о степени близости ея къ Лаврентьевскому или къ Ипатьевскому списку, такъ какъ сама «Повѣсть» въ томъ и другомъ спискѣ до княженія Святополка совершенно одинакова, и только съ этого времени въ Ипатьевской встрѣчаются нѣкоторыя извѣстія, и дававшія Шахматову основаніе видѣть въ ней вторую редакцію «Повѣсти». Однако, въ «Повѣсти» «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго» есть нѣсколько мѣстъ, сближающихъ ее съ Ипатьевской лѣтописью въ противоположность Лаврентьевской, а именно: 1) Подъ 1110 г. разсказъ о явленіи огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ сопровождается разсказомъ объ явленіи ангела Александру Македонскому передъ его шествіемъ на Іерусалимъ, о чемъ говорится въ Ипатьевской, при чемъ изложеніе буквально сходное, хотя и сокращенное, сообразно общему характеру «Лѣтописца»; 2) Сказаніе о призваніи русскихъ князей сходится съ Ипатьевской: Рюрикъ садится не въ Повгородѣ, какъ въ Радзивил. Акад. (въ Лаврентьевской нѣтъ словъ: «и сѣде въ Новѣгородѣ»), а въ Ладогѣ, какъ въ Ипатьевской, и далѣе сходно съ нею говорится, что послѣ смерти

Синеуса и Трувора Рюрикъ «пришедъ къ Илмерю сѣдѣла градокъ подъ Волховомъ, и прозваша и Новъградъ и сѣде тоу княжа»; 3) Подъ 1086 г., согласно съ Ипатьевской, говорится о заложеніи церкви св. Андрея и о постриженіи дочери Всеволода Янки. Какъ объяснить такое сходство съ Ипатьевской? Что касается перваго сходства, т. е. въ сказаніи о явленіи огненнаго столпа подъ 1110 г., то при томъ представленіи конца «Повѣсти», которое предложено мною, это сходство совершенно понятно. Несторово-Сильвестровская редакція заканчивалась такъ, какъ она читается въ Ипатьевскомъ спискѣ, и редакторъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго» имѣлъ подъ руками такой списокъ (въ которомъ были уже соединены и «Повѣсть временныхъ лѣтъ» и «Суздальская лѣтопись»), гдѣ читалось полное описаніе годовъ 1110—1113, т. е., какъ въ Ипатьевскомъ, и изъ этого описанія онъ и заимствовалъ разсматриваемый эпизодъ. Это уже обстоятельство является однимъ изъ показаній, что вся исторія конца «Повѣсти», какъ она представлена у Шахматова, не является необходимою.

Точно также нужно смотрѣть и на смѣну Ладоги — Новгорода. Вопросъ о томъ, гдѣ первоначально поселился Рюрикъ — въ Ладогѣ или въ Новгородѣ, вопросъ старый, ведущій начало еще отъ Карамзина; Погодинъ, въ противоположность Карамзину, стоялъ за Ладогу. Шахматовъ считаетъ первоначальнымъ Новгородъ и замѣну его Ладогой приписываетъ автору 3-й редакціи (1118 г.), который, посѣтивъ Ладогу въ 1114 г., записалъ де мѣстное преданіе обо основаніи Ладоги Рюрикомъ. Но, «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» будетъ говорить за другое, а именно за то, что въ его оригиналѣ, къ которому восходитъ и Лаврентьевскій списокъ (вмѣстѣ со сходными), Рюрикъ поселился въ Ладогѣ, а Новгородъ былъ «срубленъ» имъ послѣ смерти братьевъ. Если ставить вопросъ, какая смѣна будетъ естественнѣе — Ладоги на Новгородъ или обратная — то, безъ сомнѣнія, придется первоначальность оставить за Ладогой. Если за авторомъ третьей редакціи «Повѣсти» еще можно оставить право на замѣну Новгорода Ладогой на томъ, впрочемъ, недостаточномъ основаніи, что онъ передавалъ здѣсь слышанное имъ Ладожское преданіе, вслѣдствіе чего ему уже самому пришлось прибавлять извѣстіе о построеніи Рюрикомъ послѣ смерти братьевъ Новгорода, —

то для редактора «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго» такая замѣна являлась бы совершенно непонятной. Между тѣмъ, обратная замѣна Ладоги Новгородомъ является болѣе понятной и объяснимой: во всей послѣдующей исторіи Ладога не играла никакой роли, тогда какъ Новгородъ тотчасъ же получилъ значеніе политическаго центра на сѣверѣ, и совершенно, поэтому, естественнымъ могла явиться мысль объ ошибочности первоначальнаго поселенія Рюрика въ Ладогѣ, когорая въ оригиналѣ Лаврентьевскаго и сходныхъ съ нимъ списковъ и была замѣнена Новгородомъ, вслѣдствіе чего пришлось выпустить и дальнѣйшее извѣстіе о построеніи Новгорода, ошибочно показавшееся книжнику противорѣчащимъ его исправленію. Пропускъ же въ Лаврентьевскомъ сп. словъ «и сѣде въ Новѣгородѣ» должно объяснять не вліяніемъ со стороны списка Ипатьевскаго, а просто случайнымъ пропускомъ со стороны писца. Да и относительно автора 3-й редакціи «Повѣсти», если бы таковой и былъ, позволительно сомнѣваться, рѣшился ли бы онъ замѣнить освященный традиціей извѣстный городъ Новгородъ малоизвѣстной Ладогой. Если онъ кое-что и прибавлялъ, то только въ событіяхъ, близкихъ ему по времени или даже въ современныхъ; а съ другой стороны, нѣтъ ни одного примѣра передѣлки изъ стараго текста.

Возраженіе противъ измѣненія Новгорода на Ладогу авторомъ 3-й редакціи можно сдѣлать, исходя даже изъ тѣхъ же соображеній, которыя Шахматовъ дѣлаетъ относительно личности автора, т. е. становясь даже на его точку зрѣнія. Шахматовъ считаетъ авторомъ 3-й редакціи человѣка, близкаго къ Мстиславу Владиміровичу, княжившему въ Новгородѣ и перешедшему оттуда въ 1117 году въ Бѣлгородъ. Авторъ живалъ въ Новгородѣ, въ связи съ чѣмъ стоятъ, конечно, новгородскія извѣстія, читаемыя въ третьей редакціи подъ 1113, 1114 и 1116 годами (стр. XXXIX—XL). Если такъ, то едва ли можно думать, чтобы такой человѣкъ рѣшился въ такомъ важномъ извѣстіи, какъ призваніе перваго князя, измѣнить твердо державшееся въ самомъ Новгородѣ преданіе о первенствѣ послѣдняго на случайно слышанное мѣстное преданіе въ малозначущемъ городкѣ Ладогѣ.

Въ связи съ изложенными соображеніями, придется такъ же объяснять и извѣстіе «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго» подъ 1086 го-

домъ: это извѣстіе было и читалось въ первоначальной, т. е. Несторовой редакціи, откуда оно перешло и въ «Лѣтоп. Пер. Суздал.» и въ Ипатьевскую лѣтопись, а въ оригиналѣ Лаврент.-Хлѣбник.-Академ. было случайно пропущено.

Остается вопросъ о повѣствованіи попа Василія объ ослѣпленіи Василька подъ 1097 г. Это повѣствованіе издавна считалось особымъ разсказомъ, вставленнымъ въ «Повѣсть врем. лѣт.», и теперь только возникаетъ вопросъ, кто его вставилъ — Несторъ или Сильвестръ? Но Шахматовъ ставитъ этотъ вопросъ иначе. Онъ полагаетъ, что Василій имѣлъ уже подъ руками «Повѣсть вр. лѣт.» и по ней составилъ свое повѣствованіе, дополнивъ его данными своими, какъ очевидецъ событія. Во время печатанія текста «Повѣсти» Шахматовъ считалъ, что Василій имѣлъ подъ руками Сильвестрову редакцію, но при печатаніи Предисловія передумалъ и предложилъ принять мнѣніе, что Василій имѣлъ у себя основную редакцію «Повѣсти», т. е. Несторову. Въ Перемышлѣ или въ Теребовлѣ появилась де копія Несторовой «Повѣсти», и Василій списалъ ее, но внесъ въ нее свое повѣствованіе объ ослѣпленіи Василька. Эта лѣтопись (галицкаго происхожденія) тотчасъ появилась въ Кіевѣ, въ Выдубицкомъ монастырѣ, и Сильвестръ поспѣшилъ внести разсказъ объ ослѣпленіи Василька и о послѣдующихъ событіяхъ въ свой лѣтописный трудъ, замѣнивъ имъ то, что въ «Повѣсти вр. лѣтъ» сообщилъ обо всемъ этомъ Несторъ» (XXXV).

По при такомъ пониманіи должна казаться удивительной та быстрота, съ которой должна была совершить свое путешествіе Несторова «Повѣсть». А путь ее долженъ быть таковъ. Она сама написана Несторомъ послѣ мая 1112 г. (такъ заключаетъ и Шахматовъ на основаніи упоминанія смерти Давида, XXXIV); съ нея была снята копія, на что должно было пойти время; затѣмъ, эта копія должна была придти, положимъ, въ Перемышль. Тамъ по ней должно быть составлено повѣствованіе объ ослѣпленіи Василька; авторъ повѣствованія, попъ Василій, съ пришедшей копіи снялъ новую копію и вставилъ въ нее свое повѣствованіе; эта новая копія Василія съ его повѣствованіемъ обратно зачѣмъ-то вернулась въ Кіевъ, но уже — въ Выдубицкій монастырь, гдѣ и попалась Сильвестру. И все это произошло въ короткое время! Поневолѣ спра-

шивается, да возможно ли все это, и есть ли необходимость изобрѣтать такое замысловатое путешествіе Несторова труда? Должно отвѣтить, что въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. Прежде всего, мы ничего не можемъ сказать о первоначальномъ видѣ повѣствованія, которое будто бы замѣнено Сильвестромъ изъ лѣтописи Василія. Разъ мы не имѣемъ никакого слѣда отъ Несторовой редакціи, то нечего и говорить, каковъ былъ и видъ ея: никакое предположеніе не можетъ быть доказано. Поэтому, взаимное отношеніе повѣствованія Василія къ «Повѣсти вр. лѣтъ» должно быть представлено иначе и — много проще. Конечно, это взаимоотношеніе находится въ связи съ той исторіей составленія «Повѣсти вр. лѣтъ», которая, въ противоположность взгляду, проводимому авторомъ, имѣла мѣсто въ дѣйствительности.

Попъ Василій, родомъ изъ Галицкой или Волынской земли, хорошо знакомый съ топографіей той и другой, повидимому, человѣкъ, до извѣстной степени близкій къ кн. Васильку, независимо отъ Несторовой «Повѣсти врем. лѣтъ», и, не знавшій ея, задумалъ по окончаніи всей распри, поднятой ослѣпленіемъ Василька, описать это злодѣяніе. Онъ сталъ писать тогда, когда Давида, главнаго виновника злодѣянія, уже не было въ живыхъ, т. е. не раньше второй половины 1112 года. Но возможно, что онъ написалъ ее и послѣ смерти Святополка, неприглядную роль котораго онъ и могъ потому выставить, не опасаясь дурныхъ для себя послѣдствій, т. е. не раньше апрѣля 1113 года. Онъ не ограничился только разсказомъ о самомъ фактѣ ослѣпленія, но разсказалъ и о ближайшихъ послѣдствіяхъ его, т. е. о послѣдовавшихъ войнахъ вплоть до 1100 года, когда на съѣздѣ въ Увѣтичахъ была закончена эта междоусобная война. Его повѣствованіе и стало потомъ извѣстно въ Кіевѣ, что совпадало съ вокняженіемъ Мономаха, который въ повѣствованіи Василія былъ надѣленъ наилучшими чертами. Несторъ, писавшій въ началѣ княженія Мономаха, удачно воспользовался сдѣлавшейся ему извѣстной Повѣстью Василія, списавъ ее всю, но продолжая послѣ нея свой погодный разсказъ 1098 и 1100 гг. Послѣднія строки Васильевой Повѣсти оказали вліяніе и на изложеніе Нестора: и онъ окончилъ повѣствованіе о междоусобной войнѣ тѣми же словами, что и Василій, именно: «и по семь въдасть Святополкъ Давидови Дорогобужь,

въ немьже и умъре, а Володимерь въдасть сыновi своему Ярославу». Можно принять одно предположеніе Шахматова, а именно, что разсказъ о впечатлѣніи на Владимира Мономаха извѣстія о злодѣяніи принадлежитъ не Василію, а автору «Повѣсти временныхъ лѣтъ», т. е. по Шахматову — Сильвестру, по моему — Нестору. Сильвестръ переписалъ Василіево повѣствованіе такъ, какъ онъ переписывалъ и все остальное, т. е. безъ всякихъ измѣненій.

Исторія редакцій «Повѣсти временныхъ лѣтъ» должна быть представлена, слѣдов., въ слѣдующемъ видѣ.

Первый сводъ былъ составленъ въ самомъ началѣ второй половины 50-хъ годовъ XI ст., послѣ смерти Ярослава. Онъ имѣлъ то заглавіе, которое читается напр. въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Затѣмъ «Повѣсть», конечно, подвергалась неоднократнымъ дополненіямъ въ смыслѣ продолженія и, можетъ быть, нѣкоторымъ вставкамъ внутри ея содержанія, но — очень незначительнымъ. Она начиналась съ указанія на царствованіе византійскаго импер. Михаила, при которомъ впервые стало извѣстнымъ имя Руси, и предварялась хронологической таблицей, оканчивавшейся Ярославомъ. Пополняясь постепенно, она въ началѣ XII ст. получила окончательную обработку подъ перомъ черноризца Печерскаго монастыря Нестора. Несторъ переработалъ ее уже въ княженіе Владиміра Мономаха, получившаго великокняжескій столъ въ 1113 г. Въ числѣ другихъ источниковъ у Нестора оказалось обширное повѣствованіе объ ослѣпленіи кн. Василька, имѣвшемъ мѣсто въ 1097 г., составленное современникомъ этого событія, какимъ-то священникомъ Василіемъ. Несторъ писалъ свою «Повѣсть» сразу, т. е. ту часть, которая принадлежитъ лично ему, а не погодно, не постепенно, что видно напр. изъ того, что упомянутое повѣствованіе Василія онъ помѣстилъ подъ 1097 г., который, очевидно, не былъ еще описанъ въ 1112 году. Сообразно съ своимъ временемъ, онъ указалъ на него въ хронологической таблицѣ 852 года, добавивъ отъ себя: «а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». Но онъ начиналъ «Повѣсть» уже большимъ введеніемъ, составленнымъ на основаніи различныхъ источниковъ, которое содержало географическое распредѣленіе сначала вообще всѣхъ народовъ, пошедшихъ отъ Ноя, а потомъ — въ частности славянъ

и, наконецъ, русскихъ племенъ. Здѣсь онъ воспользовался, между прочимъ, Хроникой Георгія Амартола, которую бралъ уже не изъ «Хронографа по великому изложенію», но изъ полнаго ея списка, посившаго имя автора, почему онъ и могъ прямо сослаться на него словами «Глаголеть Георгій в лѣтописаніи». Заглавіе переработаннаго или, точнѣе сказать, продолженнаго труда своихъ предшественниковъ Несторъ оставилъ безъ измѣненія и своего имени не поставилъ. Онъ не поставилъ его потому же, почему не ставили своихъ именъ и его предшественники: все они понимали, что постановка ихъ имени не соотвѣтствовала бы дѣйствительности, такъ какъ каждому изъ нихъ принадлежала лишь незначительная часть «Повѣсти», и никто не могъ бы назвать себя авторомъ всей «Повѣсти[1]». Такъ какъ Несторъ писалъ въ княженіе Мономаха, то онъ и довелъ свой трудъ, по крайней мѣрѣ, до момента его вокняженія, т. е. въ его трудѣ было не только извѣстіе объ явленіи огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ 11 февр. 1110 г., но и благочестивыя размышленія по поводу этого явленія и разсказъ о походѣ князей противъ Половцевъ въ 1111 г., и подробное (сравнительно, конечно) извѣстіе о смѣнѣ игуменомъ Прохоромъ игумена Печерскаго монастыря Феоктиста, поставленнаго въ епископы въ Черниговъ, каковое событіе имѣло, конечно, важное значеніе для монастыря, и, наконецъ, описаніе смерти Святополка, предсказанной затменіемъ солнца; это знаменіе было не на добро, и, дѣйствительно, скоро умеръ Святополкъ. Такъ явился новый видъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», который можетъ быть названъ *второй* редакціей «Повѣсти», такъ какъ трудъ Нестора состоялъ не только въ простомъ продолженіи, подобно его предшественникамъ, но до извѣстной степени въ редакторской обработкѣ.

Трудъ Нестора тотчасъ же перешелъ въ сосѣдній Выдубицкій монастырь. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и нѣтъ надобности искать для этого перехода какихъ-либо особенныхъ причинъ, въ родѣ причинъ политическихъ. Игуменъ Сильвестръ могъ быть просто близкимъ чело-

[1] Еще Погодинъ (Изслѣдованія, 1. 66) по тѣмъ же основаніямъ признавалъ невозможнымъ, чтобы Несторъ поставилъ надъ «Повѣстью» свое имя.

вѣкомъ къ Нестору, какъ самъ книжный человѣкъ. Поэтому, вполнѣ понятно, если у него явилось желаніе имѣть копію со всего произведенія. Онъ это и сдѣлалъ, окончивъ списываніе въ 1116 году и снабдивъ свою работу извѣстной припиской. Разумѣется, и онъ не могъ поставить имя Нестора въ заглавіи «Повѣсти», такъ какъ онъ не могъ не знать, какая доля ея принадлежала Нестору. Но и помимо того, онъ не поставилъ имени Нестора просто потому, что онъ не прибавлялъ отъ себя ничего, ограничиваясь только перепиской. Такъ явилась такъ наз. «Сильвестровская» редакція «Повѣсти», которая въ дѣйствительности не должна такъ называться, будучи простой копіей съ Несторова оригинала[1]. Дальнѣйшая ея судьба подверглась одной случайности. Она не получила продолженія и продолжала сохраняться въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ-подъ пера Сильвестра. Послѣдній сдѣлалъ свою запись на особомъ листѣ, а послѣднее его «списаніе» оканчивалось на послѣднемъ

---

[1] Шахматовъ въ своихъ работахъ о «Повѣсти временныхъ лѣтъ» держится обратнаго мнѣнія объ имени автора «Повѣсти», а именно, считая авторомъ первоначальной редакціи «Повѣсти» Нестора, онъ думаетъ, что Несторъ поставилъ въ заглавіи свое имя, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ въ «Житіи Бориса и Глѣба» и въ «Житіи Ѳеодосія», именно въ заглавіи читались слова «Нестора черноризца Ѳеодосіева монастыря Печерскаго». Сильвестръ же выпустилъ эти слова какъ-будто по связи съ тѣмъ, что онъ изъ памятника, благопріятнаго къ Святополку, дѣлалъ памятникъ, благопріятный Мономаху. Едва ли можно думать о такомъ непріязненномъ отношеніи Сильвестра къ Печерскому монастырю и въ частности къ Нестору. Скорѣе надо думать, что Сильвестровская копія потому и явилась, что оба сосѣднихъ монастыря были въ дружественныхъ между собой отношеніяхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ таковыхъ отношеніяхъ между собой были Сильвестръ и Несторъ. Оригиналъ Нестора тотчасъ же попадаетъ въ руки Сильвестра, что и можно объяснить только близкой связью между ними. Можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы Сильвестръ обманомъ выманилъ Несторовъ оригиналъ, для того, чтобы передѣлать его по заказу Владиміра Мономаха въ угодномъ для него духѣ? Да и можно ли, далѣе, считать вѣроятнымъ, чтобы Мономахъ могъ знать, что у Нестора въ Печерскомъ монастырѣ составлена благопріятная для Святополка лѣтопись, и что онъ далъ порученіе Сильвестру какъ-либо взять эту лѣтопись и передѣлать ее? Гораздо правдоподобнѣе думать, что Сильвестръ, можетъ быть, хорошо знакомый съ Несторомъ, списалъ его трудъ лично для себя, по своей собственной иниціативѣ. Нѣтъ, поэтому, основанія думать о какомъ-то переходѣ княжескаго лѣтописанія въ Выдубицкій монастырь, каковой переходъ будто бы взволновалъ Печерскую обитель, въ результатѣ чего явилась 3-я редакція (XVII)

листѣ тетради, на которыхъ тогда обыкновенно писали. И вотъ, съ теченіемъ времени послѣдняя тетрадь оторвалась и исчезла, и на предыдущей тетради осталось только сказаніе о появленіи надъ Печерскимъ монастыремъ огненнаго столпа до начала благочестивыхъ размышленій, кончая словами «ангелъ твой буди съ тобою», послѣ которыхъ слѣдовала прямо запись Сильвестра, т. е. получался тотъ видъ, который и сохранился въ спискахъ Лаврентьевскомъ и сходныхъ съ нимъ. Возможно, разумѣется, что Сильвестръ, поставленный въ 1118 г. епископомъ въ Переяславль, взялъ съ собой туда свой трудъ, гдѣ поэтому-то онъ и не былъ продолженъ.

Несторовъ оригиналъ «Повѣсти», по снятіи съ него Сильвестромъ копіи, возвратился въ Печерскій монастырь, и здѣсь легъ въ основаніе дальнѣйшаго лѣтописанія, которое явилось, такимъ образомъ, непосредственнымъ продолженіемъ Несторова труда. Какъ оно здѣсь продолжалось, остается неяснымъ: записывались ли событія ежегодно, или приписывалось продолженіе черезъ извѣстные промежутки времени, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто съ исторіей сложенія «Повѣсти врем. лѣтъ». Вѣроятнѣе предполагать послѣднее. Точно опредѣлить время перваго продолженія — затруднительно, но съ нѣкоторою вѣроятностью можно думать, что продолженіе было сдѣлано въ княженіе Мономаха. Во всякомъ случаѣ, приверженецъ Мономаха, хорошо знавшій его семейную жизнь и нѣкоторые случаи участія его въ общественной жизни еще до его великокняженія, дѣлалъ на поляхъ Несторова оригинала мелкія добавленія, въ одну — двѣ строки; онъ сдѣлалъ также нѣсколько добавленій, не относящихся непосредственно къ Мономаху, какъ, напр., указанія на нѣкоторыя явленія природы — затменія, землетрясенія. По внутренней обработки текста онъ не дѣлалъ, т. е., иначе сказать, никакой редакторской работы надъ «Повѣстью врем. лѣтъ» онъ не производилъ. При послѣдующей переписке всѣ эти мелкія добавленія внесены были въ текстъ, и такимъ образомъ получился тотъ видъ «Повѣсти», который и дошелъ до насъ въ Ипатьевской и сходныхъ съ нею лѣтописяхъ: въ нихъ «Повѣсть» слилась непосредственно съ той лѣтописью, которая, на основаніи своего содержанія, въ научной литературѣ называется «Кіевской лѣтописью».

Имя же Нестора, какъ автора лѣтописи, продолжало жить по традиціи. Объясненіе того обстоятельства, что имена первыхъ авторовъ «Повѣсти», предшественниковъ Нестора, не сохранились, а имя Нестора осталось, можно, кажется, находить въ томъ, что Несторъ въ Печерскомъ монастырѣ извѣстенъ былъ вообще, какъ писатель, какъ авторъ двухъ житій — «Житія Бориса и Глѣба» и «Житія Ѳеодосія», тогда какъ его предшественники, очевидно, другихъ трудовъ не оставили. Память о Несторѣ, какъ о писателѣ, поддерживалась слѣдов. документально, и потому традиція и сохраняла его имя связаннымъ съ лѣтописью. Изъ этой традиціи его имя попало въ Хлѣбниковскій списокъ лѣтописи и въ Посланіе Поликарпа къ Акиндину.

VII.

Выводы изъ всего сказаннаго будутъ слѣдующіе [1]:

1) Въ концѣ 30-хъ годовъ XI вѣка въ Кіевъ прибылъ первый греческій митрополитъ съ своимъ клиромъ. Прибытіе того и другого связывалось съ учрежденіемъ Ярославомъ Русской митрополіи и съ построеніемъ храма св. Софіи, который и былъ освященъ въ 1039 году.

2) Греческій клиръ, во исполненіе предшествующихъ переговоровъ Ярослава съ Константинопольскимъ патріархомъ, привезъ съ собой цѣлую греческихъ литературу книгъ разнообразнаго содержанія, отсутствовавшихъ въ перешедшей до этого времени на Русь славянской, главнымъ образомъ, болгарской письменности.

3) Съ этого момента начался на Руси свой особый періодъ переводческой дѣятельности русскихъ книжниковъ, дѣятельности, падавшей, слѣдов., на вторую половину Ярославова княженія и отмѣченной лѣтописцемъ въ статьѣ 1037 года, написанной уже послѣ смерти Ярослава. Переводы совершались прямо на русскій языкъ, т. е. на тогдашній литературный церковно-славянскій, образовавшійся на основѣ языка болгар-

[1] Сравн. 10 главу моего изслѣдованія о хроникѣ Георгія Амартола.

скаго и подъ перомъ русскаго книжника воспринимавшій и черты языка русскаго, между прочимъ, и въ словарномъ матеріалѣ.

4) Въ числѣ другихъ памятниковъ была переведена и хроника Георгія Амартола, доведенная его продолжателемъ до 948 года.

5) Вслѣдствіе большого объема хроники и обилія въ ней богословско-догматическихъ разсужденій, затруднявшихъ читателя, вскорѣ былъ составленъ сравнительно краткій хронографъ изъ разнообразныхъ источниковъ, но главнымъ образомъ на основаніи хроники Георгія Амартола. Всѣ богословско-догматическія части изъ хроники были выпущены. Новосоставленный хронографъ его редакторомъ былъ названъ «Хронографъ по великому изложенію», т. е. по хроникѣ Георгія Амартола. Оканчивался онъ тѣмъ же 948 годомъ.

6) Вскорѣ, а можетъ быть, и одновременно съ своимъ возникновеніемъ, «Хронографъ по великому изложенію» получилъ продолженіе въ видѣ изложенія событій изъ русской исторіи. Основаніемъ для этого служила, во первыхъ, сама дѣйствительность, которая тѣсно связывала Византію съ Русью и которая давала достаточно матеріала для преданій, а во вторыхъ — книжное вліяніе, такъ какъ хроника Георгія Амартола нѣсколько разъ упоминала о Руси, тревожившей Византію своими набѣгами.

7) Хронологической канвой для русской исторіи служила исторія византійская, расположенная по царствованіямъ императоровъ. Счетъ велся уже по годамъ отъ сотворенія міра. «Пустыхъ» годовъ въ «Хронографѣ» не было.

8) Русская исторія разсказывалась въ «Хронографѣ по великому изложенію» частію по преданіямъ, частію по письменнымъ источникамъ, частію же комбинировалась изъ тѣхъ и другихъ. Въ немъ уже было сказаніе о призваніи князей, были сказанія о походахъ Олега и Игоря, при чемъ сказанія о походахъ Игоря были цѣликомъ передѣланы изъ хроники Георгія Амартола съ осложненіемъ изъ «Житія Василія Новаго», далѣе, было все сказаніе о крещеніи Владиміра, чѣмъ «Хронографъ», повидимому, и заканчивался. Такъ первоначальное «русское лѣтописаніе» тѣсно примыкало къ «лѣтописанію греческому».

9) Въ концѣ 50-хъ годовъ XI вѣка, послѣ смерти Ярослава, рус-

ская исторія была оторвана отъ греческой и вступила на самостоятельный путь. Была составлена своя русская «Повѣсть временныхъ лѣтъ» при помощи механическаго отдѣленія русскихъ событій отъ греческихъ, съ дополненіемъ нѣкоторыхъ новыхъ извѣстій, съ продолженіемъ исторіи княженія Владиміра и Ярослава до смерти Ярослава включительно (1054 г.) и съ предисловіемъ, въ которомъ указывалась исходная точка русской исторіи — 852 годъ, годъ нападенія Аскольда и Дира на Константинополь. Конецъ ея былъ указанъ авторомъ въ хронологической таблицѣ — годъ смерти Ярослава.

10) Въ новосоставленной «Повѣсти временныхъ лѣтъ» въ предѣлахъ до 948 г. хронологическая канва оставалась византійская, но сама византійская исторія подверглась сокращенію: удерживались только указанія на начала царствованія императоровъ, да на случайныя нѣкоторыя событія, между прочимъ — на относящіяся къ славянской исторіи. Византійскія событія, связанныя съ русской исторіей, удерживались полностью. Здѣсь уже явились «пустые» года, образецъ для которыхъ могла дать переведенная въ тотъ же періодъ на Руси хроника Георгія Синкелла, гдѣ счетъ велся по олимпіадамъ, среди которыхъ было много олимпіадъ «пустыхъ».

11) *Это была первая редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ»*. Она и носила заглавіе «Се повѣсти временьныхъ лѣтъ, отъкуда есть пошьла Русьская земля, къто въ Кыевѣ нача первѣе княжити и отъкуда Русьская земля стала есть». Она имѣла тотъ самый видъ, который сохранился въ спискахъ Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ, но безъ обширнаго введенія въ началѣ (до 6360—852 г.) и безъ «Сказанія о началѣ Печерскаго монастыря» подъ 1051 г. Все остальное уже въ ней читалось, т. е. событія новгородскія и тмутороканскія. Были въ ней и Договоры русскихъ князей съ греками.

12) Дальнѣйшая исторія «Повѣсти временныхъ лѣтъ» во все продолженіе XI вѣка состояла въ простомъ продолженіи послѣдующихъ событій. Съ бо́льшею вѣроятностью можно думать, что послѣдующія событія вписывались не погодно, а въ извѣстные промежутки времени. Одно изъ такихъ «продолженій» могло принадлежать и Никону въ 70-хъ годахъ. Возможно, что слѣдующее «продолженіе» было сдѣлано

въ 90-хъ годахъ. Но «продолжатели» не вносили ничего, кромѣ ничтожныхъ добавленій, въ предшествующій текстъ, который продолжалъ переписываться безъ редакціонныхъ измѣненій.

13) Въ началѣ второго десятилѣтія XII вѣка, тотчасъ послѣ смерти Святополка (1113 г.), первоначальная редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ» со всѣми ея продолженіями была вновь продолжена до смерти Святополка включительно. Авторомъ ея былъ Несторъ, который придѣлалъ къ ней обширное введеніе, гдѣ вновь воспользовался хроникой Георгія Амартола въ полномъ ея спискѣ, а въ своей самостоятельной части (возможно, что съ половины 90-хъ годовъ) воспользовался различными письменными источниками, какъ «Откровеніе Меѳодія Патарскаго» или Повѣствованіе попа Василія объ ослѣпленіи Василька. Оставивъ старое заглавіе «Се Повѣсть временныхъ лѣтъ» и т. д., Несторъ такъ же, какъ и его предшественники, своего имени не поставилъ. *Такъ явилась вторая редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ»*, сохранившаяся въ полномъ и цѣльномъ видѣ (безъ случайно исчезнувшаго конца), безъ всякихъ позднѣйшихъ вставокъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ.

14) Трудъ Нестора въ 1116 году былъ переписанъ дословно, безъ всякихъ редакторскихъ передѣлокъ, Сильвестромъ, поставившимъ свое имя, какъ переписчика.

15) По снятіи Сильвестромъ копіи, Несторовъ оригиналъ вернулся въ Печерскій монастырь, гдѣ сталъ получать обычныя продолженія, обратившись въ лѣтопись, называемую «Кіевской» и представленную спискомъ Ипатьевскимъ. Однимъ изъ ближайшихъ переписчиковъ были вставлены незначительныя добавленія, касающіяся семейной жизни Мономаха.

16) Сдѣланная Сильвестромъ копія, а можетъ быть и копія съ копіи, съ теченіемъ времени потеряла послѣднюю тетрадь, сохранивъ приписку Сильвестра потому, что послѣдняя была сдѣлана на особомъ листѣ или на переплетѣ. Результатомъ было то, что Лаврентьевскій списокъ обрывается на 1110 годѣ, на половинѣ фразы.

17) Итакъ: *первая* редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ» составлена въ 30-хъ годахъ XI вѣка, а *вторая* — въ 10-хъ годахъ XII вѣка.

В. Истринъ.